

**УРСУЛА
ЛЕ ГУИН**

**Левая рука
ТЬМЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Хайнский цикл

Урсула Ле Гуин

Левая рука тьмы (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Ле Гуин У. К.

Левая рука тьмы (сборник) / У. К. Ле Гуин — «Азбука-Аттикус»,
— (Хайнский цикл)

ISBN 978-5-389-11383-1

Этот сборник – еще несколько загадок вселенной Хайнского цикла: закрытая для контактов планета в «Роканноне», захваченная пришельцами Земля в «Городе иллюзий», непримиримая вражда колонистов и туземцев в «Планете изгнания», уникальная физиологическая зависимость обитателей планеты Зима от лунного цикла в «Левой руке тьмы». Необычные миры, удивительные народы, сильные и страстные герои, оригинальные фантастические идеи и прекрасный литературный слог. Волнуя умы и завоевывая многочисленные награды, книги Урсулы Ле Гуин мгновенно становились классическими.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-11383-1

© Ле Гуин У. К.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Роканнон	7
Пролог Ожерелье	7
Часть I	22
Глава 1	22
Глава 2	26
Глава 3	34
Глава 4	41
Глава 5	47
Часть II	58
Глава 6	58
Глава 7	65
Глава 8	72
Глава 9	78
Эпилог	85
Планета изгнания	86
Глава 1	86
Глава 2	92
Глава 3	98
Глава 4	103
Глава 5	107
Глава 6	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Урсула Ле Гуин

Левая рука тьмы

© И. Гурова (наследник), перевод, 2016

© Э. Раткевич, перевод, 2016

© С. Славгородский, перевод, 2016

© И. Тогоева, перевод, 2016

© С. Григорьев, иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Роканнон

Пролог Ожерелье

Как в мире, невероятно далеком от нашего, отличить сказку от реальности? Ведь мы не знаем даже названий многих планет, обитатели которых говорят просто: «Это наш мир». И в мире этом еще нет науки Истории, здесь прошлое – лишь объект мифа, здесь инопланетный исследователь, вернувшись через несколько лет, обнаруживает, что успел стать для местных жителей богом. Здесь разум еще спит, и когда мы, явившись на своих невероятно быстрых космических кораблях, пытаемся принести сюда свет знаний наших миров, в неверном еще

свете этом начинают бурно расти, точно сорняки в поле, сумеречные суеверия и разнообразные преувеличения.

Пытаясь рассказать историю одного ученого из Лиги Миров, отправившегося в такой вот безымянный и мало еще исследованный мир, чувствуешь себя археологом среди древних руин: то приходится с трудом продираться сквозь сплетение веток, листьев и лиан, поглотивших развалины; то тебе вдруг попадается идеальное, с точки зрения геометрии, колесо или до блеска отполированный угловой камень дивного строения; то мелькнет перед тобой раскрытая дверь, а за ней, в полутьме – теплое мерцание очага, блеск драгоценного камня, едва заметный взмах женской руки...

Как отличить действительность от мифа, как отличить одну истину от другой?

Вся жизнь Роканнона озарена была мимолетной вспышкой синего огня, заключенного в старинном ожерелье. Что ж, с этого мы, пожалуй, и начнем.

Восьмой галактический сектор, № 62, система Фомальгаут-II.

Обнаружены Формы Высокоразвитого Интеллекта (ФВИ). Контакт состоялся со следующими представителями:

1. а) Гдемьяр (единственное число – гдем): интеллект высоко развит; гуманоиды, ведущие ночной образ жизни; троглодиты, обитают в пещерах; рост 120–135 см, кожа светлая, волосы темные. Социальное устройство: в момент Контакта их общество имело жесткую олигархическую структуру; гдемьяр проживают главным образом в городских общинах, скрепленных частичной телепатией (в пределах данной конгломерации). Культура: начало железного века, ориентация на технологическое развитие. В 252–254 г. Лига искусственно подняла уровень их развития до Индустриального-С. В 254 г. олигархам Кириенского побережья был подарен автоматически пилотируемый корабль, способный совершать полеты Фомальгаут – Новая Южная Джорджия (и обратно). Статус С-прим.

б) Фийя (единственное число – фийян): интеллект высоко развит; гуманоиды; ведут обычный, дневной образ жизни; средний рост 130 см, волосы чаще всего светлые, кожа тоже светлая. Насколько можно судить по беглым наблюдениям во время Контакта, живут сельскими общинами и номадами, внутри которых отмечена частичная телепатическая связь. Также вполне возможна некоторая способность к телекинезу. К технологическому развитию, по всей видимости, не склонны; избегают контактов, внешние признаки культурного развития удалось выявить недостаточно. В настоящее время обложение фийя налогами представляется невозможным. Предположительно Статус Е.

2. Лийяр (единственное число – лиу): интеллект высоко развит; гуманоиды; дневной образ жизни; средний рост более 170 см; классовое феодальное общество, устроенное по принципу «замок – деревня»; культура – бронзовый век (без тенденции к дальнейшему развитию), героический эпос. Примечание: два «горизонтальных» псевдоподвида: а) ольгьяр (единственное число – ольгья), или «низкорослые», – светлокожие и темноволосые; б) ангьяр (единственное число – ангья), или «повелители», – очень высокие, темнокожие и светловолосые...

– Вот она, – сказал Роканнон, заглянув в карманный «Краткий словарь ФВИ», и указал на очень высокую темнокожую женщину с золотистыми волосами, уложенными короной над лбом. Застыв посреди длинного зала, она неотрывно смотрела на какой-то экспонат под стеклом, а возле нее неловко переминались с ноги на ногу четыре карлика, довольно-таки неприятные на вид.

– Вот уж не знал, что в системе Фомальгаут-II, кроме тех троглодитов, есть еще какие-то народы, – откликнулся Кето, хранитель музея.

– Я тоже не знал. А там, оказывается, есть еще и много таких, чье существование, как гласит словарь, «пока не подтверждено». Их пока никто из исследователей даже не видел.

Пора, пора заняться этой планетой повнимательней! Что ж, теперь мы, по крайней мере, знаем, откуда она.

– Хорошо б еще узнать, кто она такая!..

Она была из старинного королевского рода, потомок первых правителей ангъяр, однако семья ее обеднела, и в наследство Семли досталось лишь золото прекрасных волос, сиявших ясным немеркнущим светом. Маленькие фийя почтительно склонялись перед ней, когда она босиком носилась по полям – легконогое дитя народа ангъяр с пышной и яркой, точно комета, гривой светлых волос, развевавшихся на ветру Кириена.

Она была еще совсем девочкой, когда Дурхал Халланский увидел ее, влюбился, сделал своей женой и увез из полуразрушенного замка, где гуляли сквозняки, к себе в Халлан. В Халлане, построенном высоко на горе, тоже было не слишком уютно. Впрочем, Семли с детства привыкла к тому, что окна в замке без стекол, каменные полы не застелены коврами, а зимой по утрам под каждым окном наметает полоску снега. Юная жена Дурхала бесстрашно ступала босыми узенькими ступнями на ледяной пол и, со смехом поглядывая в серебряное зеркало на мужа, принималась заплетать и укладывать в сложную прическу пламень своих волос. Зеркало это, висевшее на стене их спальни, да свадебное платье матери Дурхала, расшитое тысячами крошечных прозрачных бисеринок, составляли все их богатство. Хотя даже среди обитателей замка кое у кого из родичей Дурхала, куда менее знатных, чем он, сундуки были полны богато расшитой одежды, имелась и позолоченная мебель, и серебряная упряжь, и прекрасные доспехи, и мечи в серебряных ножнах, и множество драгоценностей – все это не слишком нравилось жене молодого Дурхала, но она с завистью посматривала на усыпанную самоцветами диадему или золотую брошь, даже если владелица их почтительно уступала ей дорогу, склоняя голову перед благородством и величием ее рода и рода ее супруга.

Четвертыми от трона правителя Халлана сидели во время трапез Дурхал и жена его Семли – так близко от старика, что он нередко сам наливал Семли вино, беседуя со своим племянником и наследником Дурхалом об охоте; старый Хозяин Халлана поглядывал на юную пару любовно, хотя и мрачновато: самому ему уже надеяться было не на что. Впрочем, многие обитатели Халлана, да и Западных Земель, вообще почти перестали уповать на будущее – с тех пор, как в их мире появились Властелины Звезд со своими странными летающими домами, испускавшими столбы огня, и со своим ужасным оружием, что в один миг сравнивало с землей холмы. Властелины Звезд нарушили все древние военные законы, не соблюдали установленного перемирия и опозорили ангъяр данью – пусть небольшой! – обязав их платить ее во имя какой-то войны с неведомым врагом, притаившимся якобы между звезд, на дальнем конце времен. «Это будет и ваша война», – твердили ангъяр Властелины Звезд, однако уже много лет ангъяр не вели вообще никаких военных действий, не производили набегов, а проводили время в праздности, сидя в парадных залах своих замков и глядя, как ржавеют их мечи; и сыновья их вырастали, так и не нанеся порой ни одного удара врагу, а дочери вынуждены были выходить замуж за бедняков, даже за «низкорослых», ибо у них не было достойного приданого, добытого их отцами и братьями в геройском бою. Печально глядел старый правитель Халлана на золотоволосую пару, слушая, как Семли и Дурхал шутят и смеются, прихлебывая горьковатое вино в холодном, величественном, однако сильно обветшавшем уже парадном зале замка, издавна принадлежавшего их роду.

Семли мрачнела лишь тогда, когда видела сидевших на куда менее почетных, чем у нее, местах всяких «полукровок» и «низкорослых», в темных волосах и на белой коже которых сверкали драгоценные камни. Сама она в приданое не получила даже серебряной заколки для волос. А расшитое бисером платье – подарок матери Дурхала – сразу после свадьбы спрятала в сундук: подарит дочери, если у нее когда-нибудь родится девочка.

И у них действительно родилась дочь, и они назвали ее Хальдре, и вскоре золотистый пушок на темнокожей головке малышки превратился в роскошь золотых кудрей – иным золотом Хальдре владеть, видно, было уже не суждено...

Семли не рассказывала мужу о своих страданиях. Дурхал был с нею очень нежен и мягок, однако в гордости своей испытывал лишь презрение к зависти и суетным, тщеславным желаниям, и Семли боялась, что он ее осудит. Зато она могла поговорить об этом с Дуроссой, сестрой Дурхала.

– Когда-то у нас в семье из поколения в поколение передавалось дивное сокровище, – сказала она. – Золотое ожерелье с огромным синим самоцветом – по-моему, это был сапфир.

Дуросса только плечами пожала и улыбнулась. Она тоже плохо разбиралась в драгоценных камнях. Стояло теплое лето, точнее, конец того периода, который северные ангьяр называют летом, – самая приятная часть долгого, восьмисотдневного года, начало которого отмечалось во время равноденствия. Семли такое летоисчисление казалось чуждым; она считала, что его выдумали здешние «низкорослые». На ней ее род кончался; родственники тоже не имели наследников мужского пола, однако Семли знала, что происходит из куда более благородной семьи, чем любая из здешних; жители этих заболоченных равнин слишком часто вступали в браки с «низкорослыми», и Семли их осуждала. Она сидела сейчас рядом с Дуроссой на залитой солнцем широкой скамье перед окном. Покои Дуроссы находились в Большой Башне, высоко над землей. Дуросса овдовела совсем молодой, детей у нее не было, и ее выдали замуж второй раз – за собственного дядю, брата ее отца, бывшего правителем Халлана. Поскольку брак был родственным и вторым для обеих сторон, Дуросса не получила титула Хозяйки Халлана, который в будущем должна была получить Семли. Но на троне сидела рядом с мужем и вместе с ним управляла его владениями. Дурхал был ее младшим братом, и она без памяти любила его молодую жену и очаровательную светловолосую дочурку.

– За это ожерелье заплатили всем, что получил мой предок Лейнен, когда завоевал Южные Владения, – мечтательно продолжала Семли. – Огромную сумму – стоимость целого королевства! – за одно украшение. Ты только подумай! Ах, оно, несомненно, затмило бы блеск всех украшений за столом Халлана! Даже те красивые камешки, похожие на яйца птиц кооб, которые носит твоя двоюродная сестра, рядом с ним померкли бы. Оно было так прекрасно, что даже имя получило – его назвали «Око моря». Моя прабабушка еще успела его поносить...

– А ты никогда его не видела? – спросила Дуросса, лениво поглядывая на раскинувшиеся внизу зеленые склоны гор, овеваемые жаркими беспокойными ветрами долгого, долгого лета. Ветры бродили по зеленым лесам, а потом по белым дорогам туманов уносились к далеким морским берегам.

– Нет. Оно пропало еще до моего рождения. Хотя нет, не пропало. Отец говорил, что его украли – еще до того, как в нашем мире появились эти Властелины Звезд. Вообще-то, он говорить об этом не любил, но у нас в замке была одна старуха из «низкорослых», у которой голова была битком набита всяческими историями, так вот она мне всегда твердила, что фийя-то уж точно знают, где это ожерелье.

– Хотелось бы мне на этих фийя поглядеть! – воскликнула Дуросса. – О них столько песен и всяких легенд сложено! Интересно, почему они никогда не появляются в Западных Землях?

– Наверное, здесь слишком высоко, да и холодновато для них, особенно зимой. А они очень любят солнце – вот и живут в южных долинах.

– А на «глиняных» они похожи?

– Я «глиняных» сама ни разу не видала; у нас, на юге, они стараются держаться подальше от ангьяр. По-моему, они похожи на ольгьяр – такие же светлокожие, – только куда безобразней. А фийя светловолосые и похожи на детей, только еще меньше и тоньше, но куда мудрее. Интересно, а вдруг они и правда знают, где это ожерелье и кто его украл? Ты только представь, Дуросса: я вхожу в парадный зал Халлана и сажусь рядом со своим мужем, а на шее у меня

прекрасное ожерелье, стоимостью в целое королевство! Да я бы всех женщин сразу затмила, как мой супруг затмевает всех других мужчин!

Но Дуросса, склонившись к малышке, что сидела на звериной шкуре у ног матери и тетки и внимательно изучала собственные ножонки с крохотными пальчиками, лишь вполголоса пробормотала, словно обращаясь к девочке:

– Семли у нас совсем глупенькая, верно? Краса ее сверкает, точно падающая звезда, и мужу ее никакого золота не нужно, кроме золотых ее волос...

Но Семли, скользя взглядом по зеленым, нагретым летним солнцем склонам гор и в мечтах уносясь к морю, возражать ей не стала.

Миновала еще одна зима, и снова явились Властелины Звезд, собирая дань для своей непонятной бесконечной войны, – на этот раз они привели с собой в качестве переводчиков двух отвратительного вида «глиняных», и ангьяр, чувствуя себя бесконечно униженными, были настолько этим возмущены, что чуть не восстали. Потом снова настало лето, и прошло, и Хальдре подросла и стала прелестной маленькой болтушкой, и однажды утром Семли принесла девочку в залитые солнцем покои Дуроссы в Большой Башне и сказала:

– Присмотри, пожалуйста, за Хальдре, Дуросса. – Она была одета в старенький синий плащ, а золотые волосы ее скрывал капюшон. Говорила и двигалась она, пожалуй, чересчур торопливо, но лицо ее было спокойно. – Меня всего несколько дней не будет. Присмотришь? Я на юг собралась, в Кириен.

– К отцу?

– Нет, хочу отыскать свое наследство. Двоюродные братья Дурхала насмеются над ним. Даже этот «полукровка» Парна из Харгета считает, что имеет на это право! А все потому, что у его жены есть атласное покрывало и бриллиантовая сережка в ухе, да нарядных платьев целых три штуки, хотя физиономия у этой черноволосой потаскухи точно из сырого теста! Тогда как жене благородного Дурхала приходится на свое единственное платье заплатки ставить...

– Разве Дурхалу важно, что надето на его жене, которой он так гордится?

Но Семли будто не слышала.

– Правители Халлана выглядят теперь беднее собственных гостей! Нет, я непременно принесу своему мужу и повелителю такое приданое, какое подобает женщине из моего рода!

– Опомнись, Семли! А брат мой знает, куда ты собралась?

– Скажи ему только, что я скоро вернусь и все будет хорошо, – сказала, смеясь, юная Семли, быстро наклонилась, поцеловала дочь и, прежде чем Дуросса успела еще что-то сказать, повернулась и полетела прочь по залитым солнцем каменным плитам пола.

Замужние женщины ангьяр ездили верхом лишь при необходимости, и Семли, выйдя замуж, так ни разу и не покидала замка Халлан; так что теперь, садясь в высокое седло, она вновь почувствовала себя девчонкой с буйным нравом, носившейся некогда вместе с северными ветрами над полями Кириена верхом на полудиких крылатых хищниках. Тот Крылатый, что сейчас уносил ее с высот Халлана, был породистым, могучим зверем с полосатой лоснящейся шкурой и зелеными глазами, жмурившимися от сильного ветра. Его широкие легкие крылья то закрывали, то снова приоткрывали перед Семли раскинувшиеся внизу холмы и облака над ними.

На третье утро она добралась до Кириена. Вновь перед ней были знакомые полуразрушенные стены, и отец ее, пивший всю ночь, как всегда, злился, что солнце, пробиваясь сквозь дыры в кровле, мешает ему спать. При виде дочери он рассердился еще больше.

– Ты зачем это сюда явилась? – прорычал он, стараясь спрятать взгляд опухших от пьянства глаз. Когда-то золотистые, а теперь отвратительно седые, тусклые пряди его волос стояли на черепе дыбом. – Разве этот юнец из Халлана – не муж тебе, что ты домой притащилась?

– Дурхал мне муж, и пришла я за своим приданым, отец.

Пьяница только пробурчал что-то, но она так весело и необидно рассмеялась, глядя на него, что он и сам невольно скривил рот в улыбке и поднял на нее глаза.

– Скажи, отец, это правда, что ожерелье «Око моря» украли фийя?

– Мне-то откуда знать? Сказки все это. А эта штуковина исчезла еще до того, как я родился. Впрочем, лучше б мне и вовсе не родиться! А ты, коли хочешь, самих фийя спроси. Ступай, ступай к ним. Или к мужу возвращайся. Только меня в покое оставь. Тут, в Кириене, не место для девиц, для золотых украшений и прочей чепухи. Кириену теперь конец; здесь и так одни развалины остались, в парадном зале ветер гуляет. Все сыновья Лейнена мертвы, все их сокровища пропали, все, все прахом пошло... Ступай своей дорогой, девочка.

Седой, опухший, похожий на тех пауков, что селятся в заброшенных жилищах, он потащился к подвалу, где, видно, прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого зверя, вышла Семли из старого своего дома и побрела вниз по крутому склону холма, мимо деревни ольгяр, которые хоть и поглядывали на нее сердито, но кланялись довольно почтительно. На пастбище паслись полудикие Крылатые с подрезанными крыльями. Семли спустилась в веселую, точно расписная миска, долину, до краев наполненную солнечным светом. Деревня фийя была на самом дне этой «миски», и маленькие хрупкие фийя уже выбегали из домов и садов навстречу Семли, осторожно ведущей в поводу своего зверя; фийя смеялись и радостно приветствовали ее тоненькими, еле слышными голосами:

– Рады видеть тебя, супруга молодого Дурхала, наследница Халлана, правительница Кириена! Здравствуй, Семли Золотоволосая! Здравствуй, Оседлавшая Ураган!

Они называли Семли всякими ласковыми прозвищами, и ей это было приятно, и ее совсем не раздражал их бесконечный смех, потому что смеялись они надо всем, в том числе и над собой. Она и сама была похожа на них – такая же веселая и смешливая. Только сейчас она высилась посреди их деревни в своем синем плаще, а фийя скакали вокруг, образуя маленькие водовороты, точно ручей у запруды.

– Приветствую вас, Солнечный Народ! Здравствуйте, фийя, друзья мои!

Они повели ее в один из своих воздушных домиков; множество крохотных ребятишек бежало следом. Возраст взрослого фийяна определить невозможно. Порой трудно даже сразу отличить одного от другого – так быстро они мелькают вокруг, точно мотыльки, собравшиеся на свет свечи. Семли даже казалось, что она разговаривает со всеми разом, а не с кем-то одним, хотя это было совсем не так. Видимо, разговаривал с ней все же кто-то один, а остальные кормили и ласкали ее Крылатого, тащили ей фрукты из своих садов и холодную родниковую воду и вообще всячески старались ей угодить.

– Никогда! – воскликнул тот фийян, которому она задала свой вопрос. – Никогда не крали фийя ожерелья, принадлежавшего правителям Кириена! Да и что фийя стали бы делать с золотым украшением, госпожа моя? Летом у нас есть золото солнца, а зимой – воспоминания о нем. А еще у нас есть золотые плоды и золотая листва, когда лето сменяется зимой, и золотистые волосы нашей госпожи Семли из Кириена. Разве нужно нам что-то еще?

– Так, может, его «низкорослые» украли?

Долго звенел после этих ее слов легкий смех фийя.

– Да разве они осмелятся? О, правительница Кириена! Никто не знает, как пропало знаменитое ожерелье, – ни ангяр, ни ольгяр, ни фийя, ни один из Семи Народов. Лишь мертвые могут помнить, как это случилось в давние времена, когда Кирли Гордый, прадед нашей Семли, гулял в одиночестве по берегу моря близ пещер... Но, может, оно и найдется еще у Тех, Кто Ненавидит Солнце.

– У «глиняных»?

Снова зазвенел смех фийя, только на сей раз какой-то нервный.

– Сядь с нами, Семли, солнцеволосая, вернувшаяся к нам с севера, поешь! – И она села с ними за стол, и ей было приятно их легкое гостеприимство, а они радовались ее искренней

приветливости, но стоило ей снова заговорить о том, что если ожерелье у «глиняных» в пещерах, то она пойдет к ним и заберет свое наследство, как смех фийя начал стихать, а сами они, один за другим, стали как-то незаметно исчезать из-за стола, пока рядом с Семли не остался только один – тот, с кем она говорила до начала этого веселого застолья.

– Не ходи к «глиняным», Семли, – сказал он, и на мгновение сердце у нее будто остановилось, а вокруг все потемнело – это фийян в ужасе медленно прикрыл глаза своею тонкой рукой. И сразу яркие сочные плоды на деревянном блюде показались ей серыми, будто пепельными, а родниковая вода исчезла из всех сосудов.

– Далеко-далеко в горах разошлись некогда наши пути, – продолжал хрупкий собеседник Семли. – Да, фийя и гдемьяр давно расстались, хотя были вместе куда дольше. Ведь в гдемьяр есть то, чего нет в нас, фийя. А то, что есть в нас, им совершенно несвойственно. Подумай о солнечном свете, о зеленой траве, о дающих плоды деревьях, Семли. Подумай, что не все дороги, что ведут вниз, могут привести и наверх.

И фийян поклонился ей, чуть усмехнувшись.

За околицей деревни Семли вновь оседлала своего Крылатого и, громко крикнув «Прощайте!» провожавшим ее фийя, полетела, гонимая полуденным ветром, к скалистым берегам Кириенского моря, где жили в своих пещерах «глиняные».

Ее мучил страх – вдруг придется самой идти вглубь этих пещер, потому что гдемьяр не захотят выходить к ней? Говорят, они боятся не только солнечного света, но даже и лунного, даже свет Большой Звезды им неприятен... Путь ее был долог; лишь раз опустила она на землю Крылатого, чтобы зверь поохотился на древесных крыс. Сама же Семли удовольствовалась куском хлеба из седельной сумы. Хлеб совсем зачерствел и пахнул кожей, но вкус у него пока еще был хлебный, домашний, и она, сидя в одиночестве на лесной поляне, вдруг будто снова оказалась в зале Халлана, услышала негромкий спокойный голос Дурхала, увидела перед собой его лицо, освещенное горящими свечами, и так живо вспомнила она его, такого решительного, живого и молодого, что сразу представила себе, как вернется домой с ожерельем на шее, цена которому – целое королевство, и скажет: «Господин мой, я хотела преподнести тебе такой дар, который был бы тебя достоин...» И сразу же вскочила, заторопилась, позвала Крылатого и вновь устремилась в путь, но, когда она достигла наконец морского побережья, солнце уже село, и в небе зажглась Большая Звезда. С запада подул неприятный ветерок, холодный, порывистый, а Крылатый уже и без того смертельно устал, так что Семли позволила зверю опуститься на песок, и он сразу сложил крылья и свернулся клубком, поджав под себя свои пушистые, покрытые светлой шерстью лапы и довольно урча. Семли стояла рядом, одной рукой придерживая у горла плащ, а другой – нежно поглаживая крылатого кота, так что он прижал уши и замурлыкал, точно домашняя кошка. Прикосновение к теплой шерсти зверя успокаивало, однако вокруг было лишь серое, покрытое клочьями облаков небо да серое море, вдоль которого тянулась темная полоска берега. Потом она разглядела, что по этой темной полоске скользнуло какое-то почти сливающееся по цвету с песком невысокое существо... потом еще одно... потом сразу несколько. Существа перебежали с места на место, то и дело останавливаясь и присаживаясь на корточки.

Семли громко окликнула их. Ей показалось сперва, что они ее не расслышали, однако через минуту они уже окружали ее плотным кольцом, хотя от Крылатого старались держаться подальше. Зверь, впрочем, тоже перестал мурлыкать, и Семли почувствовала, как под ее рукой шерсть у него на загривке встала дыбом. Она взяла его под уздцы – приятно было чувствовать, что у нее есть такой могучий защитник, но она опасалась, что свирепый зверь может разнервничаться, и тогда его не удержишь. Странные существа вокруг точно выросли в песок – стояли, не шевелясь, и молча ее разглядывали. Ноги у них были короткие, толстые. Нет, она не ошиблась: это были они, «глиняные», – одного роста с фийя, да и во всем остальном чем-то их напоминающие, как напоминает порой человека его неуклюжая черная тень. Семли вспомнила

звонкие голоса и смех легконогих хрупких фийя... Эти же коротышки были какие-то квадратные, совсем нагие, малоподвижные, с прямыми черными волосами и отвратительной, влажной и ноздреватой кожей – похожие на жирных личинок. Глаза у них были застывшие, как камни.

– Это вы – «глиняные»?

– Мы народ гдемьяр, мы жители царства Ночи. – Из тьмы вместе с ветром и запахами моря до нее донесся неожиданно звучный и низкий голос; но, как и в деревне фийя, Семли не сразу поняла, кто именно сказал это.

– Приветствую вас, Хозяева Ночи. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. А к вам явилась в поисках своего наследства – ожерелья «Око моря», которое давным-давно кто-то похитил.

– Так почему же ты ищешь его здесь, женщина из народа ангьяр? Здесь ты найдешь только ночь, да песок, да соль морскую.

– А потому, – отвечала Семли, готовая к словесному поединку, – что вещи порой заваливаются в разные трещины и ямки, да и золото, как известно, частенько стремится снова вернуться в землю, из которой пришло. А еще говорят, что созданное всегда ищет своего создателя. – Она не слишком надеялась на удачу, однако ее уловка сработала.

– Ты права; мы знаем об «Оке моря». Это ожерелье когда-то сделано было в наших пещерах. Но потом мы продали его ангьяр. И синий камень добыт тоже гдемьяр – на востоке наших владений. Но только все это было очень, очень давно, ангья. И этих историй почти никто не помнит.

– Нельзя ли мне поговорить с теми, кто еще помнит их?

Коротышки примолкли, будто в сомнении. Ветер затягивал серой мглой песчаный берег и Большую Звезду в небесах; море звучало то громче, то тише. Снова послышался тот же надменный звучный голос:

– Да, госпожа моя. Ты можешь войти в наши подземные дворцы. Пойдем. – В голосе отчего-то появились странные вкрадчивые нотки, но Семли решила об этом не задумываться и смело пошла следом за «глиняными», ведя на короткой сворке крылатого зверя с острыми когтями.

Вход в пещеру зиял, точно беззубый рот зевнувшего старца; оттуда тянуло затхлым запахом жилья. Кто-то из гдемьяр сказал Семли:

– А летающего кота, госпожа моя, оставь здесь.

– Нет, он пойдет со мной, – возразила она.

– Нельзя! – хором сказали «глиняные».

– Можно. Здесь я его не оставлю. Не могу я его оставить – он не мой. И вас он не тронет, я ведь крепко его держу.

– Нельзя! – снова прогудели «глиняные»; потом кто-то из них сказал: – Ну ладно, как пожелаешь, – и гдемьяр снова двинулись вглубь пещеры. Казалось, пещера захлопнула свою пасть у них за спиной – так темно вдруг стало под этими каменными сводами. Семли шла последней, замыкая длинную вереницу гдемьяр, которые вели ее куда-то по длинному и узкому туннелю.

Наконец впереди забрезжил свет, и она увидела, что с потолка свисает белый, слабо светящийся шар, а дальше еще один, и еще, и между ними, извиваясь, точно черви, протянулись длинные черные шнуры. Чем дальше они шли, тем короче становились расстояния между светящимися шарами, и наконец весь туннель оказался залит белым холодным сиянием.

Провожатые Семли остановились на перекрестке трех туннелей, в конце каждого из которых виднелась дверь, сделанная, похоже, из железа.

– Здесь нужно подождать, ангья, – сказали «глиняные», и с ней остались восемь из них, а трое отперли одну из дверей и вошли внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Прямая и неподвижная, стояла дочь народа ангьяр в белом слепящем сиянии ламп; Крылатый прилег у ее ног, раздраженно подрагивая хвостом и сложенными крыльями: ему явно хотелось поскорее убраться отсюда, и он с трудом подавлял это желание. «Глиняные», присев на корточки у Семли за спиной, о чем-то тихо переговаривались на своем языке.

Но вот отворилась центральная из трех дверей, и оттуда донесся совсем иной голос, звучащий хвастливо-торжественно:

– Пусть эта ангья войдет в царство Ночи!

На пороге появился какой-то гдем, такой же низенький, жирный и серый, но все же прикрывший свою наготу неким подобием одежды. Он поманил Семли к себе:

– Войди же. Полюбуйся чудесами царства Ночи – нашими РУКОТВОРНЫМИ чудесами, ибо все это плоды усилий народа гдемьяр!

Семли пригнула голову, крепко держа Крылатого за повод, и последовала за гдемом в низенький дверной проем, рассчитанный явно на этих карликов. Перед ней открылся очередной длинный туннель, залитый белым светом, отражавшимся от его влажных стен. По полу тянулись, насколько мог видеть глаз, какие-то длинные металлические полосы, на которых стояло нечто вроде повозки с металлическими же колесами. Повинуясь своему новому провожатому и ни секунды не колеблясь, Семли с невозмутимым лицом шагнула в повозку, заставив Крылатого улечься в ногах. Гдем тоже сел в повозку напротив нее и стал трогать какие-то ручки и колеса, потом послышался громкий лязг и скрежет металла по металлу, и стены туннеля качнулись и стали уплывать назад. Все быстрее и быстрее мелькали стены по обе стороны от повозки, светящиеся шары над головой слились в одну сплошную полосу, вонючий застойный воздух взметнулся вихрем, сдувая с головы Семли капюшон.

Наконец повозка остановилась. Провожатый, а за ним и Семли поднялись по базальтовой лестнице в обширный вестибюль, а затем прошли в огромный зал, стены которого были высечены в толще скал то ли подземными водами за долгие годы, то ли бесчисленными поколениями гдемьяр. Эти стены никогда не знали солнечного света; тьму здесь разгоняли сияющие холодным белым светом шары. За вделанными в стены решетками вращались огромные лопасти, перемешивая затхлый воздух. Все пространство огромного зала, казалось, заполнено было каким-то гулом и скрежетом – громкими голосами «глиняных», визгом вращающихся за решетками лопастей, рокотом каких-то колес, бесконечными отзвуками, разносящимися по замкнутому пространству и пересекающимся друг с другом. В этом зале все гдемьяр были одеты, причем одежда их очень напоминала одежду Властелинов Звезд: штаны, мягкие башмаки и куртки с капюшонами. А вот женщины, как заметила Семли, оставались совершенно нагими и суетливо, точно рабыни, пробегали мимо, стараясь поскорее убраться с глаз долой. Среди мужчин многие явно были воинами – на поясе они носили нечто похожее на то ужасное оружие Властелинов Звезд, что изрыгало молнии; потом только Семли догадалась, что оружие это не настоящее – из цельного куска железа, вроде детских игрушек. Все это она умудрилась разглядеть, даже головы не повернув. Потом ее снова куда-то повели, но и тогда она по сторонам не смотрела – шла, гордо вздернув подбородок, куда ведут. Наконец она увидела прямо перед собой нескольких гдемьяр с железными обручами на черноволосых головах. Ее провожатый резко остановился, поклонился им и зычно провозгласил:

– Их величества Правители народа гдемьяр!

Правителей было семеро, и они с таким высокомерием воззрились на Семли, что она чуть не рассмеялась. Однако, сдержавшись, сказала сурово, глядя в их серые, похожие на комковатое тесто физиономии:

– Я пришла к вам, о повелители царства Тьмы, в поисках пропавшей драгоценности, принадлежащей нашему семейству. А ищущую я приобретенную еще моим предком Лейненом ожерелье «Око моря». – Голос ее звучал совсем слабо под этими каменными сводами.

– Так нам и сказали гонцы, госпожа Семли. – На этот раз она сразу поняла, кто говорит с ней: он был еще ниже остальных и макушкой едва доставал гостье до груди, но белое лицо его было исключительно властным и свирепым. – Но у нас нет того, что ты ищешь.

– Говорят, когда-то оно здесь было.

– Мало ли что говорят там, наверху, под слепящим солнцем.

– И слова эти сразу уносит ветер, поскольку там, наверху, всегда дуют ветры, так? Я же не спрашиваю, как именно это ожерелье было украдено у нас и возвращено вам, его создателям. Все это старые сказки, старые обиды. Я всего лишь хочу знать, где оно сейчас. У вас его сейчас нет, хорошо. Но, может быть, вы все-таки знаете, где оно?

– Здесь его нет.

– Значит, оно в другом месте?

– Туда тебе не добраться. Никогда. Если только мы тебе не поможем.

– Ну так помогите мне. Прошу вас – ведь я ваша гостья.

– Недаром говорят: «Ангьяр отбирают, фийя отдают, а гдемьяр – и то и другое делают одновременно». Если мы поможем тебе, чем ты с нами расплатишься?

– Я от всей души поблагодарю вас, повелители Ночи.

Она стояла среди них, высокая, светловолосая, и гдемьяр глядели на нее с мрачным изумлением, с тяжким глухим желанием.

– Послушай, ангья, ты просишь о великой милости. Ты даже представить себе не можешь, насколько велика эта милость! Этому тебе не понять. Твой народ только и умеет, что беспечно носиться по ветру да зерно выращивать, ну и еще на мечях драться и шуметь. Но скажи, кто сделал мечи ангьяр из светлой стали? Мы, гдемьяр! Правители ангьяр приходят к нашим пещерам, и покупают у нас мечи, и уходят прочь, не оглядываясь, ничего не понимая. Но ты, раз уж ты здесь, смотри и постарайся как следует рассмотреть хотя бы некоторые из наших бесчисленных чудес – видишь эти огни, что горят вечно, видишь эти повозки, что ездят сами собой? А посмотри на те машины, что сами изготавливают для нас платье, и готовят нам еду, и освежают воздух в наших дворцах, и дают нам все, что мы пожелаем! Конечно же, все это выше твоего понимания. Но знай одно: мы, гдемьяр, друзья тех, кого вы называете Властелинами Звезд! Это мы приходим с ними в Халлан, в Реоган, в Хал-Оррен – во все ваши замки, чтобы помочь вам понять их речь. Вы, гордые ангьяр, платите Властелинам Звезд дань, а мы – их друзья. И мы оказываем им не меньшие услуги, чем они нам! Понимаешь теперь, сколь мало значит для нас твоя благодарность?

– Вот сам и решай. А мне на твой вопрос отвечать нечего, – гордо сказала Семли. – Я еще на свой ответа не получила. Я жду, господин мой.

Семеро правителей принялись совещаться – то молча глядя друг на друга, то принимаясь что-то бормотать вполголоса. Порой они посматривали в ее сторону и тут же отводили глаза, злобно что-то бубнили и снова замирали, уставившись друг другу в лицо. Вокруг них стала собираться толпа; гдемьяр подходили один за другим, медленно, молча, и вскоре вокруг Семли качалось целое море черных, будто прилизанных голов; огромный зал наполнился гулом их голосов, под ногами не было видно пола – лишь небольшое пространство совсем рядом с нею оставалось еще свободным. Крылатый жался к ней, дрожа от страха и раздражения; ему пришлось слишком долго сдерживать себя, и даже радужки его всегда ярких глаз побледнели, как бывает у этих зверей, если их заставить летать ночью. Семли погладила его по мохнатой теплой голове, шепча:

– Тихо, тихо, успокойся, мой храбрый, мой прекрасный, мой быстролетный...

– Хорошо, ангья, мы доставим тебя туда, где находится твое ожерелье. – Гдем с белым свирепым лицом снова повернулся к ней. – Более мы ничего не можем для тебя сделать. Ты должна отправиться с нами и сама предъявить свои права там, где теперь твое сокровище, и тем, кто им теперь владеет. Но твой летающий кот отправиться с тобой не сможет, учти это.

– Далеко ли до тех мест, господин мой?

– Очень далеко, госпожа. – Гдем отвратительно ухмыльнулся. – И все же путь туда не займет более одной ночи. Долгой ночи!

– Благодарю вас, о гдемьяр! Позаботитесь ли вы, пока меня не будет, о моем Крылатом? С ним ничего плохого не случится?

– Он будет спать, пока ты не вернешься. А сама полетишь на другом Крылатом, куда больше этого! Что ж ты не спросишь, куда мы намерены тебя доставить?

– Нельзя ли поскорее отправиться в путь? – словно не слыша его, воскликнула Семли. – Я спешу вернуться домой.

– Да-да. Скоро полетим, скоро. – И снова серые губы раздвинулись в усмешке, когда он взглянул в ее взволнованное лицо.

Семли не сумела бы рассказать, что именно произошло с нею за эти несколько часов – так быстро, непонятно, неожиданно все происходило. И этот шум! Сперва она крепко держала Крылатого, а какой-то «глиняный» вонзил в его золотисто-полосатую заднюю лапу длинную иглу. Она чуть не вскрикнула от ужаса, но ее зверь лишь дернулся и тут же, довольно замурлыкав, уснул. Потом его унесли «глиняные», которым явно было страшно прикоснуться к пушистой шерсти спящего зверя. Еще через несколько минут она увидела, как в ее собственную руку тоже вонзается игла, потом решила, что гдемьяр просто испытывали ее мужество, ибо сна вроде бы не было ни в одном глазу (впрочем, она не была в этом так уж уверена). Потом они куда-то долго ехали, пересаживаясь из одной самодвижущейся повозки в другую, по бесконечным пещерам, по уходящим во тьму туннелям, и почему-то тьма эта была наполнена крылатыми зверями, она слышала их ворчание, их призывное хриплое мяуканье, порой даже видела их в проемельках белых фонарей и тогда понимала, что все они лишены крыльев и все слепы. И, увидев это, она даже зажмурилась от отвращения. Но езда по туннелям все продолжалась, мимо пролетали пещеры, серые тестообразные фигуры гдемьяр, их свирепые лица, слышались их гудящие голоса, и вдруг наконец они вывели ее на свежий воздух. Стояла ночь. Семли радостно подняла глаза к звездам и увидела в небе лишь одну луну – маленькую Хелики, всходившую на западе. Но «глиняные» по-прежнему были рядом, и они заставили ее снова вскарабкаться куда-то – то ли войти в пещеру, то ли сесть в очередную повозку, она толком не поняла. Там было тесно, кругом мелькали, точно крохотные свечки, какие-то огоньки, показавшиеся ей странно яркими после бесчисленного множества огромных темных пещер и бескрайнего звездного неба. Потом ей снова вонзили в руку иглу и сказали, что сейчас привяжут ее к странному плоскому и длинному креслу за ноги и за руки.

– Ни за что! – сказала Семли.

Но тут увидела, что те четверо «глиняных», что были ее провожатыми, спокойно позволили привязать себя к таким же креслам. И подчинилась. Потом все остальные ушли. Послышался страшный рев, сменившийся полной тишиной, и на грудь Семли будто навалилась тяжелая плита. Потом вдруг стало легко дышать, и все исчезло.

– Я умерла? – спросила Семли.

– Нет, госпожа моя, – произнес знакомый ей неприятный голос, и, открыв глаза, она увидела то самое белое лицо и растянутые в усмешке губы. И глаза – точно два холодных камешка. Путы с нее сняли, и она тут же вскочила. Веса своего она не чувствовала, не чувствовала и самого тела – только страх, только дыхание ветра, вздымавшее ее как пушинку.

– Мы не причиним тебе зла, – сказал тот же высокомерный голос, точно умножаясь у нее в ушах. – Дай только коснуться тебя, госпожа, нам бы так хотелось коснуться твоих волос. Позволь нам...

Странная округлая повозка, в которой все они находились, чуть подрагивала. Снаружи, за ее окном, была темная ночь, а может, туман, а может – пустота? Одна долгая ночь – так ведь они сказали? Да, но какая долгая! Семли сидела без движения, с трудом сдерживаясь, а их

тяжелые серые ладони касались ее рук, ступней, плеч и даже горла – и тут она не выдержала, стиснула зубы, чтобы не закричать, и встала. Они тут же отпрянули.

– Мы ведь не сделали тебе ничего плохого, госпожа, – забормотали они. Она только головой помотала.

Потом они весьма почтительно попросили ее снова лечь в кресло, которое само связало ей руки путами, и когда за окном мелькнул золотистый свет, она бы, наверное, заплакала, если б не потеряла сознание.

– Что ж, – сказал Роканнон, – по крайней мере, мы знаем, откуда она.

– Хорошо бы еще узнать, кто она, – пробормотал хранитель музея. – Эти троглодиты говорят, она явилась за каким-то нашим экспонатом, так вроде?

– Слушай, не называл бы ты их троглодитами, а? – Будучи специалистом в области форм высокоразвитого интеллекта, этнологом до глубины души, он такого пренебрежительного отношения к разумным существам не выносил. – Они, конечно, не красавцы, но они наши союзники и обладают Статусом С... Не понимаю, правда, почему Комиссия все силы бросила именно на них? Причем даже не исследовав все тамошние ФВИ? Пари держу, первые исследователи Фомальгаута были из созвездия Центавра – там питают слабость к обитателям пещер, да еще ведущим ночной образ жизни. Мне-то больше нравятся представители второй группы – такие, как она.

– А эти троглодиты, похоже, перед ней робеют.

– А ты нет?

Кето снова взглянул на высокую женщину, потом покраснел и рассмеялся:

– Пожалуй, да! Я такой красивой инопланетянки ни разу не встречал за все восемнадцать лет, что на Новой Южной Джорджии живу. Честно говоря, я и в жизни такой красавицы никогда не видел. Прямо богиня! – И он побагровел буквально до корней волос. Кето был чрезвычайно застенчив, громких высказываний и преувеличений не любил. Впрочем, Роканнон был полностью согласен с его оценкой и лишь задумчиво покивал.

– Вот бы поговорить с ней без этих тро... гдемьяр в качестве переводчиков. – Роканнон подошел к гостье и, когда она повернула к нему свое прекрасное лицо, низко-низко ей поклонился и преклонил перед ней колена, зажмурившись от полного восхищения. Этот изящный жест он называл «всегалактическим поклоном». Снова выпрямившись, он увидел, что удивительная красавица улыбается и готова к разговору.

– Она говорит: «Я приветствую тебя, Властелин Звезд», – пробурчал один из ее коротышек-телохранителей на ломаном межгалактическом.

– Приветствую тебя, госпожа моя ангья, – ответил Роканнон. – Чем мы, сотрудники музея, можем тебе помочь?

Серебристый звонкий голос прозвучал, точно дыхание чистого ветерка, перекрывая гудение голосов гдемьяр.

– Она говорит: пожалуйста, отдай ей ее ожерелье с драгоценным камнем, оно давно-давно принадлежало ее кровным родственникам, ее семье.

– Какое ожерелье? – спросил Роканнон, и Семли, догадавшись, о чем он ее спрашивает, показала на центральную витрину: там лежала удивительной красоты и отменно тонкой работы вещь – цепь из светлого золота, довольно массивная и тем не менее изящная, с подвеской, в которую вделан был один-единственный крупный сапфир дивной красоты, похожий на синее пламя. Брови Роканнона поползли вверх, и Кето прошептал:

– Ничего себе! Вкус у нее недурной. Это же знаменитое «ожерелье Фомальгаута»!

Она улыбнулась им и снова что-то сказала, так ни разу и не взглянув на свою свиту.

– Она говорит, – забормотали гдемьяр, – о высокочтимые Властелины Звезд, старший хранитель Сокровищницы и его младший брат, что это ожерелье принадлежит ее семье с давних, давних времен.

– Слушай, Кето, откуда оно у нас, а?

– Погоди-ка, сейчас посмотрю. Ага, нашел. Вот: «поступило от гдемьяр...», в общем, от этих троглодитов или троллей, как тебе больше нравится, «...одержимых страстью к торговым сделкам». Видимо, так они расплатились за тот корабль, AD-4, на котором прилетели сюда. Когда-то гдемьяр действительно делали подобные украшения.

– И я спорить готов, что больше они ничего подобного не делают – разучились, ведь мы их по «индустриальному пути» направили, – покивал Роканнон.

– Но они вроде бы согласны с тем, что эта вещь принадлежит ей, а не им и не нам. Должно быть, тут что-то есть, Роканнон, иначе к чему им было лететь с ней в такую даль?

– Да уж, несколько лет как минимум они потеряли. – Будучи специалистом по ФВИ, Роканнон не раз совершал подобные «прыжки» во времени и пространстве. – Но, в общем, это не так уж и далеко. Ладно, ясно, что ни мой любимый словарь, ни твой каталог нам не помогут. По-моему, эти два народа – фийя и гдемьяр – вообще крайне плохо описаны и совсем не изучены. Возможно, эти коротышки просто обязаны проявлять к ангьяр почтение. А что, если именно этот проклятый сапфир послужит причиной галактической войны? Или эти типы настолько покорны желаниям красавицы, потому что страдают жутким комплексом неполноценности? Тоже возможно. А возможно и наоборот – она их пленница, и они хотят использовать ее как наживку, чтобы поймать нас на крючок... Откуда нам знать? Слушай, а вообще-то разрешается передавать экспонаты их прежним владельцам?

– Конечно! Считается, что все эти экзотические штучки у нас во временном пользовании и нам не принадлежат, так что стоит только прежнему хозяину предъявить на что-либо свои права... Мы редко спорим. Мир дороже. Не дай бог, еще действительно война начнется...

– Тогда я бы отдал ожерелье этой красотке.

– Ну, такой подарок преподнести всякому приятно, – улыбнулся Кето. – Сочту за честь. – Он отпер витрину и вынул оттуда тяжелую золотую цепь. Потом вдруг засмутился и протянул ожерелье Роканнону: – Знаешь, лучше ты сам отдай.

Так синий сапфир впервые коснулся ладони Роканнона.

Но думал он не о нем; держа в горсти драгоценный самоцвет, синим пламенем сиявший среди золотых колец цепи, он повернулся к прекрасной инопланетянке, и она не стала протягивать руку, чтобы взять ожерелье, а просто наклонила голову, и он, чуть коснувшись золотых волос, надел его ей на шею. На смуглой коже золотая цепь вспыхнула, точно бикфордов шнур. Семли посмотрела на камень и подняла глаза на Роканнона: во взгляде ее плеснулась такая гордость, такой восторг и такая благодарность, что Роканнон так и не смог ничего сказать, а его приятель, маленький Кето, хранитель музея, пробормотал на своем родном языке:

– Да-да, мы очень рады, очень-очень рады.

Она величественно кивнула своей золотистой головкой ему и Роканнону в знак благодарности и прощания, повернулась к своим квадратным коротконогим стражам – а может, пленителям? – и, накинув на плечи поношенный синий плащ, неторопливо прошла через огромный зал и исчезла за дверью. Кето и Роканнон долго смотрели ей вслед.

– А знаешь... – начал было Роканнон.

– Да? – не сразу откликнулся Кето, сразу почему-то охрипнув.

– Знаешь, порой мне кажется, что... особенно когда я встречаюсь с обитателями этих практически неведомых нам миров... что я случайно попал прямо в сказку или в какой-то исполненный трагизма миф, смысл которого мне разгадать не дано...

– Да, пожалуй, – помолчав, согласился Кето и откашлялся. – А интересно... интересно, как все-таки ее зовут?

Семли Светлокудрая, Семли Золотая, Хозяйка Ожерелья. «Глиняные» были покорны ее воле, и даже Властелины Звезд склонились перед нею – в том страшном месте, куда ее доставили «глиняные», в городе, что расположен по ту сторону Ночи. Да, они почтительно кланялись ей и охотно вернули ей ожерелье, что лежало среди их собственных сокровищ!

Однако в душе ее еще не улегся ужас тех подземелий, тех толстенных каменных сводов, где сливались все звуки, где невозможно разобрать, кто именно с тобой говорит, чьи отвратительные серые руки тянутся к тебе... Нет, с нее довольно! Она дорого заплатила за это ожерелье. Что ж, теперь оно принадлежит ей. А прошлое... пусть остается в прошлом!

Ее Крылатого гдемьяр держали в каком-то огромном странном сундуке, из которого зверь выполз весь в сосульках, с затянутыми мутной пленкой глазами. А когда они вышли наконец из пещер, Крылатый ни за что не хотел взлетать. Впрочем, потом он вроде бы пришел в себя, и теперь они летели, подгоняемые легким южным ветерком, назад, в Халлан.

– Скорей, скорей! – подгоняла Крылатого Семли и смеялась, потому что ветер словно унес прочь тот мрак, что наполнял ее душу. – Я так соскучилась! Скорее бы увидеть Дурхала, скорее бы...

И они летели все быстрее и быстрее и уже к вечеру второго дня прибыли в Халлан. Теперь пещеры «глиняных» казались Семли давнишним страшным сном. Крылатый пронес ее над длинной, в тысячу ступеней лестницей замка, мелькнул над подъемным мостом, перекинутым через пропасть, на дне которой виднелись поросшие лесом скалы, и опустился в золотых закатных лучах на специальную площадку во дворе. Семли спешила и поднялась по последнему пролету лестницы, где в нишах застыли каменные изваяния героев, мимо двух стражников, которые кланялись ей, глаз не сводя с синего камня у нее на груди, горевшего нестерпимо ярким огнем.

В вестибюле она остановила пробежавшую мимо девушку, очень хорошенькую и, видимо, родственницу Дурхала – очень уж она была на него похожа. Вот только имени ее Семли почему-то никак не могла вспомнить.

– Знаешь, кто я, девочка? – спросила она. – Я Семли, жена Дурхала. Прошу тебя, сбегай к госпоже Дуроссе и скажи ей, что я вернулась.

Почему-то Семли боялась, что встретит Дурхала; боялась остаться с ним наедине. Ей требовалась поддержка доброй Дуроссы.

Девушка посмотрела на нее как-то странно, однако промолвила:

– Хорошо, госпожа моя, – и стрелой бросилась по лестнице, ведущей в Большую Башню.

Семли осталась ждать в зале, где от старости со стен осыпалась позолота. Но никто не появлялся. Неужели все собрались за столом в парадном зале? Тишина тяготила ее. Еще несколько минут – и Семли поспешила к лестнице, но тут навстречу ей выбежала какая-то седая старуха, которая, спотыкаясь на каменных плитах пола, с плачем протягивала к ней руки:

– Ах, Семли! Неужели это ты, Семли?

Она никогда раньше не видела этой старухи и отпрянула.

– Но, госпожа моя, кто ты?

– Я же Дуросса, Семли!

Семли молчала; она застыла, как каменная, пока Дуросса обнимала ее, плакала и спрашивала, правда ли, что ее взяли в плен «глиняные», заколдовали и все это время прятали у себя в пещерах? А может, это фийя приворожили ее своим колдовством? Потом наконец Дуросса отпустила ее, отошла чуть-чуть в сторону и перестала плакать.

– А ты все такая же молодая, Семли! В точности как в тот день, когда уходила отсюда. Ох, и на шее у тебя то самое ожерелье!..

– Да. Я принесла его в дар своему мужу Дурхалу. Где он?

– Дурхал умер.

Семли онемела.

– Твой муж и мой брат Дурхал, правитель Халлана, убит в бою семь лет назад. Тебя ведь не было так долго, Семли! И Властелины Звезд больше здесь не появлялись. А потом мы начали воевать с Восточными Замками, с лесными ангьяр и с правителями Хал-Оррена. Дурхала убил копьём какой-то «низкорослый» – ведь доспехов у моего брата почти не было, а душа его ослабела в разлуке с тобой. Он похоронен в полях, над Болотами Оррена.

Семли отвернулась. Помолчала, коснулась рукой золотой цепи, от тяжести которой голова ее клонилась на грудь.

– Тогда я пойду к нему. И принесу ему этот дар.

– погоди, Семли! Посмотри на свою дочь, дочь Дурхала! Это ведь она перед тобой, Хальдре Прекрасная.

Перед ней стояла та самая девушка, с которой она заговорила в вестибюле и попросила позвать Дуроссу. На вид ей было лет девятнадцать, а глаза – темно-синие, как у Дурхала. Она не мигая смотрела на Семли – незнакомую женщину, которая оказалась ее матерью, хоть и выглядела почти ровесницей самой Хальдре. И волосы у обеих были одинаково золотые, и обе были прекрасны, только Семли чуть выше, да синий камень горел у нее на груди.

– Возьми же его, возьми! Для Дурхала и моей Хальдре я принесла его с того конца долгой-предолгой ночи! – воскликнула Семли, срывая с шеи тяжелую золотую цепь. Ожерелье выскользнуло у нее из рук и холодно зазвенело, ударившись о каменные плиты. – О, возьми его, Хальдре! – вскрикнула, точно от боли, Семли и, разрыдавшись, бросилась прочь из Халлана, по мосту и вниз по длинной широкой лестнице – стрелой, точно дикий зверь, спасающийся от преследования, пронеслась она по лесистому восточному склону горы и скрылась в чаще.

Часть I

Властелин звезд

Глава 1

Таково начало этой легенды, и оно вполне соответствует действительности. Приведем несколько дополнительных фактов, помогающих прояснить картину. Факты эти взяты из знаменитого справочника, составленного Лигой Миров. Откроем страницы, посвященные восьмому галактическому сектору. Итак:

№ 62: Фомальгаут-II.

Тип АЕ – органическая жизнь на основе углерода. Планета с железным ядром; диаметр 6600 миль; атмосфера плотная, богатая кислородом. Период обращения (год) – 800 земных суток 8 часов 11 минут 42 секунды. Сутки равны 29 земным часам 51 минуте 02 секундам. Среднее расстояние от ближайшего солнца – 3,2 а. е., орбитальные отклонения незначительны. Наклон к плоскости эклиптики 27 градусов 20 минут 20 секунд, что вызывает ярко выраженную смену времен года. Сила тяжести 0,86 нормы.

Четыре основных континента – Северо-западный, Юго-западный, Восточный и Антарктический – занимают 38 % поверхности планеты.

Четыре спутника (типа Пернера, Локлика, Р-2 и Фобоса).

Вторая, ближайшая планета системы Фомальгаута наблюдается в небе как сверхъяркая звезда.

Ближайшая планета Лиги Миров: Новая Южная Джорджия со столицей Кергелен (на расстоянии 7,88 светового года).

История исследований: первая карта планеты составлена экспедицией Илисона в 202 г., пробы грунта и воздуха взяты роботами в 218 г.

Первая географическая экспедиция – 235–236 гг. Руководитель – Дж. Кьолаф. Произведена аэрофотосъемка основных массивов суши (см. карты 3114-а, б; 3115-а, б). Высадка, геологическое и биологическое обследование окружающей среды, а также контакты с представителями ФВИ производились только на Восточном и на Северо-западном континентах (см. также описание ФВИ).

Высадка миссионеров с целью ускорения развития технологии у ФВИ 1-А под руководством Дж. Кьолафа произведена в 252–254 гг. (только на Северо-западном континенте).

Восьмым галактическим сектором с центром в Кергелене, Новая Южная Джорджия, организованы высылки миссионеров с целью контроля и сбора галактического налога с представителей ФВИ 1-А и II в 254, 258, 262, 266, 270 гг.; в 275 г. планета была закрыта для посещения Всегалактическим Центром по Инопланетным Контакткам – до получения результатов более тщательного исследования местных ФВИ.

Первая этнографическая экспедиция состоялась в 321 г. под руководством Г. Роканнона.

За Южным хребтом прямо в небо взлетел совершенно бесшумно ослепительно-белый столб – точно ствол гигантского дерева. На башнях закричали, зазвонили в бронзовые колокола стражники, но их крики и звон тут же потонули в оглушительном реве и грохоте, в порывах вдруг налетевшего ветра, в стогах склонившихся до земли деревьев на склонах гор.

Могие из Халлана нагнал своего гостя, Властелина Звезд, уже на дорожке, ведущей к площадке для Крылатых.

– Не твой ли это корабль был там, за Южным хребтом, господин мой? – осторожно спросил он.

– Мой, – как всегда спокойно ответил Роканнон, бледный как мел.

– Садись. – Могиеиен помог гостю сесть на заднее седло. Крылатый был уже готов к полету, и стоило им усесться, как он сорвался с места и, покружив подобно серому листу, сорванному ветром, над мраморной лестницей в тысячу ступеней, над мостом, над лесистыми склонами гор Халлана, полетел за Южный хребет.

И сразу всадники увидели голубоватый дымок, что поднимался сквозь ливень золотых стрел утреннего солнца. По берегам лесного ручья, в сырых холодных зарослях шипел, угасая, лесной пожар.

На холме зиял страшный черный колодец, точно разверстый зев, над которым все еще летала черная гарь. По краям оставшейся от взрыва воронки аккуратно лежали широким кругом дотла сгоревшие деревья – точно черные черточки, нарисованные сажей на земле.

Молодой правитель Халлана придержал своего Крылатого, мощного серого зверя, в потоке воздуха, поднимавшегося над изуродованной долиной, и молча посмотрел вниз. Немало старых сказок сохранилось со времен его деда и прадеда о том, как впервые появились в их мире Властелины Звезд, как они с помощью своего страшного оружия сжигали холмы и заставляли моря кипеть; и как вынудили всех правителей гордых ангьяр принести им клятву верности и каждый год платить дань. В первый раз сегодня Могиеиен поверил этим сказкам. На мгновение у него даже дыхание перехватило.

– Так это твой корабль...

– Да. Сегодня я должен был встретиться здесь с остальными. Со своими товарищами. Теперь, господин мой, твои подданные пусть пока здесь не ходят. Запрети им это – не навсегда, конечно. Но пусть сперва пройдут зимние дожди.

– Колдовство?

– Нет, яд. Дожди его смоют. – Голос Властелина Звезд по-прежнему был спокоен, но головы он так и не поднял и на Могиеиена не смотрел, а все что-то пытался увидеть в черном провале под ними, теперь уже освещенном широкими полосами лившегося с неба света. Внезапно он снова заговорил, только Могиеиен не понимал ни слова – говорил Роканнон на своем языке, языке Властелинов Звезд, а среди ангьяр, да и во всем их мире, наверное, не было ни одного человека, который понимал бы этот язык.

Молодой ангья тем временем постарался успокоить Крылатого, который уже начинал нервничать. За спиной у него Властелин Звезд умолк, глубоко вздохнул и промолвил:

– Вернемся в Халлан. Здесь нам делать нечего...

Крылатый плавно развернулся и полетел назад.

– Господин мой, Роканнон, если тебе и твоим людям нужна помощь в вашей звездной войне, только скажи! Я готов привести к твоим ногам все войско Халлана!

– Благодарю тебя, господин мой. – Роканнон прижимался к спине Крылатого, склоня под порывами бешеного ветра свою седеющую голову.

Вот и закончился этот длинный день. Ночной ветер, налетая порывами, заставлял пламя в большом очаге то и дело ярко вспыхивать. Зима подходила к концу, уже чувствовались в воздухе тревожащие ароматы наступающей весны. Роканнон сидел в своих покоях в башне замка Халлан. Подняв голову навстречу залетавшему в зарешеченные окна ветру, он вдыхал свежий ночной воздух, в котором чувствовался все же приятный, чуть сладковатый запах давно высохших травяных циновок на стенах его комнаты. Снова и снова он повторял в микрофон радиопередатчика: «Вызывает Роканнон. Это Роканнон. Отзовитесь!» И слушал, слушал тишину в наушниках, а потом снова настраивал передатчик и повторял: «Вызывает Роканнон...» Вдруг заметив, что говорит чуть ли не шепотом, он выключил передатчик. Сомнений нет: они погибли, все четырнадцать, его спутники, его друзья. Вместе с ним они пробыли на

Фомальгауте-II половину долгого здешнего года, пора было собираться, сопоставить результаты исследований, посоветоваться. Смейт со своей группой прибыл сюда с Восточного континента, по дороге прихватив и арктическую группу. Здесь они должны были встретиться с Роканном, руководителем Первой этнографической экспедиции, с тем человеком, который всех их сюда притащил. И вот теперь все они были мертвы, и вся их работа – дневники, зарисовки, магнитофонные записи, то, что могло бы хоть как-то оправдать их гибель, – пошла прахом, превратилась в черную сажу...

Роканн снова включил передатчик, настроившись на аварийную частоту, но сигналов не последовало. А вызывать на этой частоте самому – значит просто объявить врагу: вот он я, здесь! Он замер и долго сидел в оцепенении, а когда в дверь гулко постучали, сказал на здешнем странном языке, пользоваться которым он теперь был обречен всю оставшуюся жизнь:

– Войдите!

В комнату влетел юный Могиен, правитель Халлана и лучший информант Роканна в области культуры и местных нравов. От этого человека теперь зависела его судьба. Могиен был очень высоким, как и все ангьяр, светловолосым и смуглым, с несколько застывшим, как то и подобало Хозяину замка, выражением на красивом лице. Впрочем, лицо это частенько вспыхивало молнией освещали самые различные эмоции – гнев, радость, азарт. Следом за Могиеном в комнату вошел его слуга Рахо, из «низкорослых». Рахо поставил на сундук желтую оплетенную бутылку с узким горлом и две деревянные чаши, наполнил чаши до краев и вышел. Только тогда наследный правитель Халлана произнес:

– Мне бы хотелось выпить с тобой, Властелин Звезд.

– И мне с тобой, и моим сыновьям – с твоими сыновьями, и моему народу – с твоим народом, господин мой, – откликнулся знакомой формулой вежливости Роканн, недаром ведь он был этнологом и подолгу жил на девяти различных и весьма экзотических планетах, чтобы научиться вести себя, как подобает в таких случаях. Они подняли свои оплетенные в серебро деревянные чаши и выпили.

– Эта твоя говорящая штукавина теперь всегда молчит? – спросил Могиен, глядя на радиопередатчик.

– Да, голосов моих друзей в ней уже не услышишь.

Орехово-смуглое лицо Могиена не дрогнуло, однако он сказал:

– Представить не могу, что за оружие должно было быть у них!

– Лига Миров пользуется порой и более грозным оружием. Но не против своих.

– Так что же, началась война?

– Не думаю. Помнишь Яддама? Он все время оставался на корабле и, уж конечно, все знал бы благодаря ансамблю. Если б война действительно началась, нас бы непременно предупредили. Скорее всего, просто какая-то планета взбунтовалась. Когда я улетал из Кергелена, то есть девять лет назад, на Фарадее как раз назревал мятеж...

– А с помощью этой штукавины ты с Кергеленом поговорить не можешь?

– Нет. Да если б и мог, то слова мои летели бы туда долгие восемь лет, а потом я бы еще восемь лет ждал ответа. – Роканн, как всегда, говорил несколько сурово, но просто и вежливо, хотя сейчас, пожалуй, в голосе его звучала усталость. – Помнишь, я показывал тебе на корабле ансамбль? Такую большую машину, которая сразу может вести разговор с разными планетами, и не нужно тратить столько времени на посылку вопросов и ответов? Так вот, это за ансамблем они охотились. Мне кажется, было простым совпадением, что все мои товарищи оказались тогда на борту. Без ансамбля я не могу бороться с таким врагом.

– Но если твой народ... твои друзья из города Кергелена, станут звать тебя с помощью своего ансамбля, а ты не ответишь, разве они не прилетят?.. – Могиен не договорил, прочитав ответ на лице Роканна:

– Прилетят. Через восемь лет...

На корабле, показывая Могиену ансамбль, средство для моментальной связи со всеми мирами Лиги, Роканнон рассказывал ему и о новых кораблях, которые способны перемещаться с одной планеты на другую почти мгновенно.

– Это был новый корабль? Тот, что убил твоих товарищей? Сверхбыстрый? – спросил ангья.

– Нет. Самый обычный. Управляемый людьми. И теперь здесь, в этом мире, где-то прячутся враги.

Могиен знал: эти новые корабли, что летят быстрее света, никогда не имеют людей на борту; они несут лишь смертоносное оружие, способное нанести страшный, разрушительный удар. Налетят, все уничтожат вокруг и исчезнут. Об этом Роканнон много рассказывал ему, но вот ведь что странно (хотя Могиен и понимал, что друг его ему не солгал): такие корабли, какой был у Роканнона, добираются от одной звезды до другой долгие годы, а вот люди на них совсем не меняются, не стареют, словно для них проходит всего несколько часов, а не лет. Где-то там, на планете Форросуль, в городе Кергелене полсотни лет назад Роканнон встретился с Семли из Халлана и передал ей ожерелье «Око моря». Это была та самая Семли, что за одну ночь прожила шестнадцать лет и давно уже умерла; теперь и ее дочь Хальдре стала старухой, а ее внук Могиен – правителем Халлана, однако все тот же Роканнон сидит сегодня перед ним, Могиеном, и совсем не выглядит старым! Все эти годы промелькнули для него незаметно, пока он путешествовал среди звезд. Очень, очень странно! Впрочем, в сказках еще и не такое бывает.

– Когда мать моей матери, Семли, отправилась на тот берег ночи... – начал было Могиен и умолк.

– Не было на свете женщины красивее ее, – сказал Властелин Звезд, и лицо его чуть посветлело.

– Господин мой, ты стал ее другом, будь теперь другом и всем в ее доме, – быстро откликнулся Могиен, – но я-то хотел спросить вот о чем: на каком корабле летала Семли? Его ведь так и не отобрали у «глиняных»? Может, на нем есть ансамбль? Тогда ты смог бы поговорить со своим народом и сообщить о враге.

Рассудительность Могиена явно потрясла Роканнона, однако он быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

– Нет, ансамбля там нет. Корабль этот подарили «глиняным» семьдесят лет назад, тогда еще никаких ансамблей не было. И его могли бы установить лишь в самое последнее время, а ваш мир был закрыт для инопланетных контактов целых сорок пять лет. Между прочим, благодаря мне. Это я вмешался. Встретившись с госпожой Семли, я тут же пошел к нашим правителям и сказал: «Мы же ничего не знаем об этом мире! Разве можно было пытаться как-то воздействовать на его развитие? Зачем мы собираем с этой планеты налог? Зачем притесняем ее обитателей? Разве у нас есть на это право?» Впрочем, если б я тогда не вмешался, сюда по крайней мере каждые два года прилетали бы наблюдатели, да и вы не остались бы один на один с этими захватчиками...

– А что все-таки этим захватчикам от нас нужно? – спросил Могиен, но не испуганно, а с любопытством.

– Им нужна ваша планета, по всей видимости. Ваш мир. Ваша земля и, возможно, вы сами. В качестве рабов. А впрочем, не знаю.

– Но если тот корабль все еще у «глиняных», Роканнон, и если он способен отнести тебя в твой город, то ты мог бы улететь и воссоединиться со своим народом.

Властелин Звезд быстро на него глянул.

– Ну, предположим, мог бы, – сказал он. Голос его снова звучал печально. Он долго молчал, а когда снова заговорил, то Могиен услышал в его голосе искреннее волнение: – Ведь это из-за меня ваш народ оказался беззащитным перед лицом внешнего врага! Это из-за меня

сюда прилетели мои товарищи и погибли здесь! Я не собираюсь бежать в будущее и лет через восемь-десять узнать, что здесь произошло без меня! Послушай, Могиен, если бы ты помог мне добраться до пещер «глиняных», я, наверное, сумел бы как-то воспользоваться тем кораблем здесь, на этой планете, – скажем, вести разведку с его помощью или, по крайней мере, если не удастся переключить автоматическое управление на ручное, – можно было бы послать с ним в Кергелен письмо. Но сам я останусь здесь.

– По преданиям, Семли нашла корабль в пещерах гдемьяр на побережье Кириенского моря.

– Не одолжишь ли ты мне одного из своих Крылатых, господин мой Могиен?

– Я бы и сам полетел с тобой, если ты этого захочешь.

– Захочу и буду очень тебе благодарен!

– «Глиняные» одиноких гостей не любят, – сказал Могиен.

Он был страшно доволен. Два длинных меча у него на поясе прямо-таки подскакивали от нетерпения, и даже черная дыра на склоне горы, о которой он не забывал ни на минуту, не могла подействовать на него устрашающе. Давненько не участвовал он в набегах!

– Да сгинет наш враг, не оставив наследников! – торжественно провозгласил Могиен, вновь поднимая полную чашу.

Роканнон, чьи друзья были убиты без предупреждения, на мирном, беззащитном исследовательском корабле, не медлил ни секунды.

– Пусть сгинут они все, не оставив наследников! – отозвался он и вместе с ангья осушил свою чашу, озаряемый светом двух лун и желтых свечей, горевших в высокой башне замка Халлан.

Глава 2

К вечеру второго дня пути у Роканнона свело все тело, а лицо и руки были обожжены ветром, зато он научился отлично держаться в высоком седле и даже вполне сносно править огромным крылатым зверем, которого одолжил ему правитель Халлана. Солнце медленно садилось, и вокруг Роканнона в прозрачном чистом воздухе разливалось розовое сияние, окутывая его со всех сторон. Чтобы как можно дольше оставаться освещенными солнцем, Крылатые летели очень высоко, ловя его последние лучи. Как и обыкновенные кошки, они очень любили тепло. Могиен верхом на черном летучем хищнике, – интересно, подумал Роканнон, можно ли ездить верхом на коте и можно ли этого крылатого зверя называть котом? – посматривал вниз, подыскивая место для стоянки. Двое ольгья летели за ними следом на Крылатых несколько меньшего размера и белых, крылья которых казались ярко-розовыми в великолепии заката.

– Смотри-ка туда, Властелин Звезд!

Роканнон еле удержал своего Крылатого, который заворчал и завыл, увидев то, на что указывал Могиен: впереди в розовом небе виднелся небольшой черный предмет, который будто тащил за собой шлейф негромкого гудения. Роканнон махнул рукой, приказывая всем немедленно сесть на землю. На лесной поляне, куда они опустились, Могиен тут же спросил:

– Это такой же корабль, как твой, Властелин Звезд?

– Нет. Этому кораблю далеко от земли не улететь. Он называется «вертолет». А вот привезти его сюда могли только на космическом корабле, причем куда большем, чем был у меня, – на грузовике или на лайнере. Да, они явно прилетели сюда с дурными намерениями. И вылетели безусловно до того, как сюда отправилась моя экспедиция. Интересно, что все-таки они намерены делать, вооруженные бомбами и боевыми вертолетами?.. Они, между прочим, запросто могли нас подстрелить прямо в воздухе. Ничего не поделаешь, господин мой Могиен, придется переждать.

– Тот корабль прилетел со стороны пещер гдемьяр, – сказал правитель Халлана. – Надеюсь, враги нас не опередили.

Роканнон лишь молча кивнул, он просто кипел от гнева, глядя на черную кляксу на фоне чистого заката над нетронутым миром. Кто бы ни были эти люди, бросившие бомбу в безоружный исследовательский корабль, лишь увидев его издали, ясно одно: они намерены сами обследовать эту планету и захватить ее, превратив либо в свою колонию, либо в военную базу. А на «Формы Высокоразвитого Интеллекта», которых на этой планете по крайней мере три, причем все три находятся на крайне низком уровне технического развития, им наплевать; они их превратят в своих рабов или просто уничтожат. Ведь для подобных захватчиков главное – уровень технической развитости автохтонного населения, остальное значения не имеет.

Вот оно! – подумал Роканнон, глядя, как «низкорослые» расседывают Крылатых и отпускают их на ночную охоту. Вот в чем слабость и самой Лиги Миров! Для нее тоже всегда важнее всего был уровень технического развития. Две миссии, посланные на эту планету в прошлом веке, начали с того, что стали подталкивать один из видов здешних ФВИ к уровню технологии атома, даже не заглянув предварительно на соседние континенты, не обследовав их даже бегло, не установив контакта со всеми обитающими на планете ФВИ. Ему удалось прекратить это, а потом и добиться посылки этнографической экспедиции на Фомальгаут-II, чтобы узнать об этой планете поподробнее, однако он прекрасно понимал, что все труды экспедиции в конечном итоге послужат информационным базисом для выбора того вида ФВИ и такой культуры, которые в Лиге сочтут наиболее перспективными. Так Лига готовилась к войне со своим последним врагом. Уже были обучены и вооружены сто миров, и еще тысяча миров проходила успешную подготовку – их обитатели учились пользоваться железом и сталью, познавали колесо, трактор, атомный реактор... Но Роканнон, знаток ФВИ и сам интеллектуал, предпочитал, в полном соответствии со своей профессией, учиться, а не учить. Прожив немалую часть своей жизни на весьма отсталых планетах, он сомневался, что так уж мудро делать ставку исключительно на умение применять современное оружие и пользоваться высококоразвитой техникой. Лигой Миров всегда заправляли представители агрессивных предприимчивых цивилизаций из созвездия Кентавра, с Земли, с Тау Кита, которым, по большому счету, было наплевать на иные, чем у них самих, способности, возможности и умения.

На эту планету, которую до сих пор даже и не называли никак, она так и числится под «вторым номером» – Фомальгаут-II, – пожалуй, никогда особого внимания и не обратят, потому что до появления здесь представителей Лиги ни один из здешних народов не превзошел уровня рычага и кузнечного горна. Некоторые народы – на других планетах – в техническом отношении развивать было легко; они вполне могли стать союзниками Лиги, когда вернется ее давний межгалактический враг. А он вернется, в том сомнений у Лиги не было. Роканнон вспомнил, как Могиен предложил ему свою помощь – мечи Халлана против суперсветовых бомбардировщиков. Но что, если окажется, что и сами суперсветовики – просто детские игрушки по сравнению с тем оружием, которым обладает Враг? Что, если он обладает способностью убивать мысленно, телепатически? Разве не стоит побольше разузнать о телепатических способностях существ, населяющих хотя бы этот вот мир? Нет, политика Лиги чересчур узколоба; из-за нее было упущено слишком многое, а теперь, по всей видимости, она же привела к бунту на одной из планет. Если на Фарадее все-таки разразилась та буря, что назревала десять лет назад, то это означает одно: один из молодых членов Лиги, быстренько научившись воевать с помощью подаренного новой планете оружия, оперился и вылетел из гнезда, чтобы создать среди звезд свою собственную империю.

Роканнон, Могиен и двое темноволосых слуг поужинали вкусными сухарями, которые отлично умеют печь в Халлане, выпили по чаше доброго желтого васкана из кожаного бурдюка и улеглись спать. Высоченные деревья со всех сторон обступали их маленький костерок; на ветках покачивались гладкие, остроносые, темные шишки. Ночью над лесом послышался

шелест холодного несильного дождя. Роканнон натянул пушистое меховое одеяло на голову и снова крепко заснул под неумолчный шепот дождевых капель. На рассвете вернулись Крылатые, и не успело взойти солнце, как маленький отряд снова пустился в путь, направляясь на крыльях ветра к берегам залива, где в своих пещерах глубоко под землей обитали гдемьяр.

В полдень они опустились на землю – точнее, на плоское глинистое поле. Казалось, вокруг нет ничего, кроме глины. Роканнон и двое слуг, Рахо и Яхан, изумленно озирались, пытаясь обнаружить хоть что-то живое. Но Могиен заявил со свойственной ангъяр уверенностью:

– Ничего, придут.

И они пришли. Квадратные коротышки, каких Роканнон видел тогда, много лет назад, в музее. Их было шестеро. Все едва доставали головой Роканнону до груди, а Могиену и вовсе были по пояс. Одежды они не носили; обнаженные тела их были того же светло-серого цвета, что и глинистые поля вокруг. «Вот уж действительно „глиняные“», – подумал Роканнон. Определить, кто из шестерых говорит, было совершенно невозможно – вроде бы все сразу, но почему-то одним, довольно-таки неприятным, резким и низким голосом. «Частичная телепатия в пределах данной конгломерации», – вспомнил Роканнон и с куда большим уважением посмотрел на безобразных карликов, владевших столь редким даром. Трое его рослых спутников явно никакого особого уважения по отношению к «глиняным» не испытывали. И смотрели весьма сурово.

– Что народу ангъяр и их слугам нужно в полях повелителей Ночи? – спросил один из гдемьяр (а может, и все разом?) на «общем» языке, одном из диалектов ангъяр.

– Я правитель Халлана, – сказал Могиен с высоты своего невероятного роста. – Рядом со мной Роканнон, Властелин Звезд и того пространства, что лежит меж ними; он служит Лиге Миров и является гостем и другом Халлана. Отнесите к нему с наивысшим почтением, гдемьяр! И отведите нас к тем, кто способен вести серьезные переговоры. Нам есть о чем поговорить, ибо скоро наступят такие времена, когда летом будет идти снег, ветры станут дуть в обратную сторону, а деревья – расти вверх корнями!

Одно удовольствие было слушать, как говорит этот ангъяр! Хотя Роканнону показалось, что Могиен все же недостаточно вежлив.

Гдемьяр продолжали стоять, явно сомневаясь в правдивости этих слов. «Да неужели?» – наконец вымолвил (или подумал?) кто-то один из них (а может, и все разом?).

– Именно так. И море застынет, как деревянное блюдо, а у камней вырастут ноги со ступнями и пальцами! А ну-ка быстрее ведите нас к своим повелителям! Может, хоть они знают, как надо вести себя с Властелином Звезд! Нечего зря слова тратить!

«Глиняные» снова примолкли. Стоя среди коротконогих троглодитов, Роканнон все время ощущал неприятное трепетание возле ушей, будто там собрались и машут крылышками бесчисленные мотыльки: это гдемьяр мысленно согласовывали решение.

– Пошли, – сказал наконец один из них (а может, и все разом), и они двинулись прямо по липучей глине к какому-то клочку сухой земли, где «глиняные» наклонились, выпрямились, и Роканнон увидел в земле круглую дыру, из которой торчала лестница: это был вход в царство Ночи.

Ольгяр и Крылатые остались наверху, а Могиен и Роканнон полезли по лестнице вниз, в мир бесконечных пещер и разветвленных перекрещивающихся туннелей, прорытых в глине; стены в туннелях были бетонные, всюду горели электрические фонари, но пахло отвратительно – прокисшей едой и потом. Неслышно ступая своими серыми плоскими лапами, стражники привели их в темноватую, похожую на пузырь пещеру с каменными сводами и оставили одних.

Пришлось ждать. И довольно долго.

Интересно, какого черта первая исследовательская экспедиция рекомендовала Лиге обратить особое внимание именно на этих уродов? У Роканнона на сей счет было только одно и,

возможно, не самое лучшее объяснение: первые экспедиции сюда организовали центаврийцы, привыкшие к холоду, так что им больше всего, видимо, пришлось по душе пещеры гдемьяр, где можно было укрыться от слепящих потоков солнечного света и ужасной, с точки зрения обитателей Альфы Центавра, жары. На планете, входящей в систему столь огромного солнца, как считали, должно быть, эти исследователи, разумные существа могли жить только под землей. Самому же Роканнону очень нравились и здешнее жаркое белое солнце, и ясные ночи, полные света четырех лун, и бурные перемены погоды, и непрестанно дующие ветры, и богатый кислородом воздух, и даже несколько меньшая сила тяжести, благодаря чему в этом мире было так много летающих тварей. Но именно по этой причине, одернул он себя, он куда меньше знает, чем те же центаврийцы, об этих троглодитах. Они явно неглупы. К тому же телепаты, – а этот дар встречается очень редко и изучен куда меньше, чем электричество, – однако телепатические способности гдемьяр не вызвали у первых исследователей ни малейшего интереса. Зато они подарили подземным жителям генератор и космический корабль-автомат, а также осчастливили их кое-какими математическими познаниями. Потом дружески похлопали по плечу и убралась восвояси. Интересно, чем с тех пор занимались эти гномы? Он стал расспрашивать об этом Могиена.

Молодой повелитель Халлана, который почти наверняка ни разу в жизни не видел, чтобы помещение освещалось чем-то иным, кроме свечей или факелов, без малейшего интереса глянул на электрическую лампочку над головой.

– Мастерили-то они всегда хорошо, – промолвил он пренебрежительно.

– А что нового они смастерили за последнее время?

– Мы всегда покупали у «глиняных» мечи; их кузнецы умели обрабатывать сталь еще во времена моего деда. А вот что было до этого, я не знаю. Мой народ давно живет бок о бок с «глиняными», они роют свои туннели даже на границах наших земель, а мы покупаем у них мечи и платим им серебром. Говорят, они очень богаты, но совершать на них набеги строго запрещено. Ничего хорошего войны между двумя соседними народами не приносят – ты и сам знаешь. Даже когда мой дед Дурхал искал здесь свою жену Семли, думая, что «глиняные» ее похитили, он этого запрета не нарушил и не стал силой заставлять их сказать правду. Да они все равно никогда не лгут, хотя и правды тоже, по возможности, стараются не говорить. У нас их не любят, да и они нас недолюбливают; наверное, не забыли старых времен, когда запрета на набеги еще не существовало... К тому же они порядочные трусы.

Вдруг за спиной у них прогремело:

– Склонитесь перед повелителями Ночи!

Роканнон тут же схватился за лазерный пистолет, а Могиен – за ручки обеих мечей. Но стоило им обернуться, как Роканнон тут же заметил встроенный в свод туннеля динамик и шепнул Могиену:

– Не отвечай!

– Говорите, о чужеземцы, явившиеся в обитель Ночи!

От рева, доносившегося из динамика, действительно можно было растеряться, однако Могиен выразил лишь незначительное раздражение, лениво приподняв роскошную бровь. А потом обратился как ни в чем не бывало к Роканнону:

– Ну что ж, господин мой, теперь ты всласть полетал на Крылатом и скажи, как тебе это понравилось?

– Говорите же, – снова загремело в динамике, – вас слушают!

– Очень понравилось! – подхватил игру Роканнон. – Мой полосатый удивительно легкокрыл. Летит, точно западный ветерок в летнюю пору. – Этот поэтический комплимент он как-то слышал за столом в парадном зале Халлана.

– Он отличных кровей.

– Говорите же! Вас слушают!

Не обращая ни малейшего внимания на вопли из динамика, они принялись обсуждать родословные Крылатых и проблемы их разведения в неволе. Вскоре в туннеле откуда-то появились двое «глиняных» и мрачно буркнули:

– Идемте.

По лабиринту переплетающихся бетонных коридоров они вышли к аккуратному, почти игрушечному автоматическому электрокару, на котором проехали несколько миль с довольно приличной скоростью куда-то вглубь, где вскоре, видимо, кончился глинистый слой и пошли известняки. Кар остановился у входа в ярко освещенный зал, в дальнем конце которого на возвышении стояли трое пещерных жителей. Сперва Роканнону даже стало стыдно: он, этнолог, не мог отличить одного гдема от другого! Такими в давние времена голландцам показались китайцы, а центаврийцам – русские... Позор! Понемногу он понял, чем отличается от других тот гдем, что стоял в центре: у него было белое властное лицо, все испещренное морщинами, и железная корона на голове.

– Что угодно Властелину Звезд в пещерах Могущественных?

Невыразительность «общего» языка была Роканнону только на руку. Он ответил столь же официально:

– Я надеялся быть гостем в пещерах гдемьяр, узнать обычаи повелителей Ночи, увидеть чудеса, ими сотворенные. Пока этой надежды я не утратил. Но сейчас в вашем мире творится неладное, и я поспешил сюда, сильно обеспокоенный. Поскольку я являюсь полномочным представителем Лиги Миров, то прошу вас отвести меня к звездному кораблю, который Лига преподнесла вам в знак своего доверия.

Ни один из троих и глазом не моргнул. Благодаря тому что они стояли на возвышении, их широкие, как бы лишенные признаков возраста лица и неподвижные, каменные глаза были сейчас на одном уровне с лицом Роканнона. Зрелище было не из приятных. В конце концов тот, что стоял слева, заговорил на исковерканном межгалактическом, и эта «обстриженная», полудетская речь забавно контрастировала с его мрачно-торжественным каменным лицом:

– Корабля нет.

– А где же он?

Гдем подумал минутку и уклончиво повторил:

– Корабля нет.

– Говори лучше на «общем» языке, – предложил ему Роканнон. – Я прошу вашей помощи, гдемьяр. В этом мире появились враги. Не только Лиги, но и ваши. И если вы допустите, чтобы они здесь остались, ваш мир вскоре будет принадлежать им.

– Корабля нет, – еще раз повторил гдем. Остальные двое стояли рядом молча, как сталагмиты.

– Ну что ж, в таком случае я должен буду передать Лиге, что народ гдемьяр не оправдал ее доверия и недостоин участия в великой Войне.

Ответом ему было молчание.

– Доверие должны проявлять обе стороны. Иначе доверия быть не может, – сказал гдем с железной короной на голове, воспользовавшись все же «общим» языком.

– Разве я обратился бы к вам с просьбой о помощи, если б не доверял вам? – удивился Роканнон. – Хорошо, прошу вас лишь об одном: пошлите свой корабль в Кергелен, только с моим посланием, никого из людей посылать не нужно – он долетит и сам.

Снова повисло молчание.

– Корабля нет, – снова повторил тот, что слева.

– Пойдем отсюда, Могиен, – сказал Роканнон и повернулся к «глиняным» спиной.

– Те, кто предает Властелинов Звезд, предают и древние обычаи нашего мира, – неторопливо и отчетливо произнес Могиен. – Вы издавна ковали для нас мечи, жители глиняного царства. И мечи эти еще не заржавели. – И, не прибавив больше ни слова, он вместе с Рокан-

ноном последовал за серыми тенями стражников к электрокару, который повез их обратно по путанице пустых, ярко освещенных коридоров к выходу в мир солнечного света.

Сперва, желая стряхнуть с себя тягостные впечатления, они пролетели несколько миль к западу и только тогда приземлились на берегу лесной речки и стали решать, что делать дальше.

Могиен чувствовал себя виноватым; он, привыкший быть гостеприимным, не оправдал надежд своего гостя! Даже обычное самообладание ему несколько изменило.

– Земляные черви! – возмутился он. – Жалкие трусливые личинки! И никогда ведь прямо не скажут, что у них на уме! Все маленькие народцы такие, даже фийя. Хотя фийя-то как раз доверять можно. Как ты думаешь, «глиняные» не могли отдать корабль врагу?

– Откуда нам знать.

– Мне ясно только одно: корабль они отдали бы только тому, кто заплатит за него двойную цену. Вещи, вещи, вещи, богатство – только и думают, как бы побольше к рукам прибрать! Интересно, что имел в виду тот старик, когда сказал, что доверие должны проявлять обе стороны?

– Мне кажется, гдемьяр считают, что мы – то есть Лига – их обманули, предали. Сперва мы их всячески поддерживали, а потом вдруг бросили на целых сорок пять лет, и даже весточки ни разу не послали, и к себе больше не приглашали – велели самим о себе заботиться. А все я со своими идеями! Хотя гдемьяр-то об этом не знают. Да и с какой стати им оказывать мне одолжение? Сомневаюсь, правда, чтобы они вступили в сговор с врагами. Но даже если они и договорились продать им корабль, все равно эти враги смогут сделать с его помощью не больше, а может, и меньше, чем я. – Роканнон, устало опустив плечи, смотрел на сверкающую ленту реки.

– Роканнон, – окликнул его Могиен, впервые обратившись к нему как к представителю своего племени, – тут недалеко, за лесом, живут в неприступном замке Кьодор мои родственники – тридцать сильных ангьяр, вооруженных мечами. И замку принадлежат три деревни ольгьяр – «низкорослые» тоже пригодятся, если мы решим наказать этих «глиняных» наглецов...

– Нет, – отрезал Роканнон. – Скажи своим, чтобы присматривали за «глиняными», это не повредит; враги вполне могут их подкупить. Но запретов мы нарушать не станем, и никаких войн между народами вашего мира развязывать тоже не будем. Это было бы совершенно бессмысленно. В такие времена, как сейчас, дорогой мой Могиен, судьба одного-единственного человека не имеет значения.

– А что же тогда имеет? – Могиен удивленно вскинул глаза.

– Господин мой, – обратился к нему молодой стройный ольгья Яхан, – там, среди деревьев, кто-то прячется. – И он указал на тот берег реки, где среди темных лап хвойных деревьев мелькало что-то яркое, пестрое.

– Это же фийя! – воскликнул Могиен. – Ты только на Крылатых посмотри! – Все четыре громадных зверя уже уставились туда, насторожив уши.

– Могиен, правитель Халлана, всегда приходит к народу фийя с миром! – загремел над неглубокой шумливой речкой могучий голос Могиена, и сразу же в сплетении теней на противоположном берегу возникла маленькая фигурка. Казалось, человек приплясывает среди прыгающих солнечных зайчиков, все время меняя свой облик, пропадая из виду и снова становясь видимым, а когда фийян наконец двинулся к ним, Роканнону показалось, что он идет по реке, «аки посуху», – так легко ступало это хрупкое существо по просвеченному солнцем мелководью. Полосатый кот тут же поднялся и, мягко ступая могучими лапами, подошел к самой кромке воды. Когда фийян вышел на берег, Крылатый склонил к нему огромную мохнатую голову, и крошечный человечек ласково почесал его за ушами. Потом подошел к людям.

– Приветствую тебя, наследный правитель Халлана, солнцеволосый носитель мечей! – Голосок был нежный, слабый, как у ребенка, да и обликом своим фийян напоминал ребенка, вот только лицо его, на котором светились странные, большие и светлые глаза, было исполнено

мудрости и печали. Глаза эти на мгновение остановились на Роканноне: – Приветствую тебя, гость Халлана, Властелин Звезд и Странник!

– Фийя знают все имена и все новости, – улыбнулся Могиен, но маленький фийян не улыбнулся в ответ. Это прямо-таки поразило Роканнона. Он не раз бывал в деревнях фийя, хотя и не оставался там надолго. Это был исключительно веселый народ.

– О, Властелин Звезд, – вновь зазвучал нежный негромкий голос незнакомца, – кто направляет те корабли, что приносят смерть?

– Приносят смерть? Кому? Фийя?

– Погибла вся моя деревня, – сказал крошечный человечек. – Я в это время был со стадом высоко в горах и там услышал их мысленный зов. Я поспешил к ним... Я увидел, как горят наши дома и люди вместе с домами... Они кричали, звали на помощь... А над деревней висели два корабля с вращающимися крыльями и плевались огнем. Теперь я остался один и вынужден всегда говорить вслух. Там, где в душе моей жили раньше голоса сородичей, теперь ревет пламя и ничьих голосов больше не слышать! Зачем они убили их, господа мои?

Он переводил взгляд с Роканнона на Могиена, но оба молчали, и фийян вдруг согнулся, точно его смертельно ранили, присел на корточки и закрыл руками лицо.

Могиен возвышался над ним – обе руки на рукоятках мечей, вне себя от гнева.

– Клянусь, что отомщу тем, кто уничтожил маленьких фийя! Скажи, Роканнон, разве это возможно? У фийя нет даже мечей, чтобы защитить себя! Нет у них и богатств. И никогда не было врагов. И вот перебита целая деревня! Сожжена! Мертвы все те, с кем этот бедняга мог поговорить без слов! Всем известно, что ни один фийян не может жить без своих соплеменников. Оставшись одни, они умирают! Зачем они уничтожили всю его деревню?

– Чтобы все знали, как они сильны, – хрипло буркнул Роканнон. – Давай возьмем его с собой, Могиен.

Правитель Халлана опустился на колени перед маленьким скрючившимся на земле фийяном.

– Друг мой, садись со мной в седло. Я не умею говорить без слов, как твои близкие, но и сказанные вслух слова тоже кое-что значат порой.

Молча уселись они на Крылатых – маленький фийян, словно ребенок, сидел перед Могиеном, – и четыре огромных зверя снова взмыли в небеса. Влажный южный ветер, приносящий дожди, был для них попутным, и уже к вечеру следующего дня за бьющими в воздухе крыльями летучего кота Роканнон увидел мраморную лестницу, вьющуюся по лесистому склону горы, знакомый мост над пропастью и высокие башни замка Халлан, залитые закатными лучами и отбрасывавшие длинные тени.

Жители замка, светловолосые хозяева и темноволосые слуги, мгновенно собрались во дворе вокруг путешественников и поспешили сообщить, что неподалеку сожжен замок Реохан и все его обитатели перебиты. Как выяснил Роканнон, и туда прилетали вертолеты с вооруженными лазерным оружием людьми; воины и земледельцы замка Реохан не успели даже мечами взмахнуть – их перебили мгновенно. Жители Халлана были вне себя от горя и отчаяния, однако, увидев в седле Могиена маленького фийяна и узнав, почему он прилетел в их замок, они почувствовали, как возмущение в их душах сменяется страхом. Многие из них, будучи жителями самого северного из замков ангьяр, никогда фийя не видели, но знали, что этот народ всегда воспевался в сказках и легендах и что нападать на фийя всегда было строжайшим образом запрещено. Если уничтожение – страшное, кровавое – обитателей одного из замков ангьяр все же как-то еще можно было объяснить с позиций их философии воителей, то нападение на незащищенных фийя они воспринимали как святотатство. Страх и гнев в их душах слились воедино. Поздно вечером Роканнон, уже поднявшись в свои покои, слышал, как в парадном зале обитатели замка Халлан все еще продолжают громогласно клясться в том, что изгонят и уничтожат проклятого врага, и извергать потоки сложных метафор и гром гипербол. Ангьяр

вообще были довольно хвастливы, не говоря уж об их мстительности, зазнайстве и упрямстве – недаром в их бесписьменном языке отсутствовала форма «не могу»! Не было у этого народа также никаких богов – только герои.

И вдруг сквозь доносившийся снизу шум Роканнон услышал совсем рядом чей-то голос; от неожиданности он снова чуть не сбил настройку радиопередатчика – так сильно дернулась его рука. Наконец-то ему удалось поймать частоту, на которой переговаривались эти бандиты! Голос продолжал звучать, однако язык был Роканнону не известен. Что ж, было бы слишком большой удачей, если бы враги еще и пользовались межгалактическим. Жители входивших в Лигу миров разговаривали на сотнях тысяч различных языков и диалектов, а языки присоединенных планет, вроде этой, были еще практически не изучены. Голос явно читал какой-то список – Роканнон различил знакомые числительные; числительные в межгалактическом языке принадлежали планете Тау Кита, математические достижения которой оказали огромное влияние на все входящие в Лигу миры; многие из них также использовали в своих языках эти числительные. Роканнон напряженно вслушивался в незнакомую речь, однако ничего, кроме череды цифр, различить в ней не мог.

Вдруг голос смолк; в передатчике слышалось лишь легкое шипение.

Роканнон посмотрел на маленького фийяна, который, скрестив ноги, молча сидел на полу у зарешеченного окна башни. Он сам попросил у Роканнона разрешения остаться в его комнате.

– Это голос врагов, Кью.

Лицо человечка не дрогнуло.

Ангьяр обычно называли фийя по названиям их деревень, поскольку считалось, что у этих маленьких существ, возможно, вообще нет собственных, так сказать индивидуальных, имен.

– А если ты очень постараться, Кью, то не сможешь ли разобрать мысли наших врагов? – спросил Роканнон, почти ни на что не надеясь. Он знал по своим кратким посещениям деревень фийя, что этот народ редко отвечает на заданные вопросы прямо, предпочитая улыбаться и отвечать весьма уклончиво. Однако Кью ответил ему сразу – видно, фийяну было трудно ориентироваться в чуждой ему стихии устной речи.

– Я не смогу, Властелин Звезд, – печально сказал он.

– А с обитателями других деревень фийя ты без слов говорить можешь? – снова спросил Роканнон.

– Немножко. Если бы я среди них жил, тогда может быть... Фийя иногда живут в чужих деревнях. Говорят даже, что когда-то фийя и гдемьяр могли разговаривать друг с другом без слов, как один народ, но только все это было очень, очень давно. А еще говорят... – Он вдруг умолк.

– Твой народ и «глиняные» действительно были когда-то едины, – сказал Роканнон, – хотя теперь вы совсем друг на друга не похожи. Ну, что еще говорят, Кью?

– Говорят, что давным-давно на юге, высоко в горах, среди серых мхов и камней, жили те, кто мог разговаривать без слов со всеми обитателями нашего мира. Они слышали мысли всех живых существ, эти Древние... Но мы-то давно спустились с горных вершин и живем – кто в долинах, кто в пещерах. Мы забыли о трудной жизни в горах.

Роканнон задумался. Он и не знал, что к югу от Халлана есть какие-то горы! Он даже взял было карманный галактический справочник, но тут шипение в передатчике прекратилось, и тот же голос зазвучал вновь, только чуть слабее и временами прерываясь из-за помех; теперь голос взывал на межгалактическом:

– Вызываю номер шестой. Вызываю номер шестой. Отзовитесь. Вызывает Фуайе. Отзовитесь. Номер шестой... – Голос еще долго бубнил, на несколько секунд замолкая и начиная снова монотонно вызывать на связь некий «номер шестой». – Вызывает Фрайди... Нет-нет, это

Фрайди говорит... Вызывает Фуайе, номер шестой, вы на месте? Суперсветовые прибывают завтра, мне необходим полный отчет о состоянии «семь-шесть» и о сетях. Номер шестой, вы меня слышите? Оставьте свой великолепный план восточному подразделению, пусть они его выполняют. Вы слышите меня? Завтра состоится сеанс связи по ансамблю с базой, так что мне необходима ваша информация о состоянии «семь-шесть» немедленно. И совершенно не обязательно...

Какие-то помехи помешали Роканнону расслышать продолжение этой фразы, а когда голос возник вновь, то слышны были лишь отдельные слова. Потом вдруг послышался новый голос, похоже более близкий. Говорили на неизвестном Роканнону языке. Он внимательно вслушивался; рука его так и застыла на справочнике. Неподвижный фийян еле виднелся в темном углу напротив. Голос произнес две пары чисел, потом Роканнон уловил еще одно знакомое слово – «градусы». Он быстро записал числа, а потом, все еще внимательно вслушиваясь в чужую речь, открыл справочник на странице, где была карта Фомальгаута-II.

Так, записал он числа 28, 28-121 и 40. Возможно, градусов. Если предположить, что это координаты... Он шарил глазами по карте. Потом отметил найденную точку карандашом – сперва она оказалась прямо посреди океана. Но потом, когда он попробовал цифры 121-28, то карандаш его уперся в южные отроги горной гряды, примерно посередине Юго-западного континента. Он молча уставился на карту. Голос в передатчике смолк.

– Что случилось, Властелин Звезд?

– По-моему, я понял, где их база. Может быть... И там у них точно есть ансамбль. – Он невидящим взором посмотрел на Кью, потом снова на карту. – Если они действительно там... если бы я сумел туда добраться и расстроить их планы... если бы мне удалось передать Лиге всего одну фразу с помощью их ансамбля... если бы я сумел...

Юго-западный континент описан только с помощью аэрофотосъемки, и на картах отмечены лишь самые крупные горы и реки да линия побережья. А это значит – сотни квадратных километров неизведанной территории! Да к тому же он всего лишь догадывается, что враг там...

– Но не могу же я сидеть сложа руки! – взорвался Роканнон. Он поднял голову и снова встретился с ясными глазами ничего не понимавшего фийяна.

Вскочив, Роканнон принялся мерить шагами каменный пол. Радио снова зашипело, послышался совсем тихий голос.

Преимущество у него одно: враг никак его не ждет. Они ведь считают, что планета полностью принадлежит им. Но, к сожалению, никаких иных преимуществ у него нет.

– Ох, как мне хочется ударить по ним их же оружием! – вырвалось у него. – Пожалуй, я все-таки попробую их найти. Там, в этих южных землях... Знаешь, Кью, ведь и моих товарищей убили эти чужаки. Мы с тобой оба осиротели и оба говорим на чуждом нам языке. Мне бы очень не хотелось расставаться с тобой.

Он и сам не понял, почему вдруг сказал эти слова.

Тень улыбки скользнула по лицу фийяна. Он поднял руки и широко раскинул их, словно раскрывая объятия. Пламя свечей в подсвечниках колебалось, по стенам метались тени.

– Да, так было предсказано: Странник сам выберет себе друзей, – сказал фийян. – Правда, на время.

– Странник? – переспросил Роканнон, но на этот его вопрос Кью не ответил.

Глава 3

Хозяйка замка медленно пересекла высокий зал, пышные юбки шуршали по каменному полу. Смуглая кожа ее с годами потемнела, точно на старой иконе; светлые волосы стали

белыми. Но все же она была еще хороша – все женщины ее рода отличались необычайной красотой. Роканнон поклонился и приветствовал Хальдре в соответствии с обычаями ангьяр:

– Приветствую тебя, Хозяйка Халлана, дочь Дурхала, Хальдре Золотоволосая!

– Приветствую тебя, Роканнон, гость мой, – откликнулась она, спокойно на него глядя.

Как практически все мужчины ангьяр, да и многие женщины, Хальдре была значительно выше его ростом. – Скажи, зачем ты направляешься на юг?

Она снова медленно пошла через зал, и Роканнон шел с нею рядом. В зале было темно-вато: темный камень стен, темные ковры на высоких стенах, холодный свет раннего утра, едва пробивающийся в узкие, похожие на бойницы окна, полуприкрытые черными ставнями.

– Хочу отыскать своих врагов, госпожа моя.

– А когда найдешь?..

– Когда найду, то... попробую проникнуть в их замок и воспользоваться их... у них есть такая машина, с помощью которой я мог бы послать Лиге послание, предупредить, что они здесь, в вашем мире. Они неплохо спрятались – вряд ли кто-нибудь смог бы их здесь отыскать: ведь во Вселенной миров столько же, сколько песчинок на морском берегу. Но отыскать их нужно непременно! Они уже причинили немало зла здешним народам, а вскоре причинят и куда более страшное зло.

Хальдре понимающе склонила голову.

– А это правда, что ты пойдешь налегке, взяв с собой всего несколько человек?

– Да, госпожа. Путь туда далек, нужно переплыть море. Да и в борьбе с врагом я надеюсь победить скорее умением, а не силой.

– Тебе понадобится не только умение, Властелин Звезд, – сказала старая Хальдре. – Что ж, пусть с тобой отправятся четверо верных наших слуг. Хватит ли тебе четверых? А еще я дам тебе двух Крылатых под поклажу и шесть – под седло да прибавлю парочку серебряных слитков – на тот случай, если тамошние варвары потребуют платы за то, что приютят тебя и моего сына Могиена.

– Так Могиен едет со мной? Этот твой дар для меня дороже всех остальных, Хозяйка Халлана!

Некоторое время Хальдре смотрела на него – печально, но ясно и твердо.

– Я рада, что доставила тебе удовольствие, Властелин Звезд. – Она снова начала прохаживаться по залу, и Роканнон шел с нею рядом. – Могиен только и думает что об этом походе: он любит тебя и мечтает о приключениях. А ты, великий Властелин, идя навстречу грозной опасности, хотел бы, чтобы мой сын отправился с тобой. Что ж, по-моему, вы должны пойти вместе. Но вот что я скажу тебе, здесь, сейчас, в этом зале, а ты запомни и не бойся моих упреков, когда вернешься: вряд ли сыну моему суждено вернуться с тобой вместе.

– Но, госпожа моя, он ведь наследник Халлана!

Хальдре не ответила; прошла через весь зал, развернулась у стены, завешанной потемневшими от времени гобеленами, на которых изображены были крылатые великаны, сражающиеся со светловолосыми людьми, и пошла обратно. Потом наконец заговорила снова:

– Ничего, Халлан найдет себе другого наследника. – Голос ее звучал спокойно и горько. – Снова среди нас появляетесь вы, Властелины Звезд, и приносите новые обычаи и новые войны. Замок Реохан обращен в прах. Сколько стоять Халлану? Наш мир теперь кажется мне всего лишь песчинкой на берегу Ночи. Все меняется, но в одном я по-прежнему уверена: проклятие тяготеет над моим родом. Мать моя, которую ты знал когда-то, сошла с ума и заблудилась в лесу; отец мой погиб в бою, мой муж стал жертвой предательства, а когда я носила под сердцем своего сына, то не могла подавить горьких предчувствий, понимая, что жизнь его будет короткой. Сам он не печалится об этом – ведь он ангья, у него два меча. Ну а моя роль по воле недоброй судьбы сводится к тому, чтобы в одиночестве править этим ветшающим замком и жить, жить, жить, пережить всех... – Она вдруг умолкла и не сразу заговорила снова: – Тебе,

возможно, понадобится куда больше денег, чем есть у меня, чтобы – кто знает? – выкупить, может статься, свою жизнь. Возьми это. Я отдаю его тебе, Роканнон, – не своему сыну Могие ну. Зло, связанное с этим ожерельем, не должно тебя коснуться. Да и разве не тебе оно принадлежало в городе, что лежит по ту сторону Ночи? Нам это сокровище ничего не дало, кроме тяжкого бремени и темных теней. Я возвращаю его тебе, Властелин Звезд; используй его, как найдешь нужным – как выкуп или как дар.

И она расстегнула золотую цепь и сняла со своей груди великолепное ожерелье с синим сверкающим камнем, которое стоило ее матери жизни, и протянула его на ладони Роканнону. Он взял ожерелье, и у него мурашки по спине побежали от тихого шуршания золотой цепи. Когда он поднял глаза на Хальдре, она смотрела прямо на него, и ее ясные синие очи в полумраке зала казались черными.

– Все, Властелин Звезд. Бери с собой моего сына и ступайте своим путем. И пусть сгинут враги твои, не оставив наследников!

Чадающее пламя факелов, мечущиеся по стенам замка тени, рычание Крылатых, голоса людей – все осталось далеко внизу, стоило полосатому зверю несколько раз взмахнуть крыльями. Халлан светлячком светился на темном крутом склоне горы; кругом стояла тишина, лишь едва слышно вздымались и опускались крылья да в лицо Роканнону с легким свистом бил поток встречного воздуха. Восточный край неба у них за спиной уже начинал светлеть, и Большая Звезда горела ярко, предвещая рассвет, хотя до восхода было еще далеко. На этой планете, где сутки длились целых тридцать часов, все происходило неторопливо – закаты и восходы, долгие ночи и ясные дни. И времена года тоже сменяли друг друга без излишней поспешности, горделиво приходя каждое в свой черед; сейчас как раз наступало весеннее равноденствие – впереди были четыреста дней весны и лета.

– О нас еще сложат песни и будут петь их в высоких замках, – сказал Кью, сидевший у Роканнона за спиной. – И в песнях этих будет говориться о том, как Странник с товарищами взлетели в небо и понеслись на крыльях весеннего ветра в предутренней мгле... – Он даже засмеялся. Внизу под ними, точно великолепно расписанные серые шелка, расстилались холмы и плодородные долины владений ангьяр; земля начинала понемногу светлеть, постепенно проступали яркие краски, четкие тени – это солнце, величественно поднимаясь над горами, высвечивало все своими лучами.

Они летели к морю вдоль русла реки и в полдень спустились немного отдохнуть на ее берегу. А к вечеру увидели небольшой замок на вершине холма, очень похожий на все остальные замки ангьяр, где и решили переночевать. Замок стоял в излучине той же реки, и его владелец радушно принял гостей. Обитатели замка с трудом сдерживали любопытство, вызванное появлением столь странного отряда. Прежде всего их интересовали фийян и странный человек, одетый, как правитель замка, но без мечей и со светлой, как у ольгьяр, кожей. Да и говорил он с каким-то странным акцентом. Однако и фийян и странный незнакомец путешествовали вместе с правителем Халлана и его четырьмя слугами. Честно говоря, смешанные браки и адюльтеры были весьма распространены между ангьяр и ольгьяр, просто высокородным владельцам замков не хотелось в этом признаваться. Сплошь и рядом можно было встретить светлокочих воинов в сопровождении золотоволосых слуг. Но прибывший вместе с правителем Халлана Странник был какой-то другой породы. Роканнон ничего о себе рассказывать не стал, не желая распространения известий о своем прибытии в эти края, а хозяин замка расспрашивать о нем наследника Халлана и его товарищей так и не решился. Если он когда-либо и узнал о том, кто были его загадочные гости, то лишь из легенды, которую сложили бродячие певцы и артисты много лет спустя.

Весь следующий день семь путешественников провели в полете над сказочно прекрасными землями, а переночевали в деревушке ольгьяр на берегу реки. На третий день они очутились в таких местах, которые не были знакомы даже Могие ну. Река здесь поворачивала к югу,

образуя обширную дельту, состоявшую из множества рукавов; в излучинах блестели болотца и озера. Холмы постепенно сглаживались, уступая место просторным равнинам, а в небе у самого горизонта виднелось бледное сияние – отраженный свет моря, которое они и увидели к концу дня, когда вылетели на простор побережья, где среди серых песчаных дюн виднелись глубоко врезавшиеся в сушу заливы и бухты. На вершине белого утеса они заметили одинокий замок и решили спуститься.

Спешившись, усталый, с затекшей спиной и ватными ногами, оглохший от долгого полета и сильного ветра Роканнон глядел на этот замок и думал, что в жизни не видел столь жалкого строения; к замку жались деревенские домишки, похожие на выводок цыплят под крылом у квочки. Улочки в деревне были кривые; из каждой щели на путников смотрели глаза бледных и каких-то особенно низкорослых и коренастых ольгяр.

– Похоже, тут «глиняные» немало своей крови добавили, – заметил Могиен. – А вот и ворота. Это, должно быть, Толен, если нас не снесло ветром в сторону. Эй! Правители Толена! Гости стоят у ворот вашего замка!

Но из замка не донеслось ни звука.

– Качает ветер ворота эти, – сказал Кьо, и они заметили, что ворота и в самом деле не заперты; их провисшие створки из окованного бронзой дерева отсырели и болтались на ржавых петлях, поскрипывая на холодном морском ветру, насквозь продувавшем селение. Могиен ткнул в дерево острием ножа – ворота отворились, и изнутри пахло сыростью. Там было темно, слышалось подозрительное шуршание и хлопанье крыльев.

– Ну что ж, правители Толена, видно, не дождались своих гостей, – сказал Могиен. – Яхан, поговори-ка с этими уродами да постарайся найти нам место для ночлега.

Юноша подошел к собравшимся кучкой на дальнем краю двора деревенским жителям, которые продолжали пялить глаза на путников. Наконец один из них решил и, без конца кланясь и извиваясь, точно морская водоросль, с униженным видом стал что-то объяснять Яхану на диалекте ольгяр. Роканнон немного понимал его речь и догадался, что этот старик пытается уверить Яхана, что их деревня – неподходящее место для столь высоких гостей. Для «педанаров», так он сказал. «Интересно, – подумал Роканнон, – что это значит?» Высокий ольгяр Рахо тоже подошел к ним и что-то сказал местным довольно сердито, но старик только приседал и кланялся, продолжая бормотать свое, пока наконец в переговоры не вступил Могиен. По законам ангяр ему не полагалось разговаривать с подданными другого правителя, однако он настолько красноречиво обнажил один из своих мечей и взмахнул им, так что клинок засверкал в холодном, отражавшемся от морской воды свете небес, что деревенские сразу примолкли. Могиен с мечом в руке двинулся по окутанной уже сумерками узкой улочке; остальные путешественники пошли за ним, ведя на поводу своих Крылатых. Сложенные крылья огромных зверей то и дело задевали крыши низеньких крытых тростником хижин.

– Кьо, что значит «педанар»? – спросил Роканнон.

Но фийян только улыбнулся в ответ. Пришлось обратиться к Яхану.

– Видите ли, господин мой, педан – это... тот, кто странствует среди людей, – ответил тот неуверенно.

Роканнон кивнул, пока было достаточно и этого объяснения. Раньше, когда он еще только начинал исследовать нравы и обычаи этого народа, не превратившись еще в их прямого союзника и защитника, он все пытался обнаружить у них хоть какие-нибудь зачатки религии. Похоже, никаких религиозных представлений у лийяр не было вовсе. Но в то же время они были чрезвычайно доверчивы и впечатлительны. Они воспринимали всякие заклятия и проклятия, колдовство и таинственные силы как нечто само собой разумеющееся, да и вообще их отношение к природе было абсолютно анимистическим – одушевляли они все подряд, но богов у них не было. Слово «педан», похоже, отчасти имело оттенок чего-то сверхъестественного.

Хотя в этот момент Роканнону даже в голову не пришло, что сверхъестественным эти люди могут считать его самого.

Понадобились три жалкие хижины, чтобы как-то разместить семерых путников, а Крылатые вообще ни в один из домов не влезали, так что их пришлось привязать снаружи. Звери сбились в кучку и распушили шерсть, стараясь согреться на пронизывающем морском ветру. Крылатый Роканнона принялся даже царапать стену хижины, жалобно подвывая, так что Кью вышел и стал чесать ему за ушами.

– Бедняги, что-то еще ждет их впереди, – сказал Могиен, посмотрев на Крылатых, и уселся рядом с Роканноном у примитивного земляного очага, который немного согревал холодное помещение. – Знаешь, они ведь очень воды боятся, просто ненавидят ее.

– Да, ты еще в Халлане говорил, что через море Крылатые не полетят, а в этой деревне вряд ли найдется лодка, которая выдержала бы их вес. Как же мы переберемся через пролив?

– У тебя с собой тот рисунок, на котором изображена наша страна? – спросил Могиен. Географических карт ангъяр не знали, и Могиен пришел в восторг, увидев в карманном справочнике Роканнона карты различных районов своего мира. Роканнон вытащил справочник из старой кожаной сумки, верной своей спутницы во время всех странствий по иным мирам. В сумке были самые необходимые вещи из числа тех, что были у него при себе в Халлане, когда разбомбили их корабль, – галактический справочник, дневники, кое-какая одежда, оружие, аптечка, радиопередатчик, миниатюрные земные шахматы и потрепанный томик хайнской поэзии. Сперва он положил в сумку и сапфировое ожерелье, но прошлой ночью, вспомнив вдруг, какую цену заплатили за это сокровище, он сделал из мягкой замши мешочек, положил в него ожерелье и повесил на шею под рубашку, чтобы выглядело, как амулет. Теперь ожерелье Семли могло потеряться только вместе с его собственной головой.

Длинным загрубелым пальцем Могиен обвел контуры двух западных континентов в том месте, где они были как бы обернуты друг к другу лицом: самую южную часть владений ангъяр с двумя глубокими заливами и далеко выдающимся в море полуостровом, а через пролив – самую северную оконечность Юго-западного континента, который сам Могиен называл Фьерн.

– Вот сейчас мы здесь, – сказал Роканнон и положил рыбий позвонок, оставшийся после ужина, на самый конец полуострова.

– А здесь, если верить этим деревенским дурням, которые, кроме рыбы, ничего в жизни не пробовали, должен быть замок Пленот. – Могиен положил второй позвонок примерно в сантиметре от первого, чуть выше, и полюбовался им. – Здорово похоже на башню замка, когда сверху смотришь, правда? Вот вернемся в Халлан, и я пошлю сотню человек верхом на Крылатых, чтобы они все эти земли зарисовали, а потом прикажу высечь на каменной плите такую картину – все владения ангъяр. В этом Пленоте, по-моему, должны быть большие лодки, а может, и корабли. Возможно, это правитель Пленота захватил суда Толена. Эти два небогатых правителя всегда спорили из-за своих территорий, вот почему Толен ныне стоит пустой и в нем только ветер гуляет да кроется тьма. По крайней мере, так сказал Яхану тот старикашка.

– А правитель Пленота одолжит нам лодки?

– Ничего он нам не одолжит! Мы его считаем заблудшим.

То есть по законам ангъяр правитель считался изгоем, если ему неведомы были традиционные понятия гостеприимства, благодарности и возмездия.

– У него всего два Крылатых, – презрительно сказал Могиен, снимая меч. – А замок, говорят, и вовсе из дерева.

Наутро, когда они подлетали к деревянному замку Пленот, стража на башне сразу заметила их, и в воздух поднялись оба тамошних Крылатых, начав описывать над башней круги, а из бойниц высунулись лучники, готовые стрелять. Хозяин замка явно не желал принимать гостей. Только теперь Роканнон понял, почему на всех замках ангъяр крыши так сильно нависают над стенами, образуя козырьки, отчего внутри всегда темно, точно в пещере: так обитатели замков

защищаются от нападений с воздуха. Замок Пленот оказался совсем небольшим и еще более жалким, чем Толен; при нем не было даже деревушки ольгьяр, и он, нахохлившись, торчал на черной скале над самым морем. Роканнон все же сомневался, что они вшестером сумеют взять этот замок, если им будет оказано сопротивление. Он проверил, крепко ли пристегнуты седельные ремни, которыми крепятся ноги всадника у бедра, перехватил поудобнее длинное боевое копьё, которым его снабдил Могиен, и послал сам себя к черту, надеясь на удачный исход боя. Все-таки для подобных передряг он, пожалуй, уже не годился: сорок три стукнуло.

Могиен, летевший далеко впереди на своем черном звере, поднял копьё и издал боевой клич. Полосатый тут же опустил огромную голову и быстрее замахал своими могучими черносерыми крыльями, похожими на огромные опахала; длинное, покрытое пушистой шерстью легкое тело его было напряжено; Роканнон чувствовал, как бьется могучее сердце зверя. Ветер свистел у него в ушах, ему казалось, что и эта башня, крытая тростником, и ревущие грифоны над нею тоже несутся ему навстречу. Взяв копьё на изготовку, Роканнон прильнул к спине Крылатого. Упоение битвой, какой-то первобытный восторг переполняли его; он даже слегка засмеялся, опьянев от ветра. Все ближе, ближе маячила башня с кружащими над ней крылатыми стражами, и вдруг, издав пронзительный вопль, Могиен метнул свое копьё, серебряной молнией мелькнувшее в воздухе. Копьё попало точнехонько в грудь одному из всадников, и тот, не удержавшись в седле, вылетел через круп своего Крылатого, порвав пристяжные ремни, и стал падать с высоты три сотни футов прямо в кремовые волны прибоя, набегавшие, казалось, почти беззвучно на прибрежные скалы. Могиен пролетел мимо оставшегося без всадника Крылатого и вступил в схватку со вторым стражем, пытаясь поразить его мечом; тот отбивал удары копьём, которое почему-то не метнул раньше, а держал наперевес. Слуги-ольгьяр кружили чуть поодаль, но в поединок не вмешивались, хотя и были готовы в любой момент прийти на помощь своему господину. Их Крылатые, похожие на жутких голубей, кружили довольно высоко от земли, чтобы стрелы лучников, прятавшихся на стенах замка, не могли пробить кожаные подбрюшники. Но вдруг все четверо слуг, издав леденящий душу вопль, резко бросили своих зверей вниз и присоединились к Могиену. Какое-то время Роканнон не видел ничего, кроме мелькания белых крыльев и сверкания клинков. Потом из этой мешанины выпала человеческая фигура, которая, словно пытаясь повиснуть в воздухе и полететь, нелепо дергала руками и ногами, но падение продолжалось, и вскоре несчастный ударился о крышу замка и соскользнул на камни внизу.

Только теперь Роканнону стало ясно, почему ольгьяр вмешались в поединок: стражник, нарушив все правила, ударил копьём не всадника, а Крылатого. Черный зверь, на крыле которого расплывалось багровое пятно, устремился в дюны. Оставшиеся без седоков Крылатые из замка понеслись в сторону Роканнона, надеясь, совершив круг, спуститься и укрыться за стенами замка. Ольгьяр гнались за ними, и Роканнон бросился на подмогу, оказавшись прямо над тростниковыми крышами замка. Он видел, как Рахо, ловко метнув веревку, поймал одного из беглецов; в ту же минуту он почувствовал, как что-то ужалило его в ногу. Он так и подпрыгнул в седле, отчего Крылатый под ним взволновался еще больше и, несмотря на туго натянутые поводья, выгнул спину дугой, а потом, впервые послушавшись седока, встал на дыбы. Кругом, точно рой диких пчел, жужжали и пели стрелы. Мимо Роканнона с дикими криками и смехом пронеслись халланские ольгьяр и Могиен верхом на желтом с дикими глазами Крылатом из числа захваченных. Полосатый зверь Роканнона сразу выпрямил спину и полетел за ними.

– Лови, Властелин Звезд! – пронзительно крикнул ему Яхан, и Роканнон увидел летящую прямо на него комету с черным хвостом. Он поймал ее – скорее из чувства самозащиты – и обнаружил, что это зажженный факел. Держа его в руке, он присоединился к остальным, которые кружили над башней, намереваясь поджечь ее тростниковую крышу и деревянные балки.

– У тебя из левой ноги стрела торчит! – крикнул ему Могиен, пролетая мимо. Роканнон только рассмеялся в ответ каким-то безумным смехом и ловко зашвырнул свой факел прямо в бойницу, из которой высовывался лучник. – Вот это бросок! – восхитился Могиен, резко бросил своего Крылатого вниз, коснулся крыши и снова взлетел. Вслед ему взметнулись языки пламени.

Потом Роканнон увидел Яхана и Рахо, прижимавших к груди целые охапки горящих факелов, которые бросали всюду, где виднелась тростниковая кровля или деревянные постройки. Башня пылала, вверх взлетали снопы искр; Крылатые, устав от бесконечного осаиванья, раздраженные жалящими даже сквозь густой мех искрами, со злобным, леденящим душу ревом бросались на крыши замка. Фонтан стрел снизу иссяк; во двор из замка выбежал человек, прикрывавший голову чем-то вроде большой деревянной миски. В руках он держал нечто, показавшееся Роканнону сперва зеркалом, но потом выяснилось, что это еще одна миска, полная воды. Дергая за повод желтого Крылатого, который все норовил спуститься в родное стойло, Могиен подлетел к человеку поближе и крикнул:

– Эй, говори быстрее! Мои люди уже новую порцию факелов поджигают!

– Откуда ты, господин мой!

– Из Халлана!

– Я, правитель Пленота, прошу позволить мне потушить пожар.

– Ладно! Но ты вернешь мне похищенное тобой добро из замка Толена, а также вернешь и его обитателей. Живыми!

– Да будет так! – Человек, так и не вылив воду из миски, бросился назад в замок.

Нападающие отлетели к дюнам и оттуда смотрели, как обитатели замка, выстроившись цепочкой до моря, передают полные ведра и заливают пламя. Башня успела выгореть дотла, но стены и основное строение уцелели. Людей в замке было не больше двадцати пяти человек, включая женщин. Когда огонь был потушен, небольшая их группа осторожно приблизилась к дюнам. Впереди шел высокий худой человек с кожей темно-орехового оттенка и светлой рыжеватой шевелюрой типичного ангья. Следом за ним шли два воина в деревянных шлемах – в точности таких, как тот, который Роканнон принял за миску. Еще дальше тащились человек шесть мужчин и женщин с удивительно покорным, точно у овец, выражением лиц. Высокий человек обеими руками поднял глиняную чашу с водой и сказал:

– Я Огорен из Пленота, хозяин этих владений.

– Я Могиен, наследник Халлана.

– Жизни обитателей Толена теперь в твоей власти, господин мой. – Огорен кивнул в сторону шестерых оборванцев. – А вот богатств там не было никаких.

– Там были две длинные лодки, заблудший.

– Ну да, ну да, еще бы! Когда дракон прилетает с севера, он все видит! – Вид у Огорена был довольно кислый. – Суда, принадлежавшие Толену, теперь твои, господин мой.

– Ладно уж, – смягчился Могиен, – отведи суда к пристани Толена и получишь назад своих Крылатых.

– А кто второй, кто этот благородный ангья, что оказал мне честь быть побежденным в бою с вами? – спросил Огорен, поглядывая на Роканнона, который предстал пред ним во всем великолепии бронзовых доспехов истинного воина-ангья, однако без мечей. Могиен посмотрел на друга в замешательстве, и тот выпалил первое, что пришло в голову, – имя, которым назвал его Кьо: Странник, Олхор.

Огорен изумленно посмотрел на него, потом отвесил каждому из странных ангьяр поклон и промолвил:

– Чаша полна.

– Да не прольется ни капли воды, да не нарушится наш договор! – откликнулся Могиен.

Огорен тут же повернулся и устремился вместе со своей стражей к дымящемуся замку, даже не взглянув на освобожденных пленников, сгрудившихся на вершине одной из дюн. Могиен бросил:

– Отведите в деревню моего Крылатого, у него ранено крыло.

И, оседлав желтого зверя, тут же полетел прочь. Роканнон за ним. Взлетев, он обернулся: несчастные обитатели замка Толена понуро брели к границе своих жалких владений.

К тому времени, как он добрался до Толена, боевой задор в нем несколько поостыл, и он снова начал ругать себя. Дело в том, что, спустившись на вершину дюны, он обнаружил, что стрела действительно попала ему в ногу, но боли особой не чувствовал, пока он не дернул за нее как следует, даже не посмотрев, нет ли на ее наконечнике зазубрин. Однако они там оказались. Он знал наверняка, что ангьяр ядами не пользуются, и все же опасность заражения крови была вполне реальной. Забыв об осторожности при виде доблести и отваги, которые проявляли в бою его спутники, Роканнон постеснялся надеть свой защитный костюм, который был практически невидим глазу, хотя костюм этот был неуязвим даже для лазерного пистолета. И вот теперь он запросто мог умереть в какой-то жалкой дыре из-за паршивой царапины! Болван! А еще собирался спасти целую планету, хотя о собственной шкуре как следует позаботиться не может!

Старший из слуг-ольгьяр, спокойный полный парень по имени Иот, вошел в его хижину и, не говоря ни слова, быстро опустился на колени, ловко промыл и перевязал ему рану. За ним вошел Могиен, все еще одетый в латы. В шлеме с высоченной эгидой он был, казалось, чуть ли не трехметрового роста, а нагрудник лат под плащом делал плечи невероятно широкими, точно он прятал там сложенные крылья. Следом протиснулся Кью, похожий на притихшего ребенка среди свирепых воинов. Потом пришли Яхан и Рахо, а потом и юный Биен, так что хижина чуть не рухнула, когда все они осторожно присели на корточки у очага. Яхан наполнил семь деревянных чаш в серебряной оправе, и Могиен торжественно передал каждому его чашу. Выпили. И Роканнон сразу почувствовал себя лучше. Могиен стал участливо расспрашивать его о ране, и ему стало почти совсем хорошо. Они пили васкан, а в дверь то и дело заглядывали и исчезали бледные лица перепуганных и восхищенных деревенских жителей. Роканнон пребывал в исключительно благодушном настроении; ему уже казалось, что он вел себя действительно как герой. Они поели, потом еще выпили, а потом Яхан встал и прямо здесь, в этой душной хижине, провонявшей дымом, жареной рыбой, смазкой для упряжи и потом, запел, сопровождая себя на бронзовой лире. Он пел о Дурхольде из Халлана, который освободил пленников Корхальта среди болот Борна в те далекие дни, когда владениями ангьяр правил Красный король. Пропев под конец родословную каждого из героев, участвовавших в той славной битве, он без перехода запел об освобождении плененных обитателей Толена и о сожжении башни Пленота – тем самым факелом, который Странник бросил, не убоившись града стрел; воспел он и меткий, необычайной силы удар копьем, который нанес наследник Халлана Могиен, уподобившийся славному своему предку, не знавшему промахов метателю копий Хендину. Роканнон был уже совершенно пьян и страшно доволен собой. Песня несла его, точно полноводная река, и он чувствовал себя полностью принадлежащим этому миру, ради которого пролил кровь и в который явился когда-то как чужой, переплыв через океан Ночи. Вот только порой, ощущая присутствие тихого улыбочивого фийяна с собою рядом, он осознавал вдруг, что все же мир этот для него не родной.

Глава 4

Перед ними простиралось серое море, вздымалось пенными волнами в пелене серого дождя. В мире как бы совсем не осталось красок. Двое Крылатых со связанными крыльями,

посаженные на цепь на корме, плакали и жаловались на судьбу, и с соседнего суденышка доносились точно такие же жалобные звуки.

Они провели в Толене довольно много дней, ожидая, пока подживет нога Роканнона и черный Крылатый снова сможет летать. Хотя причины для задержки были вполне уважительные, на самом деле Могиену явно и самому не хотелось пускаться в опасное плавание, хотя он прекрасно понимал, что море это нужно переплыть. Он в одиночестве бродил по серому песку между заливами вдали от замка Толен, стараясь побороть те же мрачные предчувствия, что владели и его матерью Хальдре. Роканнону он сказал только, что вид моря и шум морских волн нагоняют на него тоску. Когда же наконец его Крылатый совсем поправился, он вдруг решил отослать его назад в Халлан под присмотром Биена, словно желая спасти хоть что-то от неминуемой опасности. Они также решили оставить двух Крылатых и большую часть поклажи у престарелого правителя Толена и его племянников, тщетно пытавшихся как-то привести в порядок свою развалюху, именуемую замком. И вот теперь на двух больших лодках, носы которых были украшены головами драконов, они шестером вышли в море под морозящим дождем.

Лодкой, где плыл Роканнон, правили два мрачных и тощих толенских рыбака. Яхан пытался успокоить сидевших на цепи несчастных Крылатых какой-то тягучей песней о давно умершем правителе Халлана; Роканнон и Кью, закутавшись в плащи и натянув поглубже капюшоны, устроились на носу.

– Кью, ты как-то рассказывал мне о южных горах... – вдруг промолвил Роканнон.

– Да, и что? – Фийян быстро оглянулся на север, туда, где за пеленой дождя уже скрылись земли ангьяр.

– А ты знаешь, что за люди живут в тех краях, которые ты называешь Фьерном?

От его любимого справочника толку было мало; в конце концов, именно он, руководитель этнографической экспедиции, должен был бы заполнить оставшиеся в нем пустые страницы. В справочнике были указаны пять форм высокообразованного интеллекта, существующих на этой планете, однако описаны только три: лийяр (т. е. ангьяр/ольгьяр), фийя и гдемьяр. И еще негуманоиды, обнаруженные на огромном Восточном континенте в другом полушарии. Информация географов по поводу Юго-западного континента скорее напоминала слухи: «Существование неподтвержденной формы ВИ, возможно, вид 4. По непроверенной информации, это крупные гуманоиды, проживающие в обширных городах (?). Имеются также непроверенные данные о существовании еще одного вида ФВИ, возможно, пятого (?): крылатые сумчатые существа». В общем, он все это знал и так, а Кью, точно ребенок, считал, что Роканнону вообще известны ответы на все вопросы, поэтому ответил ему вопросом на вопрос:

– Там ведь Древние живут, верно?

Роканнону пришлось удовлетвориться этим, и он все вглядывался в серый туман, за которым скрывалась неведомая, загадочная земля, а огромные крылатые кошки на корме все выли и жаловались на судьбу, и холодный дождь струйками стекал ему за ворот, стоило на минутку откинуть капюшон.

Один раз за время плавания ему показалось, что он слышит над головой стрекот вертолета; хорошо, что такой туман, подумал он. Потом пожал плечами: а собственно, чего прятаться? Вряд ли у этих воинственных захватчиков, которые устроили на планете военную базу, вызовут беспокойство два утлых суденышка с десятью «рыбаками» и какими-то странными кошками-переростками...

Так они и плыли по нескончаемым волнам, сквозь непрерывающийся дождь, пока над водой не повисла ночная тьма. Ночь всем показалась страшно холодной и чересчур долгой. Потом забрезжил рассвет, и взорам их вновь предстали те же серые волны, туман, дождь... Потом вдруг толенские мрачные рыбаки зашевелились, задвигались и стали с беспокойством вглядываться вдаль. И вдруг прямо над лодками навис утес, полускрытый клочьями тумана. Пока они

подплывали к берегу, огибая прибрежные скалы, стали видны и низкорослые деревья, росшие по уступам утеса.

Яхан стал расспрашивать одного из рыбаков, а потом рассказал остальным:

– Он говорит, что мы сейчас входим в устье большой реки, и на ее дальнем берегу – единственное место, где можно причалить.

Нависавшие над лодкой скалы между тем уже уплывали назад, скрываясь в тумане, а лодку окутывал еще более плотный туман; днище ее поскрипывало под напором нового сильного течения. Голова ухмыляющегося дракона на носу покачивалась, и казалось, что дракон вот-вот обернется к ним. Воздух вокруг был белый и мутный. По обе стороны лодки бурлила вода, тоже мутная и красноватая. Рыбаки что-то кричали друг другу и перекликались со своими земляками на другой лодке.

– Тут был сильный паводок, – пояснил Яхан. – Они пытаются повернуть... Эй, держитесь!

Роканнон успел схватить Кьо за плечо, и лодка, черпнув воды, стала заваливаться на бок, закрутилась в каком-то бешеном танце, подхваченная бурным течением; рыбаки тщетно пытались придать ей былую устойчивость, но слепящий туман скрывал от взора речные берега и даже саму реку, и лодку раскачивало так, что Крылатые на корме рычали от страха и все пытались взлететь.

Потом наконец драконья голова на носу выровнялась и величественно поплыла над рекой. Но тут налетел неожиданный порыв ветра, принесся очередное облако непроницаемого тумана, и неустойчивое суденышко снова качнулось, черпануло воды, задев волну сразу обвисшим парусом, и в лицо Роканнону полетели брызги. Красноватая теплая вода попала в рот, залила глаза; он за что-то схватился, пытаясь отряхнуть воду с лица и глотнуть воздуха. Потом оказалось, что он по-прежнему сжимает плечо Кьо, и оба они уже довольно далеко от перевернувшейся лодки, а красная, как кровь, морская вода несет их в открытое море, покачивает, подбрасывает, точно играя. Роканнон громко позвал на помощь, но густой туман, повисший над самой водой, поглотил его голос. Где же берег? В той стороне, в этой? Как далеко до него? Он поплыл к тающему в тумане силуэту лодки. Кьо цеплялся за него.

– Роканнон!

Из белых клочьев тумана вынырнула голова веселого дракона. Могиен тут же прыгнул за борт и, решительно борясь с течением, поплыл к ним, быстро обвязал Кьо веревкой, которую держал в руках, и велел Роканнону тоже держаться за нее. Роканнон отчетливо видел лицо Могиена, дугой изогнутые брови и потемневшие от воды соломенные волосы. Их быстро подтащили к лодке; Могиен влез последним.

Вскоре подобрала и Яхана, а также одного из рыбаков. Второй рыбак и оба Крылатых утонули. Их затащило под лодку. Здесь, довольно далеко от берега, речное течение и дующий с суши ветер чувствовались слабее. Тяжело нагруженная промокшими насквозь людьми лодка покачивалась на красных волнах в туманной мгле.

– Роканнон, как это, интересно, ты умудрился остаться сухим? – Видимо, этот вопрос мучил Могиена уже давно.

Все еще не совсем пришедший в себя Роканнон оглядел свое насквозь промокшее платье и не понял вопроса. Но Кьо, улыбаясь и дрожа от холода, ответил:

– Странник надел вторую кожу.

Он имел в виду его защитный костюм. Роканнон действительно натянул его прошлой ночью, чтобы согреться, оставив обнаженными только руки и голову. Так, значит, костюм все еще при нем, и «Око моря» по-прежнему висит в своем замшевом мешочке у него на груди, но вот радиопередатчик, карты, оружие и прочие вещи, связывавшие его с родной цивилизацией, пропали.

– Яхан, ты вернешься домой.

Слуга и господин стояли лицом к лицу на берегу этих южных земель, окутанных туманом. Прибой шипел у их ног. Яхан не отвечал.

На шестерых у них осталось только три Крылатых. Кьо мог, конечно, лететь с кем-то из «низкорослых», как и Роканнон, но Могиен был слишком тяжел, чтобы садиться с кем-то вдвоем на одного Крылатого. Чтобы пощадить летучих котов, третьему ольгья приходилось отправляться на уцелевшей лодке в Толен. Могиен решил, что это будет самый младший из них, Яхан.

– Я же не наказываю тебя за какой-то проступок, Яхан. Ну ладно... отправляйся... рыбаки ждут.

Но его верный слуга даже не пошевелился. У него за спиной рыбаки затаптывали костер, возле которого они только что ели и сушили одежду. Бледные искры взлетали и тут же гасли, задушенные туманом.

– Господин мой, – прошептал Яхан, – отправь лучше Иота.

Лицо Могиена потемнело, он схватился за меч.

– Отправляйся немедленно, Яхан!

– Я не уйду, господин мой.

Меч со свистом вылетел из ножен, и Яхан с воплем отчаяния отскочил, повернулся и исчез в тумане.

– Подождите его немного, – сказал Могиен рыбакам с самым невозмутимым видом. – Если не придет, отчаливайте. А мы пойдем дальше. Кьо, господин мой, не сядешь ли на моего Крылатого, пока мы не взлетели?

Кьо сидел, весь съезжившись, словно никак не мог согреться; он совсем ничего не ел и ни слова не произнес с тех пор, как они высадились на берег Фьерна. Могиен посадил его на высокое седло и повел своего Крылатого под уздцы, двигаясь во главе их маленького отряда, направлявшегося вглубь континента. Роканнон все время оглядывался, надеясь заметить Яхана и удивляясь тому, какой он все-таки странный, его друг Могиен, – чуть не убил человека в приступе холодной ярости и сразу же заговорил с маленьким фийяном на удивление мягко и ласково. Надменный, но верный, безжалостный и одновременно добрый – таков был Могиен, достойный правитель Халлана.

Рыбаки сказали, что в восточной стороне есть какое-то селение, и путешественники пошли на восток. Над головой и вокруг по-прежнему высились бледные непроницаемые стены тумана. Верхом на Крылатых они, конечно, могли бы взлететь над этим влажным, окутавшим землю одеялом, но огромные звери, совершенно измученные да еще два дня пробывшие на привязи в ненавистной лодке, лететь не желали. Могиен, Иот и Рахо шли впереди, Роканнон тащился сзади, нарочно отставая и все время высматривая в тумане Яхана, которому чрезвычайно симпатизировал. Он так и не снял свой защитный костюм, и ему было в нем довольно тепло, хотя на голову все же натягивать его не стал, чтобы не чувствовать себя полностью изолированным от окружающего мира. Но даже и в защитном костюме он чувствовал себя неуютно в слепящем тумане, на незнакомом берегу, и внимательно смотрел под ноги, на серый песок, надеясь подобрать что-нибудь вроде посоха или палки. Наконец между бороздками, которые оставляли свисавшие до земли крылья летучих котов, среди водорослей и соляных наростов он увидел то, что нужно, – побелевшую от морской воды палку, выброшенную на берег волнами. Он очистил ее от соляного налета и сразу почувствовал себя увереннее. Однако эта незначительная задержка привела к тому, что он отстал от своих и поспешно бросился вдогонку, высматривая на песке их следы. Вдруг справа от него выросла высокая человеческая фигура. Он сразу понял, что это кто-то чужой, и замахнулся своим оружием, но его тут же обхватили сзади и повалили на землю. В рот сунули кляп – что-то мокрое, холодное, кожаное. Он попытался освободиться и тут же получил по голове такой удар, что потерял сознание.

Довольно быстро очнувшись, хотя и чувствуя сильную боль в голове, он понял, что лежит на спине на песчаном берегу. Над ним высились в тумане две огромные фигуры. Чьи-то голоса неторопливо спорили насчет того, как с ним быть, но он понимал этих людей лишь частично: они говорили на каком-то незнакомом ему диалекте ольгьяр.

– Да брось ты его прямо здесь, – сказал один, а другой ответил что-то вроде:

– Лучше его прямо здесь убить, все равно у него ничего нет.

Тут Роканнон настолько пришел в себя, что даже сумел приподняться и натянуть защитный костюм на голову и лицо. Один из великанов повернулся и стал внимательно вглядываться в лицо Роканнона, и тот понял, что никакой это не великан, а самый обыкновенный ольгья, просто одетый в неуклюжие шкуры.

– Давай отведем его к Згаме, может, он Згаме на что-нибудь сгодится, – предложил второй.

Они еще немного поспорили, потом подхватили Роканнона под мышки и поволокли по песку, да так быстро, что ему пришлось бежать. Он пытался вырваться, но голова по-прежнему кружилась. Краем глаза он заметил, что туман вроде бы стал темнее, потом услышал голоса, увидел край глинобитной стены, в которой был укреплен пылавший факел, и угол кровли. В темноте разговаривало множество людей. Наконец он очнулся полностью и понял, что лежит ничком на каменном полу. Он осторожно приподнял голову и огляделся.

Рядом с ним в очаге пылал огонь. Очаг был размером с небольшую хижину. Бесчисленные голые ноги и обтрепанные края грубых меховых одеяний отделяли его от огня. Он поднял голову повыше и увидел перед собой человеческое лицо: это был ольгья, белокожий, черноволосый, с очень густой бородой, одетый в полосатую черно-зеленую пушистую шкуру; на голове у него красовалась здоровенная меховая шапка.

– Ты кто? – спросил он густым басом, глядя на Роканнона сверху вниз.

– Я... я прошу принять меня в вашем замке как гостя, – пробормотал Роканнон формулу вежливого приветствия и медленно поднялся на колени. Встать он в данный момент был не в состоянии.

– Так мы тебя уже приняли, – хмыкнул бородатый, глядя, как Роканнон ощупывает шишку на голове. – Еще хочешь? – Вокруг задвигались, переминаясь, грязные ноги, торчавшие из-под оборванных шкур; незнакомцы с ухмылкой посматривали на Роканнона своими темными глазами.

Роканнону все-таки удалось встать на ноги; он выпрямился, но не говорил ни слова и старался не двигаться, пока не пройдет головокружение и не утихнет пульсирующая боль в голове. Потом поднял голову и посмотрел прямо в яркие черные глаза своего пленителя.

– Ты Згама, – сказал он уверенно.

Бородатый даже отступил на шаг от изумления, так что Роканнон, которого не раз испытывали подобным образом в разных мирах, решил закрепить достигнутый успех.

– Ну а я Олхор-Странник. И пришел с севера, с моря, из той страны, где встает солнце. Я пришел с миром и с миром уйду. Уйду на юг, мимо дворца Згамы. И никто меня не остановит!

– Ого! – выдохнули разом все глотки. Бледнолицые ольгьяр уставились на Роканнона. Однако сам он, не отрываясь, смотрел на Згаму.

– Тут я распоряжаюсь! – рявкнул тот, хотя и не слишком уверенно. – Никто тут без моего разрешения ходить не будет!

Роканнон молчал, он и бровью не повел.

Згама, видно, чувствовал, что игру «в гляделки» он проигрывает: все его подданные круглыми от изумления глазами по-прежнему смотрели только на незнакомца.

– Прекрати на меня пялиться! – взревел он, но Роканнон остался неподвижен. Он уже понял, что Згама так просто не сдастся, но предпринимать что-либо другое было уже поздно. – Я же сказал, прекрати пялиться! – Згама был вне себя; он со свистом рассек воздух мечом,

который вытащил откуда-то из-под надетых на него шкур, потом замахнулся посильнее и ударил Роканнона по голове.

Однако голова загадочного чужака осталась на месте! Он, правда, пошатнулся, и все же меч Згамы отскочил от его головы, как от скалы. Собравшиеся вокруг костра дружно вздохнули: «Ах-х-х!» Незнакомец перевел дух и снова застыл в неподвижности, не сводя глаз со Згамы.

Згама колебался; он уже почти готов был отступить и дать этому загадочному Страннику пройти. Однако врожденное упрямство пересилило осторожность и страх.

– Взять его! – рявкнул он. – Руки ему скрутить! – Но люди не двинулись с места, и он сам схватил Роканнона за плечо и заломил ему руку за спину. Только тогда остальные опомнились и бросились на чужака, но тот и не сопротивлялся. Костюм отлично защищал практически от любых вредных воздействий извне – от температурных колебаний, от радиации, от поражения электрическим током, от ударов острыми предметами, мечом например, от пули и даже от лазерного луча, но вот помочь Роканнону освободиться от хватки полутора десятков человек костюм, разумеется, не мог.

– Никто просто так не пройдет мимо дворца Згамы, Властелина Большого Залива! – Теперь Згама по-настоящему дал волю своему гневу, когда его «смелые» головорезы наконец схватили Роканнона. – Ты же шпион! Шпион желтоголовых ангьяр! Я тебя знаю! Явился сюда со своими наглыми речами, колдовством и прочими штучками, а следом за тобой приплывут большие лодки с драконами. Нет уж, залива им не видать! Я здесь хозяин, у нас тут закон не писан! Так что пусть эти желтоголовые со своими рабами-подхалимами только сунутся сюда – уж мы дадим им попробовать нашей бронзы! А ты, значит, выполз из моря, чтобы погреться у моего очага? Ну ты у меня погреешься, шпион! Привязать его вон к тому столбу!

Его наглая, грубая речь словно взбудрила остальных бандитов, и они бросились исполнять приказание. Вскоре Роканнон был привязан к одному из столбов, поддерживавших над гигантским очагом громадные вертела. У его ног быстро выросла куча дров.

Потом все смолкли. Згама встал – огромный в своих шкурах, свирепый, крепкий, он выглядел весьма внушительно. Выхватив из очага пылающий сук, он ткнул им Роканнону чуть ли не в лицо и поджег дрова. Сухой плавник вспыхнул сразу, в мгновение ока сгорела одежда Роканнона и его коричневый теплый плащ, подарок Могиена; огонь плясал у самого лица.

– Ах! – снова выдохнула толпа, и вдруг кто-то один воскликнул: – Смотрите!

Когда чуть опали языки пламени, ольгьяр стала хорошо видна по-прежнему неподвижная фигура Странника у столба, хотя пламя уже всю лизало ему ноги. Странник смотрел Згаме прямо в глаза, на его обнаженной груди сиял огромный прекрасный камень, оправленный в золото, – точно открытый глаз.

– Педан, педан, – завизжали женщины и разбежались по темным углам.

Панику остановил своим зычным голосом Згама:

– Да сторит он! Пусть себе горит! Эй, Дехо, подбрось-ка дровишек. Этого шпиона, видать, так просто не зажаришь! – Згама вытащил в круг, освещенный пламенем костра, какого-то мальчишку и заставил его подбрасывать дрова. – Что, у нас уж и поесть нечего? Эй, женщины, где еда? Несите! Вот уж ты, Странник, полюбуйся, какие мы гостеприимные, посмотришь, как сладко мы едим!

И он схватил с подноса, который услужливо поднесла ему одна из женщин, огромный оковалок мяса. Стоя перед Роканноном, Згама впился в жареное мясо зубами; мясной сок стекал по бороде. Его приспешники, подражая ему, тоже стали рвать зубами мясо, но старались все же держаться подальше от костра. Большая же часть ольгьяр вообще не осмелилась подойти к очагу; однако Згама всех заставил есть, пить и громко кричать, а кое-кто из мальчишек даже обнаглел настолько, что подбирался к самому костру и подбрасывал в огонь палку-другую. Но

человек у столба по-прежнему стоял совершенно спокойно, будто онемев, а огонь плясал и лизал его странно светившуюся красноватую кожу.

Наконец шум стих, языки пламени опали. Мужчины и женщины улеглись спать тут же, на полу или прямо на теплой золе, завернувшись в свои шкуры. Дозорных осталось всего двое, да и те держали мечи на коленях и не выпускали из рук чаши с вином.

Роканнон устало прикрыл глаза, одним легким движением скрещенных пальцев высвободил из-под костюма лицо и вдохнул свежего воздуха. Ночь, как всегда, тянулась удивительно долго и наконец сменилась не менее долгим рассветом. В серых сумерках из завесы тумана, проплывавшего за окном, появился Згама. Оскользываясь на жирных пятнах, оставшихся на полу после пиршества, и перешагивая через спящих и похрапывающих своих подданных, он подошел к своему пленнику и уставился на него. Тот тоже глаз не отвел, смотрел сурово и не мигая, не обращая ни малейшего внимания на бессильную ярость своего пленителя.

– Ну гори же, гори! – прорычал Згама и, стремительно повернувшись, выбежал вон.

Снаружи Роканнон услышал знакомое сиплое мяуканье летучего кота – это были одомашненные звери, тучные, с очень густой шерстью; их повсеместно выращивали на мясо как ангьяр, так и ольгьяр, подрезав им крылья. Здесь этот своеобразный «скот» пасся, по всей вероятности, на прибрежных скалах. Дворцовый зал постепенно опустел, остались лишь несколько женщин с младенцами, старавшиеся держаться от Роканнона подальше, даже когда пришло время жарить на очаге мясо для близящегося ужина.

К этому времени Роканнон уже простоял, привязанный к столбу, часов тридцать и страдал не только от болей в затекшем теле, но и от жажды. Ему всегда было трудно обходиться без воды. Он мог очень долго ничего не есть и в цепях, возможно, продержался бы не меньше, хотя голова у него уже начинала кружиться от усталости; но вот без воды он, пожалуй, выдержит еще, самое большее, один здешний долгий день.

Он был совершенно беспомощен; не мог даже ничего сказать этому Згаме, пригрозить ему или польстить – похоже, любые его слова теперь только подлили бы масла в огонь.

С наступлением темноты, когда языки пламени снова заплясали у него перед глазами и снова сквозь них замаячила бородатая белокожая физиономия озверевшего Згамы, Роканнон постарался мысленно представить себе совсем другое лицо – светловолосого и темнокожего Могиена, которого любил как самого близкого друга, даже, пожалуй, как сына. Ночь все тянулась, костер жарко пылал, и Роканнон стал вспоминать крошку Кью, маленького фийяна, бесхитростного и хрупкого, как ребенок, странным образом привязавшегося к нему, – отчего это так получилось, Роканнон даже и не пытался понять. Он вспомнил Яхана, воспевающего древних героев Халлана, Иота и Рахо, то ссорившихся, то мирившихся друг с другом, их веселый смех, когда они обихаживали громадных Крылатых; и еще он вспомнил Хальдре – как она расстегнула тогда на шее золотое ожерелье и подала ему. Но ничего из всех своих сорока предшествующих лет жизни, проведенных в самых различных мирах, не вспоминал он, хотя столько всего узнал за эти долгие годы, столько всего сделал. Нет, теперь все это сгорело, навсегда унесено прочь тем взрывом и этим костром. Ему почудилось вдруг, что он стоит посреди парадного зала в замке Халлан, где на стенах висят гобелены с изображением дерущихся с крылатыми великанами светловолосых людей, а Яхан подносит ему чашу с водой...

– Выпей, Властелин Звезд. Пей же!

И он стал пить.

Глава 5

Отражение двух сестер-лун – Фени и Фели – плясало на поверхности налитой в чашу воды; Яхан снова наполнил чашу и подал Роканнону. Тот выпил. Костер почти догорел, лишь несколько угольев поблескивали во тьме. Огромный зал был погружен во мрак; кое-где на

полу лежали пятна лунного света; стояла тишина, только слышалось сопение и храп множества спящих людей.

Яхан осторожно ослабил цепи, опутывавшие Роканнона, и тот всем телом отклонился назад, прислонившись к столбу, – ноги совершенно онемели, он даже стоять без поддержки не мог.

– Внешние ворота всю ночь сторожат, – прошептал ему на ухо Яхан. – И там стража не спит. Но вот утром, когда погонят стадо на пастбище...

– Нет, в лучшем случае завтра вечером. Я не могу бежать, Яхан. Ничего, блефовать я умею. Прицепи-ка цепь так, чтобы я мог на нее опереться, а потом сам смог ее отцепить. Вот здесь цепляй, поближе.

Один из спящих проснулся, сел и зевнул. Яхан ухмыльнулся, сверкнув зубами, и мгновенно пропал из виду, точно растворился во тьме.

На рассвете Роканнон видел, как он вместе с другими пастухами вышел из дворца, одетый в такие же грязные рваные шкуры. Волосы у него были всклокочены и стояли дыбом. К Роканнону снова подошел Згама, снова злобно орал, и было ясно, что этот безумец охотно пожертвовал бы половиной своих стад и половиной своих бесчисленных жен, лишь бы отделаться от этого Странника, от проклятого колдуна, из-за которого попался в ловушку собственной жестокости: тюремщик, как известно, часто становится пленником собственных пленных. Згама явно спал прямо в золе, вся его башка была перепачкана ею и пропахла гарью; скорее уж можно было предположить, что это его жгли на костре, а не Роканнона, белая кожа которого прямо-таки сияла чистотой. Вскоре Згама, спотыкаясь, побрел прочь, и снова большую часть дня огромный зал был пуст, хотя стражники не покидали дверного проема. Роканнон развлекался тем, что незаметно для других выполнял несложные физические упражнения, пытаясь размять затекшее тело. Когда проходящая мимо женщина заметила, как жертва у столба легонько потягивается, – а Роканнон не только своих упражнений не прекратил, но даже запел тихонько, – несчастная испуганно вскрикнула и на четвереньках уползла за порог, повизгивая от страха.

В окнах опять за клубился вечерний туман; мрачные женщины варили мясную похлебку с морскими водорослями; слышно было, как возвращаются домой стада; вернулся и Згама со своими подручными; на бородах у них поблескивали капли тумана, меховые одежды тоже были влажными. Они расселись на полу и принялись за еду. В зале гулко раздавались голоса, воняло невымытым телом и мокрыми шкурами, над очагом стоял пар. Видно, хозяевам Роканнона уже поднадоело каждый вечер возвращаться к своему не желавшему гореть пленнику. Голоса их звучали угрюмо и злобно.

– Разведите-ка огонь, да пожарче, пусть сгорит наконец, черт бы его побрал! – заорал Згама, вскакивая и подбрасывая в костер охапку сучьев. Но никто из его людей не пошевелился.

– погоди, Странник, я еще съем твое сердце, когда оно как следует прожарится у тебя между ребрами! А кольцо с твоим камушком вдену в нос! – Згаму прямо-таки трясло от злости – ведь проклятый Странник продолжал смотреть на него своим немигающим взглядом уже две ночи! Згаме становилось невтерпеж. – Ну погоди, я тебя заставлю глазки-то закрыть! – завизжал он и, схватив с полу длинную палку, что было силы ударил Роканнона по голове и тут же отскочил, словно испугавшись содеянного. Палка упала одним концом в костер и сразу занялась.

Роканнон неторопливо протянул правую руку, сжал палку в кулаке и выдернул ее из костра. Конец ее пылал. Он поднял этот конец на высоту глаз Згамы, а потом, все так же неторопливо, стряхнул цепи и вышел из костра. Пламя взметнулось и тут же опало, рассыпая искры и угольки прямо на его босые ступни.

– Вон! – скомандовал он, наступая на Згаму, который попятился. – Никакой ты здесь не хозяин. Человек, который не признает человеческих законов, – самый обыкновенный раб и больше ничего. И жестокий человек – тоже раб. И глупец – тоже раб. Так что ты мой раб, и я стану гнать тебя, точно последнюю скотину. Пошел вон!

Згама обеими руками ухватился за дверной косяк, но горящий конец палки упорно приближался к его глазам, и в конце концов он согнулся и, скрючившись, отскочил и сгинул где-то во тьме двора. Стражники застыли. Смоляные факелы, пылавшие на стенах, освещали окутанный туманом двор и внешние ворота; стояла полная тишина, только слышно было, как возится скот в стойлах да шипит море у прибрежных скал. Шаг за шагом Згама, видимый теперь в свете ярко горевших факелов, продолжал отступать, пока не остановился в воротах. Его белое лицо в черной бороде казалось ужасной застывшей маской. Горящий конец палки угрожающе приближался. Онемев от страха, Згама обхватил руками привратный столб, заполнив весь проем своим широкоплечим мясистым телом. Роканнон был совершенно измучен, однако горел жаждой мщения, так что, собрав последние силы, он толкнул Згаму горящим концом палки прямо в грудь, перешагнув через поверженного врага и скрылся за воротами в черноте ночи, в клочьях клубящегося тумана. Он не прошел и полусотни шагов – споткнулся, упал и не смог подняться.

Но никто его не преследовал. Никто даже не выглянул за ворота. Он в полуобморочном состоянии лежал на травянистом склоне какого-то холма. Через какое-то время погасли факелы – может быть, их кто-то специально погасил? – и Роканнона окутала непроницаемая тьма. В траве на разные голоса завывал ветер, далеко внизу шипел прибор.

Когда туман поредел, пропуская лунный свет, его отыскал Яхан. Оказалось, что он лежит на самом краю утеса. Яхан помог ему подняться, и они побрели прочь, пробираясь ощупью, спотыкаясь о камни, становясь на четвереньки там, где подъем был особенно крут. Шли они на юго-восток, в сторону от морского побережья. Пару раз они останавливались – передохнуть и перевести дыхание, и Роканнон засыпал мгновенно, стоило им замедлить ход. Яхан будил его и заставлял снова идти, пока они не спустились в какую-то лесную лощину; под деревьями, карабкавшимися по круто уходившему вверх склону горы, царила абсолютная чернота. Яхан и Роканнон вошли в эту черноту и двинулись по руслу ручья, который, собственно, и привел их сюда, но сумели пройти совсем немного: Роканнон внезапно остановился, сказал на своем родном языке: «Все, больше не могу!» – и сел на землю. Яхан отыскал узенькую полоску песка на берегу под обрывом, где их, по крайней мере, не было бы видно сверху, Роканнон заполз под этот нависающий козырек, точно зверь в логово, и заснул.

Проспал он часов пятнадцать и проснулся уже в сумерках. Рядом сидел Яхан, который принес ему поесть – зеленые побеги и съедобные корешки какого-то растения.

– Плодов-то еще никаких нет, – горестно объяснил он, – а лук у меня отобрали эти болваны, одетые в шкуры. Я поставил несколько силков, да только до ночи в них вряд ли кто попадет.

Роканнон с наслаждением съел зелень, напился из ручья, потянулся как следует, и в голове у него окончательно прояснилось.

– Яхан, а как ты, собственно, здесь оказался?

Молодой ольгяр потупился, потом аккуратно закопал несколько оказавшихся несъедобными корешков в песок и смущенно пробормотал:

– Видишь ли, господин мой... я ведь своего хозяина послушался. Ну и потом решил, что придется мне к Вольным пристать.

– Ты что же, раньше о них слышал?

– Да болтали разное... о таких местах, где ольгяр сами себе и хозяева, и слуги. Говорят ведь даже, что когда-то только мы, ольгяр, жили на тех землях, что теперь ангяр принадлежат; кормились охотой, и никто нами не командовал; а потом с юга пришли ангяр, приплыли на длинных лодках с драконьими головами... В общем, я набрел на замок Згамы, а его люди

приняли меня за беглого, отобрали у меня лук, заставили работать, но ни о чем не спрашивали. Ну а потом я обнаружил тебя. Но даже если б и не обнаружил, все равно бы убежал! Я б тут и правителем быть не согласился, среди болванов этих!

– А ты не знаешь, где теперь наши товарищи?

– Нет. А ты хочешь их разыскать, господин мой?

– Зови меня просто по имени, Яхан. Конечно, я хочу их разыскать! Если на это осталась хоть какая-то надежда. Вдвоем с тобой нам этот континент не пересечь, да еще пешком, без одежды, без оружия.

Яхан молчал; он разглаживал ладошкой песок и смотрел на темную чистую воду, что бежала под низко нависшими лапами похожих на ели деревьев.

– Ты со мной не согласен?

– Если мой господин Могиен меня найдет, то непременно убьет. Это его право.

По законам ангьяр это было действительно так; а уж Могиен-то законы своего племени соблюдал как должно.

– Ну а если ты найдешь себе нового хозяина? Старый ведь не сможет тебя наказывать, верно?

Юноша кивнул и прибавил:

– Да только кто захочет взять в слуги того, кто против прежнего хозяина взбунтовался?

– Ну, это как посмотреть. Если хочешь, можешь принести клятву верности мне, а я стану отвечать за тебя перед Могиеном – если мы его найдем. Не знаю только, какие слова вы произносите...

– Мы говорим, – Яхан почти шептал, – «Господину своему передаю я часы своей жизни и смысл своей смерти».

– А я принимаю твой дар. И вместе с ним еще один – собственную жизнь, которую ты мне вернул.

Шумно струился ручей, небо медленно и торжественно гасило свои огни. Когда стало достаточно темно, Роканнон выскользнул из защитного костюма, лег в холодную воду и позволил ей омыwać все тело, унося прочь застарелый пот и усталость, страх и память о том, как плясали у самых его глаз языки пламени. Снятый костюм представлял собой нечто полупрозрачное, почти невидимое и легко умещавшееся в горсти – тончайшая ткань, трубочки не толще волоса, тоненькие проводочки и два прозрачных кубика величиной не больше ногтя. Яхан с тревогой смотрел на него, когда он снова натягивал свой костюм; никакой другой одежды у него все равно не было; самому же Яхану пришлось продать свой плащ ангья за пару грязных шкур.

– Господин мой Странник... – наконец выдал он из себя, – это же... это та самая кожа, которая не дала тебе сгореть в огне? И... сокровищу тоже?

Ожерелье теперь снова висело у Роканнона на шее в мешочке из-под амулета, одолженном Яханом. Роканнон ответил спокойно:

– Ну да, это, можно сказать, моя вторая кожа. И никакого колдовства. Она прочнее любых лат.

– А белый волшебный посох?

Роканнон глянул на выбеленный морем кусок плавника с сильно обгоревшим концом. Видно, вчера ночью Яхан подобрал палку на том утесе, в траве, как и Згама, считая, что посох – неотъемлемая часть самого Странника. Да и правда, что за волшебник без посоха?

– Ах да, посох, – задумчиво проговорил Роканнон. – Что ж, он довольно удобный, пригодится при ходьбе, если долго идти придется. – Он снова потянулся; есть все-таки очень хотелось; пришлось еще разок напиться как следует холодной темноватой воды из ручья.

Проснулся он довольно поздно, но чувствовал себя полным сил и готов был съесть сейчас что угодно. Яхан куда-то ушел еще на рассвете – должно быть, проверять свои силки, да и

потом, холодно было спать в этом холодном сыром логове. Вернулся он с неважной добычей – горсточкой съедобных трав и весьма плохой новостью. Он прошел через весь лес до вершины горы, за которой они сейчас находились, и оттуда видел, что и дальше на юг тоже простирается море.

– Ну, если эти жалкие рыбоеды высадили нас на остров! – прорычал он. От его обычного оптимизма и добродушия следа не осталось, все заглушили холод, голод и мучительные сомнения.

Роканнон попытался вспомнить, как выглядело побережье на картах, которые теперь покоились на дне морском. Там была какая-то река, текущая с запада и с устьем в северной части длинного гористого языка суши; горный хребет тянулся с запада на восток, а между тем полуостровом и материком был обширный залив, которого на карте просто невозможно было не заметить, так что он отлично запечатлелся в его памяти. Может быть, даже сотни две километров шириной...

– Ну и широкий там залив? – спросил он Яхана.

– Очень широкий! – Яхан был мрачен. – Мне не переплыть, я ведь плавать-то толком не умею, господин мой.

– Можно обойти по суше. Эта горная гряда на западе выведет нас на материк. Скорее всего Могиен станет искать нас именно в той стороне. – Теперь ему предстояло все решать самому – Яхан и так сделал больше, чем мог. Но настроение у Роканнона было так себе, особенно при мысли о том, что придется долго идти по незнакомой и враждебной территории. Яхан сказал, что никого в лесу не встретил, но ему попадались хорошо утопанные тропы; ясно, что здесь полно охотников – дичи совсем нет, все зверье попряталось.

Оставалась, правда, какая-то слабая надежда, что Могиен их отыщет, – если он вообще жив, на свободе и Крылатые при нем, – так что нужно было непременно идти на юг и по мере возможности стремиться на открытое пространство. Могиен, конечно же, станет искать их именно в этом направлении – ведь все их путешествие задумано ради того, чтобы попасть на юг.

– Пошли, – решительно сказал Роканнон, и они двинулись в путь.

Вскоре после полудня с вершины горы их взору открылся широкий, раскинувшийся с востока на запад залив, – сколько мог видеть глаз, всюду была свинцово-серая вода под низкими, мрачными тучами. На самом юге с трудом можно было различить лишь цепочку далеких туманных гор. Ледяной ветер пронизывал насквозь, воем своим заглушая все остальные звуки. Подгоняемые ветром, они спустились к воде и пошли по берегу на запад. Яхан посмотрел на тучи, поежился и похоронным тоном сообщил:

– Снег будет.

И действительно, скоро пошел снег – по-весеннему мокрые хлопья несло ветром, и они таяли, не успев коснуться земли или темной воды. В защитном костюме Роканнону было не холодно, но длительное напряжение и голод совершенно измотали его; Яхан тоже ужасно устал и замерз. Они тащились по берегу, поскольку все равно больше делать было нечего. Потом перешли вброд ручей и на его противоположном берегу, поросшем жесткой травой, которую уже засыпало мокрым снегом, нос к носу столкнулись с каким-то человеком.

– Ух ты! – воскликнул тот. Он был высокий, костистый, бородатый, с диковатым взглядом темных глаз; за плечами у него висел лук. – Вот так встреча! – Говорил он на языке ольгьяр. – Вы же тут замерзнете!

– Мы должны были дальше плыть, да у нас лодка опрокинулась и затонула, – тут же нашелся Яхан. – Нет ли у тебя тут огонька, чтобы нам погреться, господин охотник?

– Вы плыли через море с юга? – спросил незнакомец как-то встревоженно, и Яхан ответил, неопределенно махнув рукой:

– Мы-то сами с востока, приплыли за шкурами пельюнов, да только все наши вещи и деньги утонули вместе с лодкой.

– Хм, – сказал охотник, пребывая по-прежнему в сомнениях, однако великодушие в его душе явно одержало верх над колебаниями. – Ладно, пошли. У меня найдется и очаг, и еда.

И он быстро пошел куда-то в сторону по снегу, успевшему уже лечь тонким слоем. Следом за ним они вышли к хижине, примостившейся на склоне холма, в лесу, с видом на залив. Как внутри, так и снаружи хижина выглядела как самое обычное жилище ольгьяр, живущих в лесных и горных общинах, и Яхан тут же присел на корточки у очага со вздохом глубочайшего облегчения, словно пришел к себе домой. Такое поведение было для их хозяина лучшим подтверждением того, что они не враги. Их путаным смутным объяснениям он все-таки поверил явно не до конца.

– Давай-ка, парень, подбрось дровишек, – сказал он и протянул Роканнону домотканый плащ, чтобы тот прикрыл наготу.

Потом, раздевшись, он поставил на угли еще теплый глиняный горшок с тушеным мясом и тоже присел на корточки у огня рядом с путешественниками, поглядывая то на одного, то на другого своими диковатыми глазами.

– В это время здесь всегда снег идет. Вот погодите, еще и не так заметет. Ничего, места тут хватит; обычно-то мы втроем зимуем. Но остальные вернутся только сегодня к вечеру, а может, завтра. В общем, на днях. Все равно снегопад они в горах переждут – там, где охотятся. Мы на пельюнов охотимся. Ты, парень, небось уже догадался по моим свистулькам? – И он с улыбкой указал на целый набор разнообразных тростниковых свистулек и дудок, висевших у него на поясе. Вид у него был несколько простоватый, лицо широкое, глаза по-звериному посверкивали, но вел он себя исключительно гостеприимно. Накормив их мясным рагу, он предложил лечь спать, поскольку уже стемнело. Роканнон не заставил дважды просить себя. Тут же свернулся на вонючих шкурах в уголке и заснул сном младенца.

Утром снег все еще шел, земля стала совсем белой, и на ней не было видно ничьих следов. Товарищи их хозяина так и не вернулись.

– Должно быть, заночевали в Тимаше по ту сторону Спайна. Придут, как прояснится.

– Спайн – это так залив называется? – спросил Яхан.

– Нет. На том берегу залива никаких селений вообще нет и не было! Спайн – это горы, вон те, что прямо над нами. А все же, откуда вы сами-то? Ты, парень, говоришь на нашем языке, а вот дядя твой – по-другому!

Яхан виновато посмотрел на Роканнона, который все еще спал и не знал, что у него появился «племянничек».

– А, так он с самого севера, они там по-другому и говорят. А море здешнее у нас тоже заливом называют. Вот бы кого найти, чтобы на тот берег переплыть.

– Вы что же, дальше на юг собрались?

– А что? Все наше добро утонуло, мы теперь нищие. Придется как-то домой пробираться.

– Тут, чуть дальше по берегу, есть лодка. Потом, когда прояснится, сходим и посмотрим. Знаешь, парень, ты так спокойно говоришь, что вы на юг собрались, что у меня кровь в жилах стынет. Ведь между заливом и Большими горами ни одного человека не встретишь. Я, во всяком случае, ни разу не слышал, чтобы там люди жили, разве только те, о ком говорить не положено. Старые сказки, понятно. Кто его знает, есть ли там вообще какие-нибудь горы. Я-то бывал на том берегу – могу сказать, мало кого я там встретил, пока в горах охотился. А вот пельюнов там полно, особенно поближе к воде. Зато деревень совсем нет. И людей тоже. Никого. Я бы там даже ночевать не остался!

– Мы бы просто прошли по южному берегу на восток, – неуверенно пояснил Яхан, но взгляд у него стал озабоченным; ему все труднее становилось врать – каждым своим новым

вопросом охотник загонял его в тупик. Однако он безусловно поступил правильно, скрыв от гостеприимного хозяина истинную цель их пути.

– Хорошо хоть вы не с севера приплыли! – сказал охотник (звали его, между прочим, Пиаи), принимаясь точить о камень свой длинный и широкий нож с острым концом. – Если на юге люди вообще не живут, так на севере – только жалкие рабы этих желтоголовых! Вы что, ничего о них не знаете? За морем, в северных странах, живет такой народ с желтыми волосами. Правду говорю! Говорят, живут они в домах, что выше деревьев, и носят при себе серебряные мечи, а еще – летают верхом на крылатых хищниках. Вот уж сказки! Пока сам не увижу – ни за что не поверю! На побережье шкура такого зверя очень дорого стоит, все знают, как опасно на них охотиться, разве ж можно этих тварей приручить да еще и верхом на них ездить? Чего только люди не выдумают! Мне вот совсем неплохо живется: торгую себе шкурами пельюнов, любого приманить могу, даже если ему до меня день лететь! Послушай-ка!

И он, поднеся свои свистульки к губам, еле различимым в зарослях бороды, легонько подул. Раздался жалобный звук, который становился то тише, то громче, потом набрал силу, зазвучал подобно связной мелодии и вдруг оборвался диким звериным криком. У Роканнона по спине поползли мурашки. Такой крик он не раз слышал в лесах Халлана. Яхан, который был охотником довольно опытным, сразу заулыбался и, не выдержав, издал охотничий клич:

– Играй, играй, вон она, взлетает уже!

Остаток дня они с Пиаи рассказывали друг другу всякие завиральные охотничьи истории, а за окном все падал и падал снег, хотя ветер совершенно стих.

К рассвету небо очистилось. Точно зимой, белые холмы были залиты красноватым светом восходящего солнца и блестели так ослепительно, что больно было смотреть. К полудню вернулись двое приятелей Пиаи, по-звериному настороженно поглядывавшие на незнакомцев.

– Они называют мой народ рабами, – сказал Яхан Роканнону, когда остальные на минутку вышли из хижины. – Но уж лучше я буду человеком на службе у людей, чем зверем, который охотится на зверей. Вон как эти.

Роканнон жестом велел ему молчать, Яхан послушно умолк, и тут же в хижину вошел один из охотников, косо на них глянул, но ни слова не сказал.

– Давай-ка собираться, – тихонько сказал Роканнон на языке ольгьяр, к которому несколько попривык за два последних дня. Зря они не ушли до возвращения приятелей Пиаи! Яхан тоже явно чувствовал себя не в своей тарелке. Когда в дом вошел Пиаи, Яхан сказал ему:

– Нам пора. Ясная погода, наверное, еще продержится, а мы пока обойдем залив по берегу. Но если б ты нас не приютил, мы бы точно от холода подохли. И еще знаешь что: в жизни я не слышал, чтобы так здорово играли песню пельюна! Пусть на охоте тебе всегда сопутствует удача!

Однако Пиаи ему не ответил. Стоял молча, неподвижно, потом вдруг весь подобрался, сплюнул в огонь, повращал своими дикими глазами и прорычал:

– По берегу обойдете? А на лодке, значит, не хотите? Лодка-то есть. Мне принадлежит. Во всяком случае, пользуюсь ею я. Вот мы вас на тот берег и перевезем.

– А пешком вам целых шесть дней понадобится, – вставил один из его приятелей, коротышка Кармик.

– Ну да, не меньше шести, – подхватил Пиаи. – А мы вас – на лодочке! Можем хоть сейчас в море выйти.

– Хорошо, – сказал Яхан, быстро глянув на Роканнона. Иного выхода у них все равно не было.

– Ну так пошли, – буркнул Пиаи. И они сразу же, не взяв каких-либо припасов, вышли из хижины. Пиаи шел впереди, его товарищи тащили весла. Снова дул пронзительный ветер, ярко светило солнце. В тени еще лежал снег, хотя повсюду он уже стаял, текли ручьи, сверкали под солнцем огромные лужи. Они довольно долго шли по берегу на запад; солнце уже седи-

лось, когда они добрались до укрытия в скалах, где на подстилке из сухих водорослей лежала весельная лодка. Закат окрашивал воду и весь западный край неба багрянцем, и над этим красноватым сиянием уже видна была маленькая луна Хелики, на этот раз почти полная. Далеко на востоке восходила Большая Звезда, далекая подруга их планеты, похожая на драгоценный опал. Под сверкающим великолепием небес и вод изрезанное горами побережье выглядело темным и мрачным.

– Вот она, лодка, – сказал Пиаи, останавливаясь и поворачиваясь к ним лицом, на котором играл багровый отсвет заката. Его приятели молча встали у Роканнона и Яхана за спиной.

– Вам же придется назад в темноте плыть, – сказал Яхан.

– Ничего, Большая Звезда светит ярко, да и ночь будет звездная. А теперь, парень, надо бы нам заплатить за перевозку.

– Как? – не понял Яхан.

– Пиаи прекрасно знает, что у нас ничего нет. Даже плащ этот он мне подарил, – вмешался Роканнон, не обращая уже внимания на свой акцент: он сразу понял, откуда ветер дует.

– Мы всего лишь бедные охотники. Мы подарков не делаем, – сказал Кармик, который хоть и не рычал так, зато взгляд у него был злее и умнее, чем у Пиаи.

– У нас ничего нет, – повторил Роканнон. – Нечем нам платить. Оставьте нас здесь.

Яхан повторил то же самое, но более бойко, и Кармик оборвал его:

– А вот у тебя, чужак, на шее мешочек висит. Что там, в нем, а?

– Моя душа, – нашелся Роканнон.

Все так и усталились на него, даже Яхан. Однако блеф не удался. Прервав всеобщее молчание, Кармик, положив руку на рукоять ножа, приблизился к Роканнону; Пиаи и второй тоже подошли ближе.

– Это ведь ты был у Згамы! – сказал Кармик. – В селении Тимаш только об этом и разговоров. Как голый человек стоял среди горящего костра, а потом обжег Згаму своим белым посохом и вышел из пламени невредимым. А на груди, говорят, у него был удивительный камень на золотой цепи – вроде бы волшебная штука, в которой вся сила этого колдуна. Вот дурни! Сам-то ты, может, и вправду в огне не горишь и в воде не тонешь, но вот этот... – Он ловко схватил Яхана за волосы, оттянул ему голову назад и вбок, а к горлу приставил острие ножа. – А ну-ка, паренек, скажи своему Страннику, за которым ты следом таскаешься, чтобы он за постой заплатил... А ну быстро!

Роканнон так и застыл. Красные отблески заката на воде почти померкли, зато Большая Звезда на востоке засияла ярче; вдоль берега подул резкий холодный ветер.

– Да ладно, – буркнул Пиаи, поморщившись, – ничего мы ему не сделаем. И вас перевезем, как я и обещал, только заплатите. Ты же не сказал мне, что у тебя золото есть. Ты сказал, что у вас все утонуло. А сам небось спал в моем доме! Давай сюда эту побрякушку, и мы вас тотчас перевезем.

– Хорошо. Я отдам... но только на том берегу, – сказал Роканнон, указывая через залив.

– Нет, – сказал Кармик.

Яхан, совершенно беспомощный, даже не дрогнул. Роканнон видел, как бьется пульс у него на шее – как раз в том месте, где к коже прикасалось лезвие ножа.

– Там, – мрачно и твердо повторил Роканнон и угрожающе выставил вперед свой «посох» с обгорелым концом – вдруг подействует? – Перевезете нас, и я сразу отдам вам ожерелье. Это мое последнее слово. А если кто попробует что-нибудь с мальчиком сделать, пусть на себя пеняет! Умрет на месте. Это я вам тоже обещаю!

– Кармик, он ведь педан, – пробормотал Пиаи. – Сделай, как он велит. Все-таки они две ночи со мной под одной крышей ночевали. Отпусти мальчишку. Педан ведь сказал, что отдаст тебе эту штуку.

Кармик злобно посмотрел на него, потом на Роканнона и рявкнул:

– А ну-ка отбрось сперва свою белую палку подальше! Ладно, перевезем мы вас.

– Сперва отпусти мальчика, – стоял на своем Роканнон, а когда Кармик все-таки освободил Яхана, он рассмеялся ему в лицо и отшвырнул «посох» далеко в море.

Не выпуская из рук ножей, охотники погнали их с Яханом к лодке. Пришлось войти в воду и садиться со скользких скал, о которые разбивались невысокие мутно-красные волны. Пиаи и третий охотник сели на весла, а Кармик с ножом в руке – напротив пассажиров.

– Неужели ты отдашь ему сокровище? – прошептал Яхан на ухо Роканнону, воспользовавшись «общим» языком, которого эти ольгьяр не знали.

Роканнон кивнул.

Яхан сразу как-то охрип и снова зашептал ему на ухо:

– Лучше ты прыгни в воду и плыви, господин мой. Только не отдавай ожерелье Семли! Только не сейчас прыгай, а когда мы поближе к берегу подплывем. А меня они так и так отпустят – зачем я им, если камень от них уплывет?..

– Нет. Не отпустят они тебя; они тебя убьют. Тихо, сынок.

– Слушай, Кармик, что они там, заклинания бормочут? – сказал третий охотник. – Небось лодку утопить хотят?

– А ты греби быстрее, рыбе отродье! Сидите-ка смирно, – велел Кармик путешественникам, – не то я живо парнишке глотку перережу.

Роканнон и Яхан послушно затихли и стали смотреть на воду, которая постепенно из красной превращалась в туманно-серую. Берега позади и впереди уже скрывались в ночной мгле. «Их ножи не могут пробить защитный костюм, – думал Роканнон, – но вот Яхана я спасти не успею, если что». Ради ожерелья Семли он с радостью переплыл бы и весь этот залив, но Яхан плавать не умеет. Выбора не оставалось. По крайней мере, подвезут их, и то хорошо.

Постепенно из темноты стали выступать холмы южного берега, становясь все массивнее, все выше. Легкие серые облачка сползли к западу, показались звезды. Большая Звезда светила так ярко, что затмевала даже небольшую луну Хелики, которая, впрочем, сейчас убывала. Уже были слышны вздохи прибоя.

– Суши весла, – скомандовал Кармик, а Роканнону велел: – А теперь отдавай камень!

– Сперва поближе к берегу подгребите, – потребовал Роканнон спокойно.

– Отсюда я доберусь, господин мой, – дрожащим голосом пробормотал Яхан. – Вон уже тростники видны, так что...

Лодка еще немного проплыла и снова остановилась.

– Прыгай, когда я скажу, – сказал Яхану Роканнон.

Оба медленно поднялись и встали на корме. Роканнон, чуть освободив на шее защитный костюм, который теперь носил практически не снимая, разорвал кожаный ремешок, на котором висел мешочек с ожерельем, вытряхнул сапфировую подвеску на дно лодки, быстро застегнул костюм и в ту же секунду нырнул.

Минуты через две, уже стоя рядом с Яханом среди скал, он увидел, как лодка, казавшаяся черноватым неясным пятном на серой воде, начала уменьшаться, отплывая все дальше.

– Да чтоб они заживо сгнили! Чтоб у них в кишках черви завелись! Чтоб кости их в слизь превратились! – Яхан был вне себя, он даже заплакал. Он был ужасно напуган, но, как оказалось, гораздо труднее ему было сдержаться, когда Роканнон отдал каким-то подонкам сокровище ценой в целое королевство, спасая жизнь какого-то «низкорослого», его, Яхана, жизнь! Юноше казалось, что мир встал с ног на голову; на плечи его тяжким бременем легла невыносимая ответственность. – Неправильно это, господин мой! – вырвалось у него. – Неправильно!

– Что неправильно? То, что я выкупил твою жизнь с помощью какого-то камня? Успокойся, Яхан, возьми себя в руки. Ты же в сосульку превратишься, если мы немедленно костер не разожжем. Добудь-ка нам огонька. Ты, надеюсь, сноровки не утратил? А валежника тут полно. Давай-ка, шевелись!

Вскоре им удалось развести костер, причем настолько большой, что ночь даже как будто отступила немного, но все равно было ужасно, пронизывающе холодно, и Роканнон отдал Яхану меховой плащ, подаренный ему Пиаи. Юноша завернулся в него и наконец заснул, а Роканнон остался сидеть, подбрасывая в огонь топливо; на душе у него было тревожно, спать совершенно не хотелось. Ему и самому тяжело было расставаться с ожерельем – не потому, что оно «стоило целое королевство», но потому, что некогда именно немеркнущая в его памяти красота Семли заставила его годы спустя все-таки прилететь в этот мир; и еще – потому что ожерелье дала ему Хальдре, надеясь, что именно он сумеет с помощью сокровища отогнать нависшую над ее сыном тень ранней смерти. А может, не так уж и плохо, что прекрасного ожерелья больше у него нет? Ведь с ним вместе ушло и тяжкое бремя его опасной красоты. И может быть, в самом худшем случае, Могие ну так и не доведется узнать, что ожерелье пропало. Кто знает, вдруг Могие ну их не найдет? Или... вдруг он уже мертв?..

Об этом Роканнон решил не думать. Конечно же, Могие ну ищет их с Яханом! И только в этом направлении! Разве не планировали они все вместе идти на юг, и только на юг? Ведь если догадки Роканнона окажутся правильными, они должны найти там врага. Что ж, суждено им встретиться с Могие ну или нет, а он, Роканнон, должен идти на юг.

Они вышли на заре, взбираясь по склону прибрежного холма еще в сумерках, но, когда добрались до вершины, взошедшее солнце уже осветило всю раскинувшуюся перед ними до самого горизонта равнину, совершенно пустую и исполосованную длинными тенями от кустарников. Пиаи все же был прав: видимо, к югу от залива действительно совсем нет людей. Ничего, зато Могие ну легко будет увидеть их издали. И они решительно двинулись на юг.

Было холодно, но небо совсем расчистилось. Яхан надел на себя всю одежду, которая имела у них обоих, Роканнон остался в защитном костюме. Они переходили вброд ручьи, которые здесь поворачивали к югу и встречались достаточно часто, так что путники не испытывали жажды. Они шли весь день и следующий тоже, питаясь корнями растения, которое называлось пейя. А еще Яхану удалось поймать парочку крылатых прыгунов, похожих на кроликов, которых он сшиб прямо в воздухе палкой и поджарил на костерке, сложенном из веток и былинки. Никаких других живых существ они не заметили. Прямо в небеса, казалось, уходил этот высокогорный поросший травой луг, ровный, лишенный деревьев, троп и дорог, погруженный в молчание.

Подавленные всем этим, оба путника присели у своего крошечного костерка в бескрайних сумерках, не говоря ни слова. Над головами у них через вполне определенные и довольно длительные промежутки времени биением пульса звучал в ночи чей-то негромкий крик – высоко-высоко в небесах. Это были огромные дикие летающие коты, двоюродные братья и сестры прирученных людьми Крылатых, совершавшие очередную весеннюю миграцию на север. До звезд, казалось, можно было достать рукой, лишь порой они скрывались за пролетающей мимо стаей. Тот короткий клич испускало всегда только одно животное – остальные хранили молчание, влекомые ветром.

– С которой из звезд прибыл ты к нам, Странник? – тихонько спросил Яхан, глядя в небо.

– Я родился в мире, который на языке моей матери называется Хайн, а на языке отца – Давенант. Вы называете солнце этого мира Зимней Коронай. Но родную планету я покинул очень давно...

– Так, значит, у вас там не один народ? Ваш Звездный Мир состоит из многих народов?

– Да, из многих сотен других народов. По крови я полностью принадлежу к народу моей матери; а мой отец, который был землянином, меня усыновил. Таков обычай, когда люди разных гуманоидных видов, не способные зачать и родить ребенка, вступают в брак. Ну, как если бы кто-то из ольгьяр, например, женился бы на женщине фийя...

– Такого у нас не бывает, – сухо заметил Яхан.

– Я знаю. Но жители Земли и Давенанта очень похожи, как мы с тобой, например. Ведь очень редко на одной планете сосуществует столько разных видов гуманоидов, как у вас. Чаще всего на планете бывает один вид, и его представители, в общем, похожи на нас, а все остальное – бессловесные твари.

– Ты повидал много миров! – мечтательно сказал юноша, пытаясь как-то осознать сказанное.

– Слишком много, – возразил его старший товарищ. – Мне уже сорок, если считать по-вашему. Но на самом деле я родился сто сорок лет назад. И целых сто лет потерял зря! Практически и не жил по-настоящему, болтаясь где-то в пространстве, меж звезд. Если бы я сейчас вернулся на Давенант или на Землю, то все мужчины и женщины, которых я знал когда-то, были бы уже давно мертвы. Теперь мне дано идти только вперед. Или же остановиться и... Что это? – Ощущение чьего-то присутствия заглушило, казалось, даже шуршание ручья по травянистому руслу. Что-то шевельнулось на самом краю освещенного костром круга – чья-то большая тень, что-то темное... Роканнон напряженно привстал на одно колено; Яхан мгновенно отпрыгнул подальше от огня.

Но больше никакого движения они не заметили. Все так же свистел ветер в траве и над горизонтом сияли ясным, незамутненным светом звезды.

Они снова уселись у костра.

– Что это было? – спросил Роканнон.

Яхан только плечами пожал.

– Пиаи что-то говорил... такое...

Спали они урывками, стараясь поскорее сменить друг друга у костра. Когда занялся неторопливый рассвет, оба чувствовали себя не отдохнувшими, а усталыми и тут же принялись искать следы или еще какие-нибудь отметины там, где, как им казалось, высилась темная тень, но молодая трава даже примята не была. Они тщательно затоптали свой костерок и двинулись дальше на юг.

Пора было бы попасться очередному ручью, однако ручьи попадаться перестали – либо все они теперь изменили свое направление, либо здесь вообще не было никаких ручьев. Эта равнина казалась бесконечной, они все шли и шли, а вокруг становилось все суше и суше; все глуше, серее становились краски, и за все утро им не попало ни одного кустика пейи, только жесткая серо-зеленая трава колыхалась на всем пространстве до самого горизонта.

В полдень Роканнон остановился.

– Что-то тут не то, Яхан, – сказал он.

Яхан потер шею, огляделся и поднял измученное юное лицо к Роканнону:

– Если хочешь идти дальше, господин мой, то и я пойду с тобой.

– Мы не можем идти дальше без еды и воды. Придется, видно, украсть на побережье лодку и вернуться в Халлан. А здесь нам одним не справиться. Пошли.

Роканнон повернул на север. Яхан догнал его и пошел рядом. Высокое весеннее небо сияло нестерпимой синевой, ветер неумолчно свистел в бескрайних травяных просторах. Роканнон шел размеренно, чуть опустив плечи, шаг за шагом уходя все дальше – в вечную ссылку, в изгнание. Он обернулся только на крик вдруг остановившегося Яхана:

– Крылатые!

Взглянув вверх, Роканнон увидел их – три очень похожих на волшебных грифонов существа, круживших прямо над ними с растопыренными когтями; крылья их на фоне ярко-голубого пламени небес казались черными.

Часть II Странник

Глава 6

Могиеиен слетел с высокого седла еще до того, как лапы Крылатого коснулись земли. Он бросился к Роканнону и обнял его как брата. Голос его звенел от радости и облегчения.

– Клянусь копьем Хендина! Но почему, Властелин Звезд, ты бредешь нагим по этой пустыне? И как это тебе удалось забраться так далеко на юг, если идешь ты на север? Неужели ты... – Тут Могиеиен заметил Яхана и умолк.

– Яхан принес мне клятву верности, – вмешался Роканнон.

Могиеиен молчал. Он явно боролся с собой. Но вот постепенно улыбка скользнула по его губам, и он громко расхохотался.

– Неужели ты учил наши законы специально для того, чтобы красть у меня слуг, Роканнон? Нет, ты мне все-таки скажи, кто у тебя-то самого одежду украл?

– У Странника не одна кожа, – заметил Кьо, выходя вперед. Трава под ним практически не сминалась. – Приветствую тебя, Властелин Пламени! Прошлой ночью я мысленно слышал твой голос.

– Это Кьо нас к тебе привел, – подтвердил Могиеиен. – С тех пор как мы десять дней назад высадились на побережье Фьерна, он ни слова не промолвил, но вчера ночью на берегу залива, когда взошла Лиока, он стал слушать лунный свет и вдруг произнес: «Это там!» Как только рассвело, мы полетели, куда он велел, и нашли тебя.

– А где же Иот? – спросил Роканнон, заметив только Рахо, державшего Крылатых. Лицо Могиеиена не дрогнуло, когда он ответил:

– Иот мертв. На берегу на нас напали ольгьяр. Вооружены они были только камнями, но их было слишком много. Иот погиб, а ты пропал. Мы спрятались в пещере среди утесов, пока Крылатые не отдохнули и не согласились подняться в воздух. Рахо сходил на разведку и услышал, что местные рассказывают о каком-то чужеземце с синим камнем на шее, который стоял на костре, но не горел и даже не обжегся, так что, как только Крылатые пришли в себя, мы отправились в логово этого Згамы, но там тебя уже не было, и мы в отместку подожгли их вонючие крыши и разогнали стада по лесам, а потом стали искать тебя среди этих дюн.

– Послушай, Могиеиен, – прервал его Роканнон, – видишь ли, «Око моря», драгоценный сапфир... В общем, мне пришлось его отдать, чтобы выкупить наши жизни. Вот так.

– Ты отдал «Око моря»? – Могиеиен так и уставился на него. – Ожерелье Семли? Ты его отдал? Чтобы выкупить... Нет, не свою собственную жизнь – кто бы тебя тронул! – но никчемную жизнь этого непослушного мальчишки? Дешево же ты ценишь мое наследство! Ладно уж, возвращаю ожерелье тебе! Не думай, что так легко потерять подобную вещь! – Он засмеялся, покрутил что-то в воздухе и бросил Роканнону. Тот поймал сверкнувший предмет, и на ладони у него оказался синий сапфир на золотой цепи!

– Вчера на том берегу залива мы наткнулись на ольгьяр – двое были еще живы, а один уже мертв; мы спросили, не видели ли они нагого Странника, которого сопровождает тупоголовый слуга, и один из них тут же со страха ткнулся носом в песок и все нам выложил. В общем, я отнял у его приятеля ожерелье, а заодно и его жизнь, потому что он, видите ли, отдавать чужое не хотел. Вот тогда-то мы и узнали, что ты перебрался через залив. Ну а потом Кьо привел нас прямехонько к тебе. Но почему ты все-таки шел на север, Роканнон?

– Чтобы... отыскать воду.

– Вон там, чуть левее, ручей, – быстро сказал Рахо. – Я его заметил как раз перед тем, как мы вас увидели.

– Ох, пойдёмте скорее! Мы с Яханом не пили со вчерашнего дня.

Они оседлали Крылатых – Яхан сел вместе с Рахо, а Кьо на свое прежнее место позади Роканнона. Пригибаемая ветром трава быстро понеслась вниз, в сторону, и они устремились на юго-запад между бескрайней равниной и ясным небом.

Привал устроили у ручья, неторопливо струившего чистые воды среди однообразной, зеленой, без ярких цветов, травы. Наконец-то Роканнон снял с себя защитный костюм и надел запасную рубаху и плащ Могиена. Они поели сухариков, захваченных в Халлане, и корешков пейи. А еще Рахо и Яхан подстрелили из луков четырех короткокрылых «кроликов». Яхан был просто счастлив снова взять в руки лук. Зверьки здесь на равнине чуть ли не сами насаживались на стрелы; Крылатые ловили их буквально на лету. Крохотные зеленые, фиолетовые и желтые существа, которые назывались килар и были очень похожи на стрекоз с прозрачными жужжащими крылышками, хотя на самом деле являлись сумчатыми млекопитающими, совершенно не боялись людей и с любопытством толпились возле самого лица то одного, то другого путешественника, рассматривая его своими золотистыми глазами, или же садились на чье-нибудь плечо или колено и тут же снова взлетали и начинали кружиться над головой. Роканнону казалось, что эта бескрайняя заросшая травой равнина прямо-таки кишит самыми различными формами разумной жизни, хотя Могиен сказал, что они не видели ни одного человека или каких-либо человекоподобных существ, пока летали над равниной.

– А нам обоим показалось, что вчера к нашему костру кто-то приходил, – сказал неуверенно Роканнон. Впрочем, что, собственно, они видели? Тень? Но Кьо обернулся и внимательно посмотрел на него, оторвавшись от приготовления ужина, а Могиен не улыбнулся и промолчал, снимая ремень и перевязь с двумя мечами.

Со стоянки снялись с первыми лучами солнца и весь день летели с попутным ветром над залитой солнцем равниной. Лететь над ней было настолько же приятно, насколько трудно идти по ней пешком. Так прошел и следующий день, и уже к вечеру, когда они высматривали один из ручейков, которые в этом царстве трав попадались не так уж часто, Яхан повернулся в седле и крикнул, стараясь перекричать ветер:

– Странник! Посмотри вперед!

Далеко впереди, у самого горизонта, ровную поверхность морщили, вздыбливали какие-то серые вспышки.

– Это же горы! – воскликнул Роканнон.

В течение последующего дня равнина начала постепенно повышаться, вспухать пригорками и холмами, ложиться широкими складками – когда-то здесь было море. Высокие облака неторопливо плыли на север; далеко впереди виднелись холмы предгорий, а к вечеру показались и сами горы. И когда равнину окутала ночная тьма, крошечные вершины далеких горных пиков еще долго сияли золотым светом, пока из-за них не появилась луна Лиока и не поплыла торопливо по небу, точно крупная желтая звезда или космический корабль. Фени и Фели двигались более степенно, а последней из четырех лун взошла Хелики и помчалась вдогонку за сестрами, то вспыхивая, то угасая, стараясь все успеть за свой получасовой цикл обращения. Роканнон, лежа на спине в высокой черной траве, никак не мог налюбоваться неторопливым и светлым великолепием этого лунного танца.

На следующее утро, когда они с Кьо подошли к своему Крылатому, Яхан, придерживая повод зверя, предупредил Роканнона:

– Поосторожнее с ним сегодня, Странник.

Крылатый будто подтвердил его слова хриплым ворчанием, которому эхом откликнулся серый зверь Могиена.

– Что это с ними?

– Голодные, – пояснил Рахо, крепко держа повод своего белого. – Они в последний раз неплохо подзакусили, когда мы разогнали стадо этого Згамы, но с тех пор, как мы летим над этой равниной, дичи особой не попадает, а эти летающие попрыгунчики им на один зуб. Ты лучше подпояши свой плащ, господин мой: если твой Крылатый до него дотянется, ты вполне можешь попасть ему на обед.

Рахо, чьи каштановые волосы и смуглая кожа свидетельствовали о том, что к одной из его бабок или прабабок явно был равнодушен кто-то из ангьяр, казался более решительным и насмешливым, чем прочие «низкорослые». Могиен никогда его не отчитывал, а что касается самого Рахо, то его грубоватые шутки не могли скрыть трепетного отношения к молодому правителю Халлана, которому ольгья был предан всей душой. Будучи человеком средних лет, Рахо явно считал это путешествие дурацкой затеей, но тем не менее, безусловно, до конца последовал бы за своим хозяином куда угодно, навстречу любой опасности.

Яхан передал Роканнону поводья и быстро отступил в сторону: Крылатый взвился в небеса, точно расправившаяся пружина. Весь день Крылатые летели с каким-то диким упорством, словно не чувствуя усталости, понимая, что лесистые предгорья сулят им славную охоту, а северный ветер лишь подгонял их. Все ближе подступали высокие темные холмы. Теперь и на равнине встречались деревья и даже небольшие рощицы – точно островки в бушующем море трав. Рощи сливались постепенно в леса с широкими травянистыми полянами. Еще до наступления сумерек путники опустили на берег небольшого болотистого озерца, лежавшего среди лесистых холмов. Ольгьяр быстро распрягли Крылатых, сняли с них седла и поклажу и отпустили охотиться. Звери с ревом взлетели, сильно ударя крыльями, и мгновенно исчезли в лесу.

– Теперь вернутся, только когда наедятся досыта, – сказал Роканнону Яхан. – Или же если господин Могиен подует в свой свисток.

– Иногда они с собой диких самок приводят, – добавил Рахо.

Могиен, Рахо и Яхан тоже ушли в лес – охотиться на «кроликов» с крыльями да и вообще на любую дичь; Роканнон тем временем отыскал несколько кустиков пейи и поджарил съедобные корни на углях, завернув их в листья того же растения. Он привык обходиться тем, что дает сама земля, и ему это даже нравилось; дни непрерывного полета, чуть приглушенный постоянный голод, спанье на голой земле и холодные весенние ветры привели в прекрасное состояние его душу и тело, и он теперь вновь с радостью воспринимал все новое и необычное, что встречалось им в пути. Встав от костра, Роканнон заметил, что Кьо стоит у самой кромки воды – тоненькая фигурка, похожая на те тростинки, что торчали из озера чуть подалее от берега. Кьо не сводил глаз с гор, высившихся впереди, серых и неприступных; вокруг их вершин собрались, казалось, все облака этого мира и все молчание его небес. Роканнон подошел к фийяну и увидел на его лице странное выражение – смесь отчаяния и страстного любопытства. Кьо, не оборачиваясь, своим легким неуверенным голоском вдруг проговорил:

– Странник, ожерелье теперь снова у тебя...

– Да, хотя я все время пытаюсь его кому-нибудь передать, – улыбнулся Роканнон.

– Там, – фийян указал на горы, – тебе придется отдать куда больше, чем золото и драгоценный самоцвет... Что же отдашь ты там, Странник, на тех холодных высотах, среди серых камней? После жара костра в ледяном безмолвии...

Роканнон слышал Кьо, видел его лицо, однако не заметил, чтобы губы его двигались. По спине у него пробежал холодок, и он изо всех сил постарался «замкнуться», избавиться от этого мысленного прикосновения к его внутреннему «я», к самым сокровенным его чувствам. Мгновение – и Кьо обернулся, спокойный и улыбочивый, как всегда, и заговорил своим обычным голосом:

– Там, за холмами, есть другие фийя, в лесах и зеленых долинах. Мой народ любит селиться в долинах; даже в здешних долинах живут фийя, лишь бы долины были невысоко и в них хватало солнца. Наверное, нам вскоре встретятся их селенья.

Эта новость всех очень обрадовала.

– А я уж думал, мы здесь больше и человеческой речи не услышим! – сказал Рахо. – Такая богатая, красивая страна – и совсем нет людей.

Глядя, как в воздухе над озером танцует парочка похожих на стрекоз киларов с розовато-сиреневыми крылышками, Могиен сказал:

– Здесь когда-то тоже жили люди. Предки ангьяр когда-то давно бродили по этим землям – еще до того, как появились на свет Герои, до того, как были построены Халлан и высокий Ойнхол, до того, как Хендин нанес свой знаменитый удар, а Кирфиель погиб на Холме Оррен. Ангьяр, приплывшие сюда с юга на длинных лодках с драконьими головами на носу, обнаружили здесь своих родичей, тоже ангьяр, но диких, живущих в лесах и прибрежных пещерах, и белолицых... Ты же знаешь, Яхан, «Балладу об Орхогиене»...

На ветре верхом,
По травам ступая,
Касаясь волны морской,
Прямо к звезде ночной,
Тропою Лиоки взлетая...

А тропа Лиоки, как у нас считается, ведет с юга на север. Описанное в этой балладе свидетельствует о том, что мы, ангьяр, сражались с дикими охотниками, которые называли себя ольгьяр, и победили их. Это был единственный родственник нам народ: ангьяр и ольгьяр составляют единое целое – лийяр. Но вот об этих горах в той песне вроде бы не сказано ничего. Она очень старая, эта песня; возможно, начало ее просто забыто. Может быть, и ангьяр тоже пришли из этих холмов? Красивая здесь страна – леса полны дичи, на холмах отличные пастбища, и для замков места отличные есть... И все же тут, похоже, сейчас никто не живет.

В тот вечер Яхан не стал играть на своей лире с серебряными струнами; и всем как-то не спалось, было тревожно – наверное, потому, что с ними не было Крылатых, а холмы вокруг стояли такие тихие, словно живые существа на них замерли от страха и всю ночь боялись шевельнуться.

Решив, что на берегу озера слишком сыро, уже на следующий день они двинулись дальше пешком, неторопливо, с остановками, успевая поохотиться и набрать свежих трав. В сумерках они вышли к холму, вся вершина которого была в странных буграх и рытвинах; похоже, под травой лежали руины замка. Приглядевшись, можно было определить очертания заросшего фундамента главного здания, двора и стен. Видимо, об этом замке даже в легендах памяти не сохранилось. Тут они и решили разбить лагерь, чтобы Крылатые легко могли найти их, когда наконец насытятся и вернуться.

Среди ночи Роканнон вдруг проснулся и сел. На небе светила только маленькая Лиока; костер совсем погас. Часового они не поставили. В нескольких шагах от Роканнона стоял Могиен, неподвижный и очень высокий в свете звезд. Роканнон сонно наблюдал за ним, удивляясь, почему это Могиен такой высокий и узкоплечий. «Странно, – подумал он. – Обычно в плаще ангьяр казались еще шире в плечах, потому что он свисал с них, точно крыша пагоды; впрочем, Могиен и без плаща был весьма широк в плечах и могуч. И почему это он все стоит там, да еще так странно ссутулившись?»

Человек медленно обернулся: нет, это был не Могиен!

– Кто там? – спросил Роканнон, вглядываясь в темное лицо; голос его в тишине прозвучал хрипло. Рядом с ним тут же проснулся и сел Рахо. Увидел незнакомца, схватился за

лук и вскочил. За плечами высокого человека что-то шевельнулось – еще один такой же. И всюду вокруг них на заросших травой руинах под светом звезд высились такие же высокие, худые, молчаливые люди, в тяжелых плащах, с понуро опущенными головами. У костра, кроме Роканнона и Рахо, больше никого не было.

– Могиен! – крикнул Рахо.

Ответа не последовало.

– Где Могиен? Кто вы? Говорите же!..

Но они не ответили, а стали медленно приближаться. Рахо натянул тетиву, но они по-прежнему молчали, а потом вдруг разом бросились на них – плащи развевались, точно крылья. Двигались они неторопливыми крупными прыжками, высоко подсакивая в воздух. Отбиваясь, Роканнон думал, что вот-вот очнется от страшного сна – конечно же, это должен быть просто сон! Потому незнакомцы и движутся так медленно и молчат... Да, все это происходит во сне, он ведь не ощущает их ударов... Но тут он вспомнил, что на нем защитный костюм! И услышал отчаянный крик Рахо:

– Могиен!

Нападающим удалось повалить Роканнона на землю – просто потому, что их было значительно больше и он не смог высвободиться из-под груза навалившихся на него тел. Потом его подняли и понесли; голова его свешивалась вниз, а от мерных покачиваний начало подташнивать. Он извивался, пытаясь вырваться, но его держало множество рук. Потом он увидел, как залитые светом звезд холмы и леса качнулись и уплыли куда-то вниз, далеко-далеко... Голова у Роканнона закружилась, и он обеими руками ухватился за тех, кто поднял его над землей. Все они как бы нависали над ним; в воздухе шуршали их черные крылья.

Летели они долго; Роканнон все еще порой пытался очнуться от этого монотонного кошмара, но слышал над собой шипящие голоса и шум множества крыльев, несущих его все дальше и дальше... Потом вдруг полет превратился в долгое пологое скольжение вниз. Мимо него невероятно быстро промелькнул светящийся восточный край неба, земля качнулась навстречу, мягкие сильные руки, державшие его, разжались, и он, оказавшись на свободе, тут же упал. Но не ударился. Голова страшно кружилась – он не мог даже сидеть; лежал, раскинув руки, и растерянно озирался по сторонам.

Лежал он на полу из ровных отполированных мелких плиток. Справа и слева вздымались стены, в утреннем свете казавшиеся серебряными, очень высокие и прямые, чистых очертаний, будто высеченные из стали. За спиной высился огромный купол какого-то здания, а впереди виднелись ворота, без арки или перекрытия, а за ними целая улица таких же серебристых домов, лишенных окон, но четких благородных очертаний, похожих друг на друга, как близнецы, и выстроившихся абсолютно четкими рядами вдоль улицы, создавая чистую геометрическую перспективу, и в рассветном полумраке начисто лишенных теней. Это был настоящий город. Не какая-то деревушка каменного века или замок, но действительно великолепный город, строгий и грандиозный, образец высокоразвитой технологии. Роканнон сел; голова все еще немного кружилась.

Стало светлее, и он сумел различить отдельные предметы в полумраке двора – какие-то свертки или груды вещей; вершина одной из этих бесформенных куч поблескивала золотистым светом. С ужасом, окончательно пробудившим его сознание, он разглядел знакомое темное лицо под копной спутанных соломенных волос. Глаза Могиена были открыты и неподвижно смотрели в небо.

Все четверо его друзей лежали такими же неподвижными грудями. На лице Рахо застыла ужасная гримаса. Даже Кью, который при всей своей хрупкости казался совершенно неуязвимым, лежал, не шевелясь, с открытыми огромными глазами, в которых отражалось бледное небо.

И все же они дышали – медленно, тихо. Роканнон приложил ухо к груди Могиена и услышал слабое биение сердца, очень замедленное, глухое, точно доносившееся откуда-то издалека.

Странные звуки в воздухе заставили его инстинктивно припасть к земле и застыть, отчего он стал похож на своих парализованных товарищей. Чьи-то руки трясли его за плечи и за ноги. Потом его перевернули, и он, оказавшись снова на спине, увидел перед собой лицо: крупное, вытянутое, довольно красивое и удивительно мрачное. Темнокожая голова была полностью лишена волос, не было даже бровей. Глаза чистого золотистого цвета смотрели на него из-под тяжелых, лишенных ресниц век. Рот был небольшой, изящных очертаний, губы сомкнуты. Нежные сильные руки пытались разжать Роканнону зубы и открыть рот. Потом еще один высокий человек склонился над ним, и он закашлялся и задохнулся – в горло ему влили несколько глотков чего-то странного, скорее всего просто воды, теплой и несвежей. Потом встал, сплюнул и сказал:

– Со мной все в порядке, отпустите меня!

Но они уже повернулись к нему спиной и склонились над Яханом; один разжимал ему челюсти, второй лил в рот воду из длинного серебряного кувшина.

Это были очень высокие и очень худые гуманоиды, если судить по внешности; суровые и сдержанные. По земле они двигались довольно неуклюже. Узкие грудные клетки выпирали между двумя мощными плечевыми мышцами, поддерживавшими широкие мягкие крылья, ниспадающие, точно серые плащи. Ноги у них были тонкие и короткие, как у птиц, а темнокожие благородные головы все время чуть склонялись вперед – видимо, выпрямиться им мешали чересчур развитые лопатки и могучие крылья.

Любимый справочник Роканнона покоился на дне морском, под окутанными туманом водами пролива, однако в памяти ярко всплыли строчки: «...по неподтвержденным данным, вид 4(?) – крупные гуманоиды, обитающие в развитых городах...». Неужели ему выпало счастье подтвердить эти «неподтвержденные данные», первым наладить контакт с новой формой развитого интеллекта? Познакомиться с новой развитой культурой? С новыми возможными членами Лиги Миров? Чистые четкие очертания домов, спокойная доброжелательность огромных ангелоподобных существ, которые только что дали ему напиток, их царственное молчание – все это вызывало у него благоговейный трепет. Он никогда еще не встречал расы, подобной этой! Он подошел к тем двоим, что поили Кью, и спросил вежливо и несколько неуверенно:

– Говорят ли крылатые господа на «общем» языке?

Они даже головы не повернули; мягко и неуклюже ступая, они перешли к Рахо, разжали ему рот и влили туда несколько глотков воды. Вода потекла у него по застывшим щекам. Тогда они перешли к Могиену. Роканнон бросился за ними.

– Выслушайте же меня! – воскликнул он, преграждая им путь, и тут же отошел в сторону: догадка пришла вместе с неприятным сосущим чувством. Широко открытые золотистые глаза слепы, существа эти не только ничего не видят, но и не слышат! Они не только не отвечали, но и не смотрели на него, просто шли себе дальше, высокие, неземные, похожие на ангелов, и мягкие крылья волочились за ними, как плащи, укрывая им спину от шеи до пят. Они вошли в куполообразное здание, и дверь за ними неслышно затворилась.

Немного успокоившись и взяв себя в руки, Роканнон подошел по очереди к каждому из своих товарищей, надеясь, что им дали противоядие и оно скоро начнет действовать. Но пока что перемен не было. У каждого сердце билось медленными слабыми толчками, дыхание тоже было очень замедленным и поверхностным. И только в груди у Рахо царило полное молчание, и страшно холодным было его искаженное лицо. Вода, которой они поили его, еще не высохла у него на щеках.

Волна гнева охватила Роканнона. Почему эти ангелоподобные обращаются с ними, как со своей добычей? Он оставил друзей лежать на прежнем месте, а сам устремился через двор, мимо ворот на улицу этого невероятного города.

Там все было неподвижно. Все двери были закрыты. Высокие, лишенные окон, один за другим высились серебристые фасады, дома стояли тихие в первых утренних лучах солнца.

Роканнон насчитал шесть перекрестков, прежде чем добрался до конца этой улицы и уперся в стену пятиметровой высоты, в которой не было видно ни одного прохода или калитки. Видимо, она окружала весь город, и Роканнон не стал искать в ней ворота, это было бессмысленно, да и зачем крылатым существам, построившим этот город, какие-то ворота? Он вернулся к той радиальной улице, ведущей к центральному зданию, по которой начал свой путь; это было единственное в городе здание, своими очертаниями отличавшееся от остальных и значительно выше серебристых домов, стоявших четкими геометрическими рядами. Роканнон снова вошел в тот же двор. Все двери по-прежнему были закрыты, улицы чисты и пусты, в небе тоже никого не было видно; стояла полная тишина, слышался лишь шум его шагов.

Он постучал в дверь на дальнем конце двора. Ответа не последовало. Он толкнул ее, и дверь распахнулась.

Внутри было тепло и темно, слышалось легкое шипение и шуршание крыльев, сразу возникло ощущение высоты и простора. Мимо него промелькнула высокая фигура; существо задержалось на мгновение, посмотрело на него и застыло. В полосе неяркого утреннего света, который падал из открытой им двери, Роканнон увидел, как крылатое существо сомкнуло веки над желтыми глазами и снова медленно их разомкнуло. Видимо, его слепил солнечный свет. Скорее всего, они летают и бродят по своим серебристым улицам только по ночам.

Не в силах оторваться от этого невообразимого лица, Роканнон привычно расшаркался (его «всегалактический поклон» скорее напоминал небольшое драматическое действие продолжительностью в одну минуту) и спросил на межгалактическом:

– Кто у вас здесь главный?

Произнесенный уверенным тоном, этот вопрос обычно производил должное впечатление. Но на сей раз никакой реакции не последовало. Существо смотрело прямо на Роканнона, потом один раз с полнейшим безразличием моргнуло и с презрительным видом закрыло глаза, снова погрузившись в дремоту и неподвижность.

Постепенно привыкнув к темноте, Роканнон увидел под сводом купола ряды и отдельные группы крылатых существ, сотни и сотни их; все они стояли не двигаясь, с закрытыми глазами.

Он бродил среди них, но они даже не пошевелились!

Давным-давно, на планете Давенант, где он родился, он вот так же бродил по музею, полному статуй, и с детским любопытством вглядывался в неподвижные лица древних хайнских богов.

Собрав все свое мужество, он подошел к одному из существ и коснулся его – или ее? – они, вполне возможно, могли оказаться и самками – руки. Золотистые глаза открылись, прекрасное лицо повернулось к нему, маяча где-то в сумрачной вышине. «Хасса!» – сказала крылатое существо и, быстро наклонившись, поцеловало Роканнона в плечо, потом отступило на три шага, снова завернулось в свой «плащ» и застыло с закрытыми глазами.

Роканнон сдался. И побрел между спящими, пробираясь ощупью в мирной сонной тьме огромного зала, пока не нашел дальний выход, распахнутый от пола до сводчатого потолка. За ним было немного светлее; сквозь маленькие дырочки в кровле в помещение точно сыпался золотистый свет солнечных лучиков, в которых плясали пылинки. Стены также сводами уходили ввысь, но этот купол был не так высок и скорее напоминал сводчатую галерею или коридор, опоясывающий основной купол. Строение было, видимо, центром города. Внутри стены были замечательно расписаны прихотливым геометрическим орнаментом из переплетающихся треугольников и шестигранников. Роканнон вновь ощутил прилив страстного исследовательского азарта. Эти существа были первоклассными строителями! Все поверхности в обширном строении были идеально гладкими и тщательно подогнанными. Сама архитектурная концепция здания была безупречной, а ее исполнение – выше всяческих похвал. Только очень высо-

кая культура способна была создать такой шедевр зодчества. Но ни разу в жизни не встречал он высокоразвитого народа, который был бы столь же замкнут и не склонен к общению. В конце концов, зачем они притащили его и всех остальных сюда? Уж не спасли ли они их от какой-то опасности в полном соответствии со своей ангелической внешностью? А может, они используют представителей других народов как рабов? Если это так, то интересно, почему они не заметили, что он оказался невосприимчивым к их парализующему веществу? Возможно, они общаются вообще без помощи слов; ему упорно хотелось верить, что все объяснения заключены в невероятно развитом интеллекте этих существ, недоступном человеческому пониманию. Он пошел дальше, отыскав во внутренней стене округлого коридора еще одну дверь – на сей раз она была низенькой, так что ему даже пришлось нагнуться, а уж крылатым существам и вовсе пришлось бы ползти, чтобы проникнуть на ту сторону.

За дверью был тот же теплый, чуть желтоватый, приятно пахнущий полумрак, то же монотонное шипение крылатых существ и легкие подрагивания крыльев – здесь их тоже было бесчисленное множество, и все спали. На самом верху купола сияло золотом отверстие, к которому по сводчатой стене тянулся спиралью изящный длинный пандус. На пандусе временами что-то шевелилось, и дважды Роканнон заметил, как крошечная фигурка в вышине расправляет крылья и неслышно вылетает в отверстие, мелькнув в столбе золотистой пляшущей пыли. Когда он шел через зал к началу пандуса, со стены вдруг что-то упало – примерно с середины длинной спирали – и ударилось об пол с сухим громким треском. Роканнон подошел ближе. Это было тело одного из крылатых существ. От удара у него раскололся череп, однако крови видно не было. Тело было совсем маленькое, крылья явно сформировались не полностью.

Роканнон стал осторожно подниматься по пандусу.

На высоте метров десяти над полом он увидел в стене треугольную нишу, где скорчившись сидели такие же маленькие существа со сморщенными недоразвитыми крыльями. Их было девять, и сидели они тройками, на равных расстояниях друг от друга, вокруг чего-то большого и бледного. Роканнон взгляделся и узнал знакомую морду и странно пустые глаза летучего кота. Крылатый был еще жив, но парализован. Изящные ротки существ без конца будто целовали, целовали его...

Снова послышался тот же сухой стук. Роканнон глянул и увидел сухое мумифицировавшееся тело еще одного Крылатого.

Он быстро вернулся в коридор с расписными стенами, как можно аккуратнее тихо пробрался меж спящими стоя существами и вышел во двор, но там никого не оказалось. На каменных плитках, которыми был выложен двор, играло ослепительно-яркое солнце. Его спутники исчезли! Должно быть, их уволокли под своды зала, чтобы затем высосать из них жизнь до последней капли.

Глава 7

Ноги у Роканнона подкосились. Он сел прямо на красный полированный пол и, подавляя тошнотворный ужас, попытался решить, что делать дальше. Он должен вернуться в купол и вытащить оттуда Могиена, Яхана и Кьо! При мысли о том, чтобы снова пройти среди этих крылатых «изваяний», чьи благородные головы являются вместилищами настолько выродившихся или особым образом приспособившихся мозгов, что хозяева их практически низведены до уровня насекомых, у Роканнона по спине поползли мурашки. Но сделать это было необходимо. Его друзей необходимо было оттуда извлечь во что бы то ни стало. Интересно, а детеныши и их няньки достаточно крепко спят, чтобы позволить ему выкрасть их «обед»? Нечего задавать самому себе дурацкие вопросы! Сперва нужно проверить стену – если в ней все же нет никаких ворот, то все это бессмысленно: ему не перетащить своих товарищей через это пятиметровое препятствие.

Скорее всего, в этом сообществе три функционально различающихся вида, думал он, бредя по тихой, идеально прямой улице: няньки, строители и охотники, которые спят во внешних помещениях. А серебристые дома, возможно, являются жилищами самок, которые откладывают яйца и высиживают их. Те существа, что поили их водой, должно быть, как раз и есть няньки; они поддерживают жизнь в парализованной добыче, пока детеныши не высосут из нее все соки. Они ведь дали воды даже мертвому Рахо! Как же он сразу не догадался, что они лишены разума? Ему просто хотелось считать их разумными существами, ведь они были так похожи на ангелов! К черту! Какой там «вид номер 4», злобно подумал он, как бы возражая утонувшему справочнику. И тут что-то метнулось через улицу на перекрестке. Это было небольшое коричневое существо, и Роканнон даже не успел как следует разглядеть его, настолько завораживала эта перспектива совершенно одинаковых аккуратных домов. Коричневое существо явно этому городу не принадлежало! Значит, у этих ангелоподобных насекомых есть враги даже в их идеально устроенном улье! Роканнон быстро и уверенно пошел вперед; вокруг царил мертвая тишина. Добравшись до внешней стены, он свернул вдоль нее влево.

Чуть впереди, прижавшись к совершенно гладкому серебристому фундаменту стены, скрючилось одно из коричневых животных. На четвереньках оно было Роканнону примерно по колено. В отличие от большей части здешних существ с низко развитым интеллектом, оно было бескрылым, боязливо прижималось к земле и выглядело совершенно перепуганным, так что Роканнон просто обошел его, стараясь не испугать еще больше, и пошел дальше. Насколько он мог видеть, впереди не было ни калитки, ни ворот.

– Господин мой! – окликнул его слабый голос.

– Кьо! – заорал он, резко оборачиваясь. Гулкое эхо отдалось от стены, но позади никого не было. Лишь те же белые стены, черные тени, прямые линии, тишина...

Маленькое коричневое существо прыжками приблизилось к нему.

– Господин мой! – закричало оно тоненьким голоском. – Господин, о, пойдём, пойдём скорее, господин мой!

Роканнон так и застыл, изумленно на него глядя. Коричневое существо присело прямо перед ним, опершись на сильные задние лапы и переводя дух. Под пушистой шерсткой сильными толчками билось сердце; маленькие черные лапки – или ручки? – были молитвенно сложены. Черные глаза испуганно взирали на него. И оно все время повторяло на ломаном «общем» языке:

– Господин мой...

Роканнон опустился на колени. В голове у него все перемешалось; в конце концов он взял себя в руки и постарался как можно ласковее сказать:

– Я не знаю, как мне называть тебя, маленький...

– О, пойдём, – молило существо, – правители... повелители... Пойдём!

– Другие? Такие же, как я? Мои друзья?

– Друзья! – обрадовалось существо. – Друзья. Замок. Правители, замок, огненный дракон, день, ночь, огонь. О, пойдём!

– Хорошо, пойдём, – согласился Роканнон.

Оно прыгало, как кузнечик, по радиальной улице, потом повело его куда-то вбок, на север, а потом по боковой дорожке вывело к куполу с двенадцатью входами-выходами, где на красных каменных плитах двора по-прежнему лежали все его четверо товарищей. Позже, когда у него было время подумать, он догадался, что просто вышел из купола с другой стороны и в совсем другой дворик, а потому и потерял их.

Там их уже ждали: еще пятеро таких же коричневых существ стояли, точно отправляя какой-то обряд, возле Яхана. Роканнон опустился возле юноши на колени, стараясь казаться меньше ростом, и, как сумел, поклонился существам:

– Приветствую вас, мои маленькие мохнатые друзья!

– И мы тебя приветствуем, – ответили они все разом. Потом один, с черной шерсткой на мордочке, заявил:

– Киемхрир.

– Вас называют киемхрир? – переспросил Роканнон, и они стали быстро кланяться, явно подражая ему. – А меня – Роканнон-Странник. Мы прибыли сюда с севера, из страны Ангяр. Там есть замок Халлан...

– Замок, – сказал Черномордый. Его писклявый голос дрожал от усердия. Он подумал немного, поскреб лапкой голову и изрек: – Дни, ночи, годы, годы... – Потом еще: – Правители уходят. Годы, годы, годы... Киемхрир уходят нет. – Он с надеждой глянул на Роканнона.

– То есть... киемхрир остаются здесь? – спросил Роканнон.

– Остаются! – выкрикнул Черномордый удивительно громко. – Остаются! Остаются!

И все остальные забормотали в полном восторге:

– Остаются...

– День, – сказал решительно Черномордый, указывая на солнце. – Правители приходят. Уходят?

– Да, мы непременно уйдем. Можете нам помочь?

– Помочь! – сказал коричневый киемхер, точно пробуя новое слово на вкус с явным удовольствием. – Помочь уйти? Правитель останется!

И Роканнон остался: сел и стал наблюдать за своими новыми знакомыми. Тот, с черной мордочкой, свистнул, и вскоре около десятка существ осторожно приблизились к пленникам. «Интересно, – подумал Роканнон, – где в столь упорядоченном, с математической точностью и аккуратностью построенном городе-улье они нашли место, чтобы спрятаться и жить?» Но, совершенно очевидно, они умудрились сделать это и явно имеют свои дома и хранилища, потому что один из них вскоре принес в крошечных черных ручках белый шар, который очень походил на большое яйцо. Собственно, это и была яичная скорлупа, которой пользовались как чашей; Черномордый взял скорлупу и осторожно расширил отверстие в верхнем ее конце. Внутри оказалась густая прозрачная жидкость. Он смазал этой жидкостью оставшиеся от укулов отметины на плечах лежавших без сознания людей; затем существа стали нежно и опасливо приподнимать их головы, а Черномордый вливал понемногу жидкости в рот каждому. Рахо он ничего вливать не стал и даже к нему не прикоснулся. Киемхрир между собой не разговаривали, пользуясь только свистом и жестами, и вообще вели себя очень тихо и с трогательной, почти изысканной вежливостью.

Черномордый подошел к Роканнону и ободряюще сообщил:

– Правитель останется.

– Мне нужно подождать? Конечно, подожду.

– Правитель... – начал было киемхер, указывая на тело Рахо, и запнулся.

– Мертв, – подсказал Роканнон.

– Мертв, мертв, – сказал малыш. И коснулся собственной шеи. Роканнон кивнул.

Двор с серебряными стенами залил яркий солнечный свет. Яхан, лежавший возле Роканнона, глубоко вздохнул.

Киемхрир полукругом уселись на задних лапках вокруг своего предводителя. Обращаясь к нему, Роканнон сказал:

– Маленький друг, могу я узнать твое имя?

– Имя, – прошептал Черномордый. Остальные продолжали молча сидеть в тех же позах. – Лийяр, – выговорил он то слово, под которым Могиен подразумевал сообщество «благородных» и «низкорослых», а справочник выдавал за название «вида П». – Лийяр. Фийя. Гдемьяр. Имена. Киемхрир – не имя.

Роканнон кивнул, размышляя, какой он вкладывает в это смысл. Слово «киемхер» (во множественном числе «киемхрир») на самом деле, как он вспомнил, было всего лишь прилагательным со значениями «быстрый», «ловкий», «гибкий».

У него за спиной вздохнул и ожил Кью; он шевельнулся, сел, и Роканнон подошел к нему. Маленькие, не имеющие своего имени существа наблюдали за ними своими черными глазами внимательно и спокойно. Поднялся Яхан, за ним очнулся Могиен, которому, видно, вкололи самую большую порцию парализующего вещества, потому что сперва он даже не мог руку поднять. Один из коричневых пушистых малышей застенчиво показал Роканнону, что было бы неплохо растереть Могиену руки и ноги, что Роканнон и проделал, одновременно объясняя своим товарищам, что с ними случилось и где они оказались.

– Тот гобелен, – прошептал Могиен.

– О чем ты? – мягко спросил его Роканнон, думая, что он все еще не совсем пришел в себя, и молодой правитель Халлана пояснил:

– Тот гобелен – у нас дома... С крылатыми великанами...

И тут Роканнон вспомнил, как стоял вместе с Хальдре под вышитой на гобелене картиной – сражением светловолосых воинов с какими-то крылатыми людьми – в длинном парадном зале замка Халлан.

Кью, который внимательно наблюдал за киемхрир, протянул руку. Черномордый тут же подскочил к нему и положил свою крошечную черную беспалую ручонку в изящную продолговатую ладонь Кью.

– Повелители слов, – тихо промолвил фийян. – Любители слов, пожиратели слов, безымянные, маленький народец с огромной памятью. Неужели вы все еще помните речь Высоких, о киемхрир?

– Речь! Все еще! – воскликнул Черномордый.

Могиен с помощью Роканнона встал. Он казался замерзшим и измученным. Некоторое время он постоял возле мертвого Рахо, чье лицо выглядело просто ужасно при слепящем белом свете солнца, потом вежливо поздоровался с киемхрир и сказал Роканнону, что вроде бы пришел в себя.

– В крайнем случае, – сказал Роканнон, – если в этой стене нет ворот, можно попытаться взобраться на нее, сделав зарубки.

– Посвисти-ка лучше нашим Крылатым, господин мой, – робко предложил Яхан.

Тут было над чем подумать: свисток мог разбудить летающих обитателей купола, а спрашивать совета у киемхрир было бы слишком сложно. Поскольку летающие великаны вроде бы вели исключительно ночной образ жизни, путешественники все же решили попытаться. Могиен вытащил из-под плаща тоненькую дудочку, что всегда висела у него на ремне, и легонько дунул в нее; Роканнон даже ничего не расслышал, однако киемхрир вздрогнули. Через двадцать минут над куполом повисла огромная тень, покружила и снова устремилась на север; вскоре вернулись двое Крылатых и, быстро махая крыльями, опустились прямо посредине двора – полосатый зверь Роканнона и серый Могиена. Белого они с тех пор никогда не видели. Возможно, именно его высохшую мумию обнаружил Роканнон в золотистом полумраке купола: летучий кот стал пищей для детенышей этих ангелоподобных насекомых.

Коричневые существа явно боялись крылатых хищников. Элегантность их манер совершенно растворилась в этом страхе, и когда Роканнон попытался поблагодарить их и попрощаться с ними, Черномордый сумел лишь жалобным тоном простонать:

– О, лети, правитель! – стараясь держаться подальше от серой когтистой лапы Крылатого.

В часе лета от города-улья они обнаружили свое кострище, поклажу, плащи и шкуры, которые подстилали на землю во время ночевки. Все было нетронутым. На некотором расстоянии от лагеря валялись трупы трех летучих великанов, а рядом с ними – оба меча Могиена.

Один из них был словно откушен у самой рукояти. Оказывается, Могиен ночью проснулся и увидел этих «ангелов», склонившихся над Яханом и Кью. Один из них укусил его.

– И я сразу утратил способность говорить, – сказал Могиен. Но он все-таки вступил с ними в бой и убил троих, прежде чем парализующее вещество свалило его с ног. – Я слышал, как зовет на помощь Рахо. Три раза он звал меня, а я не мог ему помочь... – И он сел на землю среди поросших травой руин, переживших все имена и все легенды, положил на колени свой сломанный меч и не произнес более ни слова.

Они сложили огромный костер из веток и хвороста и возложили на него тело Рахо, унесенное из этого страшного города-улья; рядом с покойным положили его лук и стрелы. Яхан добыл огонь, и Могиен поджег погребальный костер. Потом они сели на Крылатых – Кью позади Могиена, а Яхан позади Роканнона – и стали кругами подниматься над столбом дыма, повалившего от жарко вспыхнувшего погребального костра, сложенного на залитой полуденным солнцем вершине холма в этой чужой стране.

И долго еще был им виден тонкий столб дыма над оставшейся позади равниной.

Киемхрир совершенно ясно дали понять, что путешественникам необходимо двигаться дальше и постараться позаботиться о ночлеге и часовых, иначе с наступлением темноты на них снова нападут ангелоподобные «насекомые». Так что ближе к вечеру они спустились на берег ручья, пробивавшегося между двумя тесно прижавшимися друг к другу, поросшими лесом холмами, и устроили себе лагерь в двух шагах от небольшого водопада. Здесь было сыrovато, но воздух был чистый, душистый и наполненный птичьим щебетом и прочей музыкой природы – просто душа отдыхала. На ужин товарищам Роканнона удалось поймать настоящий деликатес – каких-то неторопливо двигавшихся в своих раковинах «моллюсков», вкус которых они очень хвалили; однако Роканнон их есть отказался. У «моллюсков» на суставах недоразвитых конечностей и на хвосте сохранились остатки шерсти – это явно были вовсе не моллюски, а самые обыкновенные яйцекладущие, которых на этой планете было особенно много; вполне возможно, даже киемхрир были такими.

– Сам ешь, Яхан, – отмахнулся Роканнон. – Не могу я есть то, что в любую минуту может со мной заговорить! – У него живот сводило от голода, но он отошел и сел рядом с Кью.

Кью улыбнулся и потер оцарапанное плечо.

– Если бы можно было слышать, что говорят и все остальные... – пробормотал он.

– Тогда я, наверное, умер бы с голоду, – сказал Роканнон.

– Ну, зеленые-то существа всегда молчат, – сказал фийян, поглаживая ствол дерева жесткой корой, склонившегося над ручьем. Здесь, на юге, деревья, главным образом хвойные, как раз зацветали, и в лесу было полно пыльцы со сложными и различными запахами. Цветы здесь всегда отдавали пыльцу ветру – как цветущие травы, так и цветущие деревья: здесь не было ни насекомых, ни привычных глазу Роканнона цветов с лепестками. Весна в этом не имеющем своего названия мире вся была зеленой – темно-зеленой, светло-салатовой, – и лишь золотистая пыльца порой пролетала облачком на ветру.

Когда стемнело, Могиен и Яхан легли спать, вытянувшись у еще теплых угольев; костер они решили на ночь не оставлять, чтобы не привлекать внимания давешних «знакомцев». Как и предполагал Роканнон, фийян оказался куда менее восприимчивым к ядам, чем лийяр; он совершенно оправился и с удовольствием остался поболтать с Роканноном, усевшись в темноте на берегу ручья.

– Ты поздоровался с киемхрир так, словно давно и хорошо знаком с ними, – заметил Роканнон, и фийян ответил:

– То, что помнил один из нашей деревни, помнили и все остальные, Странник. А потому нам ведомо так много всяких сказок, слухов и слухков, правдивых историй и небылиц. Кто знает, насколько стары некоторые истории...

– И все-таки об этих летающих великанах ты ничего не знал?

Кью вроде бы сперва решил не отвечать, но потом все-таки заговорил:

– Фийя не помнят страха. Да и зачем его помнить? Мы свой выбор сделали. «Глиняным» мы оставили ночь, пещеры, мечи, а сами избрали другой путь – предпочли зеленые долины, солнечный свет, деревянные чаши. И поэтому мы считаемся полулюдьми. И мы многое забыли, многое! – Сегодня его голос звучал более решительно, более настойчиво, чем когда-либо, звонкий, перекрывающий даже шум ручья под берегом, на котором они сидели, даже шум водопада в узком горном ущелье. – С каждым днем мы все больше приближаемся к югу, и мне все чаще наяву видится то, о чем я знаю из сказок, которые мой народ так любит. Слишком многие сказки оказались правдой! А ведь мы по крайней мере половину из них успели забыть! О маленьких любителях слов, этих киемхрив, мы знаем из древних песен, которые поем вместе мысленно, но вот о летучих великанах мы забыли совсем. Мы, фийя, помним только друзей, а не врагов. Помним солнечный свет, а не тьму. И я, фийян, иду вместе со Странником на юг, прямо в мир наших легенд, и Странник не несет с собой меча, но мечтает услышать голос своего врага. Я еду верхом вместе с тем, кто переплыл океан Ночи, кто видел наш мир висящим, точно прекрасный синий камень, в черной пустоте. Я ведь только половинка человека. Я не могу уйти дальше холмов, окружающих мою долину. Я не могу пойти с тобой в эти высокие горы, Странник!

Роканнон легонько коснулся плеча Кью. И фийян сразу же успокоился и притих. Они сидели и слушали журчание бегущей воды, грохот водопада, смотрели, как звезды серым отблеском отражаются в воде ручья среди кусков плавника и водоворотов желтоватой пылицы с цветущих деревьев. Холодна как лед была эта вода, бегущая с южных гор.

Дважды в течение следующего дня видели они сверху далеко на востоке купола и расходящиеся от них, точно спицы в колесе, прямые улицы городов-ульев. В ту ночь они дежурили по двое. К началу следующей ночи они были уже далеко в предгорьях, и всю ночь дул ветер и лил дождь, и весь следующий день они тоже летели под дождем. Когда же рассеялись мрачные тучи, стало видно, что холмы с обеих сторон обступили высокие мрачные вершины. Миновала еще одна дождливая ночь, проведенная почти без сна на вершине холма под руинами очередной старинной башни, и поздним утром, миновав перевал, они вылетели в залитое солнцем пространство над уходящей к югу обширной долиной, за которой в туманной дымке виднелись далекие горы.

Теперь они летели все время прямо; справа, точно верстовые столбы, высились белые вершины. Долина казалась им широкой зеленой дорогой; ветер был прохладный, золотистый от пылицы, и Крылатые неслись на этом ветерке, точно просвеченные солнцем листья. В нежную весеннюю зелень внизу как бы вставлены были темно-зеленые самоцветы деревьев и кустов; над ними легкой сероватой дымкой проплывал туман. Крылатый Могиена вдруг сделал круг и пошел вниз; Кью показал Роканнону на раскинувшуюся внизу деревушку. Спускаясь на золотистом ветре, они увидели, что деревушка удачно расположена у подножия холма, возле нее протекает ручей, все вокруг залито солнечным светом, и из маленьких печных труб идет дымок. Стадо домашних Крылатых паслось за деревней, а в самом ее центре, в кругу маленьких домиков с разноцветными крышами и веселыми светлыми крылечками, высились пять огромных деревьев. Путешественники ступили на землю, и фийя, застенчивые и смеющиеся, вышли им навстречу.

Жители деревушки плохо говорили на «общем» языке; они вообще не привыкли говорить вслух. И все-таки путешественникам казалось, что они наконец вернулись домой, когда вошли в эти светлые, полные воздуха жилища и отведали вкусных кушаний из полированных деревянных мисок. Наконец-то можно было отдохнуть после скитаний по диким краям, от дождей, от ветра – отдохнуть и вкушать доброжелательного гостеприимства маленьких хозяев этого селения. «Странный народец, эти фийя, – думал Роканнон, – уклоняющийся от прямого общения, неуловимый, непоследовательный, но исключительно доброжелательный». Кью

назвал свой народ «полулюдьми», хотя сам Кьо уже не был одним из них. Он выглядел в точности как они, – в чистой новой одежде, которую они ему дали, – так же двигался, так же жестикулировал, но все же, стоя с ними рядом и окруженный ими, он заметно выделялся среди прочих фийя. Может быть, потому, что был для них чужаком и не мог как следует говорить с ними «без слов»? А может, из-за дружбы с Роканноном он настолько переменялся, что стал совсем другим существом – более одиноким, более замкнутым, более печальным и более самостоятельным – целым человеком, а не его «половинкой»?

Фийя сумели описать путникам местонахождение своей деревушки. За большим горным хребтом на западе лежала пустыня; им следовало лететь дальше на юг над долиной, стараясь держаться восточных гор, – лететь еще далеко, пока гряда сама по себе не повернет к востоку.

– А разве там нет перевалов? – спросил Могиен, и маленькие человечки заулыбались и сказали, что, конечно же, есть.

– А вы знаете, что за страна лежит за этими перевалами?

– Но они так высоко в горах, и там так ужасно холодно! – вежливо уклонились фийя от ответа.

Путешественники отдыхали в деревне два дня и две ночи, а потом снова двинулись в путь, нагруженные поклажей – дорожными сухариками и вяленным мясом, которое с удовольствием приготовили для них фийя, любящие делать подарки. Через два дня пути они добрались до другой деревушки маленького народца, где их снова приняли так радушно, точно они были здесь не чужаками, а родными людьми, возвращения которых все давно ждали. Стоило Крылатым коснуться земли, как множество фийя, мужчины и женщины, бросились им навстречу, здороваясь с Роканноном, который первым спрыгнул на землю: «Приветствуем тебя, Странник!» Это его озадачило, и все еще несколько удивленный, он вдруг догадался, что это вовсе не его прозвище; просто слово «олхор» имеет такое значение – «путник, странник, путешественник», – а ведь они и есть странники! И все-таки именно фийян Кьо дал ему это прозвище.

Еще через день во время вполне спокойного полета над долиной ему вдруг пришел в голову один вопрос, который он тут же задал Кьо:

– Скажи, а в твоей деревне тебя никак больше не называли? Было ли у тебя какое-нибудь собственное имя?

– Меня называли «пастух», или «младший братец», или «бегун» – я очень быстро бегал.

– Но ведь все это прозвища, описательные слова, такие же, как «странник». Вы, фийя, мастера давать прозвища. Вы каждого сразу награждаете какой-нибудь меткой кличкой – Властелин Звезд, Носитель Мечей, Золотоволосая, Повелитель Слов. Я думаю, ангьяр переняли свою любовь к прозвищам именно у вас. А все-таки неужели собственных имен у вас нет?

– Властелин Звезд, Великий Путешественник, Пепельноволосый Носитель Сокровища, – сказал Кьо и улыбнулся, – а что, собственно, ты называешь именем?

– Пепельноволосый? Я что же, поседел?... Нет, не могу я дать тебе точное определение человеческого имени. Мое имя было дано мне при рождении – Гаверел Роканнон. Вот я его произнес, но в нем не содержалось никакого описания моих качеств, и тем не менее я назвал себя. И когда я вижу какое-нибудь новое для меня дерево, я спрашиваю тебя, или Яхана, или Могиена, поскольку ты отвечаешь нечасто, – как оно называется, каково его имя. И не успокаиваюсь, пока это имя не узнаю.

– Что ж, дерево – это дерево; как и я – фийян; как и ты... а кто ты?

– Но ведь есть и какие-то различия! В каждой деревне я спрашиваю: как называются эти горы на западе, которые вы из своей деревни видите всю свою жизнь, и фийя отвечают: «Это горы, Странник!»

– Ну да, горы, – подтвердил Кьо.

– Но ведь есть и ДРУГИЕ горы! Вон, на востоке, горы пониже, хотя тянутся вдоль той же самой долины. Как же вы отличаете один горный хребет от другого, одно живое существо от другого – без имен?

Обхватив руками колени, фийян смотрел на сияющие в солнечном свете западные вершины гор. И Роканнон через некоторое время понял, что ответа ему не дожидаться.

Задули более теплые ветры, и долгие дни стали еще длиннее; лето наступало, а они с каждым днем все дальше и дальше продвигались к югу. Поскольку Крылатые летели с двойной нагрузкой, путешественники не спешили и часто останавливались на день-два, чтобы самим поохотиться и дать возможность поохотиться летучим котам. Но вот горная цепь, тянувшаяся с восточной стороны долины, начала сворачивать к востоку; было видно, что там она встречается с прибрежной грядой, которая и преградила им путь к морю. Зелень долины, точно волны прибоя выплескивавшаяся на холмы предгорий, здесь померкла. Только значительно выше появились зеленые и зелено-бурые пятна альпийских лугов; потом остались только серые скалы и каменистые осыпи; и наконец, чуть ли не на полпути к небесам засверкали исхлестанные ветрами белоснежные горные вершины.

Высоко в предгорьях они обнаружили деревушку фийя. Резкий холодный ветер хлестал по крышам легких домишек, гнал клубы синего печного дыма по улицам, испещренным полосою длинных вечерних теней. Как и всегда, принимали их любезно и радушно, подали свежей воды и вкусного мяса, зелень на деревянных блюдах; в домиках было тепло и уютно; пропыленную одежду путников выстирали и вытряхнули; Крылатых заботливо накормили, и живая, как ртуть, малышня принялась гладить и ласкать их. После ужина для гостей танцевали четыре прекрасные девушки; танцевали они без музыки, но их движения были так легки и грациозны, что танцовщицы казались бестелесными, воздушными существами, игрой света и тени в отблесках костра, ускользающими, летучими призраками. Роканнон с довольной улыбкой глянул на Кью, который, как всегда, сидел рядом с ним. Фийян тоже посмотрел на него, как-то очень мрачно, и вдруг сказал:

– Я останусь здесь, Странник.

Роканнон с трудом подавил рвущиеся из горла возражения и продолжал смотреть, как танцовщицы плетут прихотливый нематериальный рисунок танца воздушными своими движениями в неверном свете костра. Они точно создавали свою собственную музыку – из тишины, из ощущения необычности. Отблески огня на деревянных стенах тоже будто танцевали – меняли очертания, подпрыгивали, изгибались...

– Было предсказано: Странник сам выберет себе друзей. На время, правда.

Роканнон не понял, сам ли он это сказал, или Кью, или то говорила его память. Он помнил эти слова, помнил их и Кью. Девушки закончили танец и разошлись; тени их быстро пробежали по стенам вверх, золотом вспыхнули распущенные длинные волосы. Танцовщицы, у которых, как и у света и тени, не было собственных имен, замерли, застыли. Вот и у них с Кью кончился период их совместной жизни – сложный рисунок его был завершен, оставалось лишь поставить точку; далее лежала тишина.

Глава 8

За тяжело вздымающимися крыльями полосатого зверя Роканнон видел каменистую осыпь на склоне, круто уходящем вниз; ущелье было таким узким, что Крылатый чуть ли не задевал валуны, стремясь поскорее добраться до перевала. Роканнон пристегнул бедра особыми седельными ремнями, потому что порой налетали такие неожиданно сильные порывы ветра, что Крылатый терял равновесие. Защитного костюма он не снимал, чтобы не замерзнуть. За плечами Роканнона сидел Яхан, закутавшийся во все имевшиеся у них шкуры и плащи, но все равно совершенно закоченевший; Яхан даже специально пристегнул себя ремнями за руки

к седлу, потому что уже не доверял их хватке. Могиен, летевший далеко впереди на своем не так сильно нагруженном Крылатом, переносил холод и высоту гораздо лучше Яхана, и ему, судя по всему, даже радостно было вступить в эту схватку с неприступными вершинами.

Пятнадцать дней назад покинули они последнюю из деревушек фийя, попрощались с Кью и полетели дальше, в сторону громоздившихся в небесах горных вершин, где, как им казалось, имелся наиболее удобный коридор в этой неприступной скалистой стене. Фийя не сумели как следует указать им путь; стоило только заговорить о переходе через горы, как маленькие человечки тут же умолкали и трусливо прятали глаза.

Первые дни все шло хорошо, но по мере того, как они забирались выше в горы, Крылатые начинали все быстрее и быстрее уставать, ибо разреженный воздух не обеспечивал их легкие нужным количеством кислорода, к тому же стала мешать еще и холодная неустойчивая погода. В последние три дня они вряд ли покрыли более пятнадцати километров, да и то летели почти вслепую. Люди оставались голодными, отдавая почти все вяленое мясо Крылатым; сегодня утром Роканнон отдал зверям последнее, что оставалось в дорожных сумках. Если до вечера они не минуют перевал, то придется вернуться назад, в лесистую местность, где можно будет поохотиться и отдохнуть, а потом, естественно, начать все сначала. Похоже, сейчас они были на верном пути, но с восточных вершин дул пронзительный и холодный ветер, да и небо стало заволакивать белой мглой. Но Могиен упорно летел вперед, так что Роканнон заставил своего Крылатого следовать за ним. Он уже почти забыл, зачем ему нужно было перебраться через эти горы, помнил только, что должен попасть туда, на юг. Однако собственного мужества для выполнения этой задачи ему уже не хватало. Теперь он в этом отношении зависел от Могиена.

– По-моему, твое царство здесь, – сказал он молодому правителю Халлана вчера вечером, когда они обсуждали свой дальнейший маршрут, и Могиен, глядя на величественные ледяные пики, на бездонные пропасти, на скалы, снег и бескрайние небеса, ответил, как всегда, чуть надменно и спокойно:

– Да, это мое царство.

Сейчас он окликнул Роканнона, и тот попытался прищипорить своего Крылатого, сиюсья сквозь намерзшие на ресницах снежинки разглядеть проход в бесконечном хаосе каменистых склонов и осыпей. Вот он! Конек крыши этого мира: неожиданно как бы распались два склона, и в этом проеме Роканнон увидел обширную белую равнину – перевал. По обе стороны от этого коридора исхлестанные ветрами вершины упирались, казалось, прямо в небеса. Роканнон почти нагнал Могиена и видел теперь его беспечное лицо, слышал высокий пронзительный клич воина-победителя. Он продолжал лететь следом за Могиеном над белой равниной под белыми облаками, а вокруг уже плясали снежинки – не падали, а просто кружились в веселом танце, ведь это здесь была их родина, их дом. Полумертвый от голода и усталости, Крылатый Роканнона захлебывался при каждом взмахе крыльев. Могиен немного придержал своего серого, чтобы они не потеряли его из виду за снеговой завесой, но продолжал вести их вперед, и они старались не отставать.

И вдруг в мерцающей снежной мгле что-то блеснуло, легкое светлое пятнышко – солнце! Бледно-золотистые снежные просторы расстилались внизу. Потом вдруг этот волшебный сияющий мир исчез, и Крылатого подхватил мощный поток воздуха. Далеко внизу, очень далеко, сквозь легкую дымку виднелись крошечные долины, озера, посверкивал язык ледника, темнели зеленые пятна лесов. Крылатый под Роканноном качнулся и стал падать, подняв в воздух крылья. Он падал как камень, так что Яхан даже закричал от страха, а Роканнон закрыл глаза и ухватился покрепче за седло.

Крылья заработали снова, потом вздрогнули, остановились, снова заработали; падение замедлилось, перешло в осторожный спуск и прекратилось совсем. Крылатый, весь дрожа, упал, поджав лапы, на каменистую землю. Рядом серый Могиена пытался найти местечко поровнее, чтобы улечья. Могиен, соскочив с седла, кричал:

– Мы прошли его! Прошли! – Его смуглое живое лицо победоносно сияло. – Теперь мое царство по обе стороны этого хребта, Роканнон!.. Сегодня, пожалуй, прямо здесь и переночуем. А завтра Крылатые смогут поохотиться ниже по склону, в лесах, а мы постараемся спуститься пешком. Пошли, Яхан.

Яхан, скорчившись, сидел на заднем седле и был не в состоянии двинуться с места. Могиеиен вытащил его из седла и помог лечь в укрытии под огромным валуном. Хотя полуденное солнце светило вовсю, тепла оно давало маловато, не больше, чем Большая Звезда, и казалось замерзшим кристалликом света в этом мглистом небе юго-западной стороны; а ветер стал еще холоднее. Пока Роканнон распрягал Крылатых, Могиеиен, правитель Халлана, старался как-то помочь своему слуге, как-то отогреть замерзшего Яхана. Костер разжечь было не из чего – они еще не достигли зоны лесов. Роканнон стащил с себя защитный костюм и заставил Яхана надеть его, не обращая внимания на слабые и сердитые протесты ольгья. Сам же пока вернулся в шкуры. Крылатые и люди сбились в кучу, чтобы хоть немного согреться, а потом разделили остаток воды и сухариков, которыми их снабдили фийя. Ночь всплыла с лежащих внизу долин. Появились звезды, точно выпущенные этой тьмой на свободу, и две наиболее яркие луны зажглись в небесах – казалось, на расстоянии вытянутой руки.

Глубокой ночью Роканнон вдруг очнулся от крепкого сна. Все было залито звездным и лунным светом. Кругом стояла мертвая тишина. И было адски холодно. Яхан схватил его за руку и что-то лихорадочно зашептал. Роканнон посмотрел, куда указывал юноша, и увидел на валуне, выше по склону, какую-то тень – точно темный промельк на фоне звездного неба.

Как и та тень, которую они с Яханом видели тогда в прериях, далеко отсюда, тень была огромной и странно расплывчатой. Даже когда он смотрел прямо на нее, то смутно видел звезды, просвечивавшие насквозь, а потом вдруг тень куда-то бесследно исчезла. Слева от того места, где она только что была, сияла Хелики, опять убывающая и потому светившая довольно слабо.

– Да это просто лунный свет, Яхан, – прошептал Роканнон. – Ты постарайся уснуть. Просто тебе что-то привиделось, потому что у тебя жар.

– Нет, – спокойно промолвил рядом с ним Могиеиен. – Ему не привиделось, Роканнон. То была моя смерть.

Яхан сел; его трясло.

– Нет, господин мой, не твоя, это невозможно! Я видел эту тень и раньше, на равнинах, когда тебя с нами не было... И Странник тоже видел!

Призвав на помощь остатки здравого разума, научной умеренности и прежних жизненных правил, Роканнон попытался их урезонить:

– Не болтайте глупостей!

Но Могиеиен его будто не слышал.

– И я видел ее на равнинах – она искала меня. И еще два раза в горах. Чья еще это может быть смерть, если не моя? Твоя, Яхан? Может, ты у нас благородный ангья? Где же твой второй меч?

Больной Яхан в отчаянии попытался что-то пролепетать, но Могиеиен продолжал:

– И это не смерть Роканнона, потому что он еще не достиг своей цели. Человек может умереть где угодно, но собственную смерть правитель встречает только в своем царстве. И она ждет его в тех местах, что принадлежат ему одному, – на поле боя, или в зале его замка, или в конце пути. А здесь – мое царство. Из этих гор пришли мои далекие предки, и я вернулся назад. Мой второй меч был сломан в битве. Слушай, смерть: я наследник Халлана, Могиеиен, – узнаешь меня?

Легкий пронзительный ветерок пролетел над скалами. Валуны громоздились выше по склону, между ними ярко светили звезды. Один из Крылатых вздрогнул и всхрипнул.

– Тихо! – прикрикнул на него Роканнон. – Все это глупости. Успокойтесь и спите...

Но после этого он и сам не мог спать, а когда открывал глаза, ненадолго забывшись в полудреме, то видел, что Могиен сидит, прижавшись к боку своего серого, спокойный и ко всему готовый, и внимательно вглядывается в ночную тьму.

Ночь сменилась светом дня, и они отпустили Крылатых, чтобы те поохотились в лесах, а сами пошли вниз пешком. Они все еще находились на очень большой высоте, значительно выше зоны лесов, так что ощущали себя в безопасности только до тех пор, пока не переменится погода. Но не прошло и часа, как они поняли: Яхану самому вниз не спуститься. Задача была не такой уж сложной, но напряжение и усталость взяли над юношей верх: он просто не держался на ногах, не говоря уж о том, чтобы ползти по осыпям или висеть над пропастью, что им все же иногда делать приходилось. Еще один день передышки в защитном костюме Роканнона мог бы, пожалуй, несколько восстановить его силы, но это означало, что им придется еще одну ночь провести на высокогорье, без огня и укрытия и даже без еды. Могиен взвесил все «за» и «против», хотя, пожалуй, не слишком долго раздумывал, и предложил Роканнону остаться с Яханом в укрытой от ветра и залитой солнцем впадине; сам же он решил поискать более удобный спуск, где они смогли бы нести Яхана, или, по крайней мере, присмотреть такое место, где они могли бы укрыться от снега и ветра.

Когда он ушел, Яхан, лежавший в полуобморочном состоянии, попросил напиток. Фляжка была пуста. Роканнон велел юноше лежать смирно и вскарабкался метров на пять выше по скалистому склону, где в тенистой впадинке осталось еще немного снега. Подъем оказался труднее, чем он ожидал, и ему пришлось лечь и перевести дыхание. Он лежал на камнях и тяжело хватал ртом светлый чистый воздух; сердце билось в груди.

Послышался какой-то шум, который Роканнон сперва принял за биение собственного пульса. Потом рядом с собой заметил тонкую струйку воды и сел. Крошечный теплый ручеек стекал, исходя паром, по языку слежавшегося потемневшего снега. Роканнон поискал глазами его исток и увидел черную дыру под нависающим утесом: пещера! Пещера! На большее они и надеяться не могли – так утверждал его рациональный разум, хотя почему-то Роканнону было удивительно трудно сейчас удержаться на самом краю темной иррациональной пропасти – панического ужаса. Он сидел среди камней не шевелясь, охваченный самыми худшими подозрениями.

Прямо над ним в безоблачном небе сияло солнце, освещая серые скалы. Снежные горные вершины скрывал ближайший утес, а земли внизу – огромное белое облако тумана. Здесь не было ничего, совсем ничего на этой пустынной серой кромке мира, кроме него самого и черного разверстого зева пещеры среди валунов.

Довольно долго просидев без движения, он встал и пошел вперед, перешагнув через дымившийся среди камней ручеек и заговорил с тем, кто, как он знал отлично, ждал его внутри.

– Я пришел, – сказал он просто.

Тьма внутри чуть шевельнулась, и обитатель пещеры появился у ее входа.

Он был похож на «глиняных» – такой же приземистый и бледнолицый; однако чем-то напоминал и фийя – хрупкостью, ясным светом глаз. В общем, что-то взяв у обоих этих народов, он, однако, остался отличным от них. Волосы у него были белые. Голос и на голос-то похож не был – ибо звучал где-то в мозгу Роканнона, а уши слышали лишь негромкий свист ветра; да и слов никаких незнакомец вроде бы не произносил. И тем не менее он явно спросил Роканнона, чего тот хочет.

– Не знаю, – сказал Роканнон громко, охваченный страхом, но за него без слов ответила его твердая решимость: «Я пойду дальше на юг и найду своего врага, а потом его уничтожу!»

Свистел ветер; теплый ручеек весело болтал у его ног. Двигаясь неторопливо и легко, обитатель пещеры чуть посторонился, и Роканнон, нагнувшись, вошел в ее темный зев.

«Что ты дашь мне за то, что я дал тебе?»

«А что я должен отдать, о Древний?»

«То, что тебе дороже всего и что тебе отдавать хочется меньше всего».

«У меня нет ничего своего в этом мире. Что же могу я отдать?»

«Какую-нибудь вещь; или жизнь; или удачу; или свой глаз; или надежду; или возвращение в дорогое тебе место – точно называть не нужно. Ты и так выкрикнешь имя или название этого, когда его у тебя больше не будет. Ну, отдашь мне это по доброй воле?»

«Отдам, о Древний».

Наступила тишина, только слышно было, как воет ветер. Роканнон снова нагнулся и вышел из темной пещеры. Когда он выпрямился, красный свет ударил ему прямо в глаза – это был холодный рассвет над серо-багровым морем облаков.

Яхан и Могиен спали, обнявшись, в той самой низинке, где он оставил Яхана, под грудой шкур и плащей. Они не пошевелились, когда Роканнон подполз к ним.

– Проснитесь, – сказал он тихонько.

Яхан сел, лицо его в красном свете зари выглядело голодным и совсем юным.

– Странник! А мы думали... что ты ушел... мы думали, ты упал...

Могиен тряхнул своей желтой гривой, словно прогоняя остатки сна, и с минуту смотрел на Роканнона. Потом хрипло сказал, и в голосе его звучала нежность:

– Хорошо, что ты вернулся, Властелин Звезд, друг мой. Мы тебя ждали.

– Я встретил... я разговаривал с...

Могиен поднял руку, призывая его к молчанию:

– Ты вернулся. Я рад этому. Ну что, мы идем на юг?

– Да.

– Хорошо! – сказал Могиен.

И в этот миг Роканнону вовсе не показалось странным, что Могиен, который до сих пор вроде бы вел его за собой, теперь разговаривает с ним, как подданный со своим повелителем.

Могиен подул в свисток, но, хотя они ждали долго, Крылатые не явились. Они прикончили последнюю порцию питательных сухариков фийя и снова двинулись вниз. Тепло защитного костюма явно пошло Яхану на пользу, и Роканнон настоял, чтобы тот его пока не снимал. Молодому ольгья нужна была еда и настоящий отдых, чтобы вернуть силы, но в целом он пока мог продержаться, а им непременно нужно было спешить: следом за таким красным восходом почти наверняка придет непогода. Идти было не слишком трудно, но продвигались они медленно и очень устали. На середине пути, где-то уже ближе к полудню, появился один из Крылатых: серый Могиена выплыл из-за раскинувшегося внизу леса. Они нагрузили Крылатого седлами и упряжью, а также шкурами – все это они сейчас несли на себе, – и он полетел с ними рядом, то над ними, то чуть ниже, как ему больше нравилось, иногда издавая звонкий клич, призывая своего полосатого друга, который все еще охотился и пировал в лесах.

Примерно в полдень они достигли огромного гранитного «лба», по которому спуститься было почти невозможно. Они обвязали друг друга веревкой и поползли.

– С воздуха ты мог бы разглядеть и другую тропу, получше, Могиен, – сказал Роканнон. – Жаль, что не пришел и второй Крылатый. – У него было такое чувство, будто им нужно очень спешить; хотелось поскорее убраться с этого открытого участка горы и спрятаться среди деревьев.

– Твой Крылатый был слишком утомлен, когда мы его наконец отпустили; может, он до сих пор и не поел как следует. Мой все-таки нес не такую тяжесть. Я слетаю и посмотрю, какой ширины этот утес; может быть, мой Крылатый сумеет перенести нас всех троих, если тут всего несколько раз крыльями махнуть.

Он свистнул, и серый все с той же покорностью, которая не переставала удивлять Роканнона в столь крупном и прожорливом хищнике, подлетел к хозяину и аккуратно приземлился прямо на крутой склон, по которому они сползали. Могиен вскочил на него, громко, победо-

носно крикнул и полетел куда-то вбок; светлые волосы его вспыхнули на солнце, которое уже исчезало за грядой облаков.

По-прежнему дул холодный пронизывающий ветер. Яхан, скорчившись, прижался к скале и закрыл глаза. Роканнон устроился на крошечном выступе, глядя вдаль, на горную гряду, за которой, как он чувствовал, слабо мерцало в солнечных лучах море. Он не мог охватить взором все это неясное бескрайнее пространство, которое то и дело скрывали набегавшие облака и клочья тумана, но смотрел в одну точку, на юг, чуть восточнее той линии, на которой они сейчас находились. Он даже глаза закрыл. Прислушался – и услышал.

Странный дар получил он от обитателя пещеры, хранителя теплого источника в безымянных горах. Дар этот был больше, чем все то, о чем он мог бы попросить. Там, в темноте пещеры, его научили пользоваться всеми своими чувствами так, как он и другие земляне могли лишь мечтать, наблюдая подобные, очень редкие, свойства у представителей других миров, но к чему сами были абсолютно не способны, если не считать коротких всплесков озаренья да крайне редких исключений из общего правила. Стараясь сохранить в себе человека, Роканнон испуганно шаркался от той невероятно могущественной силы, которой хранитель источника обладал сам и которую предлагал другим. Дело в том, что в пещере он научился слышать чужие мысли, но только одного «вида» живых существ, обитающих во Вселенной: голоса своих врагов!

С помощью Кьо он уже постиг самые начатки телепатического общения; однако ни малейшего желания проникать в мысли своих товарищей он не испытывал, особенно в том случае, когда они не знают, о чем думает он сам. Понимание должно быть обоюдным для обеих сторон, если хочешь сохранить верность и любовь.

Но тех, кто убил его товарищей и нарушил мирный договор, тех, за кем он шпионил, кого он искал, он теперь слышал хорошо. И, сидя на этом гранитном «лбу», слушал мысли людей, находившихся далеко отсюда, в казарменных строениях, разбросанных на огромной территории среди округлых холмов, там, куда им было идти еще не меньше сотни километров. Невнятный разговор, шум, далекие ссоры, бурные споры, всплески эмоций... Он не знал, какой из голосов предпочесть; у него уже голова кружилась от невероятного объема различных сведений; он слушал – как младенец слушает взрослых, еще не различая их голоса. Те, кто рожден с глазами и ушами, должны научиться видеть и слышать, должны научиться выбирать конкретное лицо из множества перевернутых вверх ногами изображений, выбирать одно значение из множества слившихся в невнятный гомон слов. Хранитель источника обладал таким даром, о котором Роканнон когда-то лишь слышал в одном из миров, – умении распознавать в других телепатические способности; и он научил Роканнона, как ограничивать и направлять эти способности в себе, однако времени было мало, и он не успел научить его как следует пользоваться этим даром, не успел дать ему попрактиковаться. У Роканнона голова шла кругом от чужих и чуждых ему мыслей и чувств; тысячи чужаков толпились сейчас у него под черепом. Слов разобрать он не мог. «Разговор без слов» – так ангьяр называли это умение, сами им не обладая. То, что он «слышал», было не речью, а намерениями, мечтами, всякими иными чувствами, даже физическим восприятием чего-то – словом, разумно-чувственным восприятием действительности множеством различных людей, и все эти ощущения и чувства пересекались сейчас у него в мозгу, оставляя ужасные следы: страх или зависть, удовлетворение или желание спать, дикое, невыносимое головокружение, полупонимание, полуощущение... И вдруг из всего этого хаоса вынырнуло нечто совершенно ясное и отчетливое – контакт был более определенным, чем если бы Роканнону на обнаженное плечо кто-то положил свою теплую руку. Кто-то шел к нему: какой-то человек, вошедший с ним в телепатический контакт, ощутивший его мысленное присутствие. Вместе с этим ощущением возникли второстепенные – высокая скорость движения, ощущение замкнутого пространства, любопытство, страх...

Роканнон открыл глаза, глядя прямо перед собой, словно вот-вот увидит лицо того человека, чьи мысли он только что прочел. Он был близко; Роканнон был уверен, что он близко, и подходит еще ближе. Но ничего не было видно – только прозрачный воздух да все ниже опускавшиеся облака. На ветру уже кружились первые легкие снежинки. Слева от него небо закрывал огромный кусок скалы, преградившей им путь. Яхан подполз к Роканнону, глядя на него с испугом. Но успокоить Яхана он не мог, ибо присутствие того человека тяготило его, и он не мог нарушить контакт.

– Вон там... там... воздушный корабль, – пробормотал он хрипло, словно во сне. – Там! – Там, куда он указывал, не было ничего, только воздух да облака. – Там! – снова прошептал Роканнон.

Яхан, снова глянув туда, куда показывал Странник, вскрикнул. Прямо из-за утеса вылетел Могиен на сером Крылатом, а за ним, довольно далеко, за ключьями облаков виднелась более крупная черная тень, которая то повисала в воздухе, то начинала снова медленно приближаться к ним. Могиен скользнул вместе с потоком воздуха вниз, не замечая летящего предмета; лицо его было повернуто к горе, он искал своих товарищей – две крошечные фигурки среди гранита и облаков.

Черный предмет быстро увеличивался в размерах; он приближался к ним, лопасти винта со скрежетом и стуком вращались в горной тиши. Роканнон видел вертолет менее отчетливо, чем – мысленно – того человека, что был внутри. Он испытывал непонятное пока соприкосновение мыслей и чувств, сильный, ничему не подчиняющийся, неукротимый страх. Он шепнул Яхану: «Прячься!», но сам даже пошевелиться не смог. Вертолет точно обнюхивал скалу, ключья облаков отлетали от вращающегося винта. Даже видя, как он подлетает совсем близко, Роканнон смотрел на него как бы изнутри, даже не сознавая, что смотрит сейчас на эту скалу и себя самого глазами того, чужого человека, и видит на скале две маленькие фигурки, и страх, страх одолевает его... Вспышка огня, горячий болезненный удар, – боль Роканнон почувствовал в своем собственном теле, непереносимую боль. Мысленный контакт был прерван, точно его сдуло ветром. Роканнон снова стал самим собой и еле держался на крошечном гранитном выступе, прижимая правую руку к груди, задыхаясь, видя, как вертолет подлетает еще ближе, а лопасти винта вращаются с сухим оглушительным треском и лазерное оружие, установленное в носовой части, нацелено прямо на него.

Справа с порывом ветра и ключьями облаков вылетел серый крылатый зверь, верхом на котором сидел человек, кричавший громко и победно – точнее, Могиен не кричал, а громко хохотал. Один удар могучих серых крыльев – и Крылатый был брошен навстречу повисшей в воздухе машине, прямо ей в лоб. Раздался скрежет металла, который, казалось, вот-вот прервется ужасающим воплем, и тут же пространство перед Роканноном опустело.

Люди, прижавшиеся к скале, в ужасе смотрели перед собой. Ни звука не доносилось из пропасти, только проплывали, кружась, ключья облаков.

– Могиен!

Роканнон громко звал его, но ответа не было. Только боль, страх, тишина.

Глава 9

Дождь грохотал по крыше. В комнате стоял полумрак, дышать было легко.

Над его постелью склонилась женщина, чье лицо было ему хорошо знакомо – гордое, милое, темнокожее лицо в венце золотистых волос.

Он хотел сказать ей, что Могиен погиб, но слов этих произнести не мог. Он лежал, тоскуя, и все пытался решить загадку: он помнил, что Хальдре из Халлана была уже пожилой женщиной, седовласой, а эту, золотоволосую, он тоже знал, но когда-то давно, она уже умерла, да и

видел он ее лишь однажды – на планете, находящейся в восьми световых годах отсюда, когда его еще звали Роканнон, а не Странник...

Он снова попытался что-то сказать.

– Ш-ш-ш, – сказала она и прибавила на «общем» языке, хотя и с легким акцентом: – Лежи спокойно, господин мой. – Она осталась рядом и сама ответила на его незаданный вопрос: – Это замок Бренья. Ты пришел сюда с еще одним человеком по снегу, с высоких гор. Ты чуть не умер и до сих пор еще очень болен. У нас еще будет время поговорить...

Да, времени было достаточно, и оно текло как бы мимо него под мирный шум дождя.

На следующий день, а может, чуть позже, пришел Яхан, очень исхудавший, прихрамывающий, с незажившими еще следами обморожения. Но еще более странным была в нем новая манера вести себя – какая-то униженная покорность. Они немного поговорили, и Роканнон спросил, сам смущаясь:

– Ты что же, Яхан, боишься меня?

– Я постараюсь не бояться, господин мой, – заикаясь, пообещал юноша.

Когда Роканнон смог встать и спуститься в парадный зал замка, тот же благоговейный ужас был написан на всех лицах, что обернулись к нему, хотя все это были смелые и великодушные лица. Золотоволосые, темнокожие, высокие люди – старинная раса, от которой впоследствии отделилось и племя ангьяр, откочевавшее на север по морскому побережью. Это были настоящие лийяр, Хозяева Земли, самые древние обитатели этих южных предгорий и холмистых равнин.

Сперва он решил, что кажется им странным из-за своей внешности – темных волос, светлой кожи, – но Яхан был таким же, а Яхана они совсем не боялись. Хотя и обращались с юношей как с равным, что необычайно радовало и смущало бывшего раба из замка Халлан. А вот с Роканноном они обращались как с верховным правителем, чуть ли не как с божеством.

Единственной, кто разговаривал с ним, как с обыкновенным человеком, была Гейн, невестка и наследница старого хозяина замка, вдовствующая уже несколько месяцев; ее светловолосый маленький сынишка большую часть дня находился при ней. Ребенок был застенчивым, однако Роканнона совсем не боялся, напротив, очень к нему привязался и вечно задавал множество вопросов о горах, о северных землях, о море. Роканнон старательно отвечал. А мать мальчика всегда внимательно прислушивалась к их разговорам, безмятежная и ласковая, как солнечный свет, и порой оборачивалась, чтобы улыбнуться Роканнону, и лицо ее было так хорошо ему знакомо, хотя здесь он увидел эту женщину впервые.

Наконец Роканнон не выдержал и спросил Гейн, что они, собственно, думают о нем в замке Бренья, и она ответила честно:

– Они думают, что ты бог.

И употребила то самое слово, которое он давно уже взял на заметку, еще в толенской деревушке: педан.

– Но я вовсе не бог! – сказал он чуть ли не сердито.

Она даже рассмеялась.

– А почему они так решили? – продолжал допытываться он. – Неужели боги лийяр все седые, со скрюченными, изуродованными руками?

Лазерный луч, которым все-таки успел поразить его вертолетчик, разворотил ему правое запястье, так что он практически не мог управлять всей рукой.

– Почему бы и нет? – снова улыбнулась Гейн и с достоинством вздернула подбородок. – Но главным образом – потому, что ты спустился с гор.

Некоторое время он переваривал эти слова.

– Скажи мне, госпожа моя, а ты знаешь о... хранителе источника?

Лицо ее тут же помрачнело.

– Нам известны об этом древнем народе только легенды, созданные очень давно. Девять поколений правителей Бреньи сменили друг друга с тех пор, как Иоллт Высокослый ушел в горы и вернулся оттуда совсем другим человеком. Мы так и поняли: ты с ними тоже встречался, с Древнейшими...

– Как вы об этом догадались?

– Во сне ты бредил и все твердил о какой-то цене, о цене того дара, который получил, о Великой Цене. Иоллт тогда тоже заплатил... Ценой была твоя правая рука, не правда ли, господин мой? – спросила Гейн и вдруг смутилась, однако смотрела ему прямо в глаза.

– Нет. Я бы отдал обе руки, чтобы спасти то, что я потерял.

Он встал и подошел к окну. Комната располагалась в башне, и оттуда открывался вид на прекрасную холмистую равнину между далеким еще морем и горами. Сверху, с предгорий, на склонах которых высился замок Бренья, текла, извиваясь, река, становясь постепенно шире и ярко блестя среди более низких холмов на равнине, а потом исчезала в туманной дали, где лишь угадывались очертания деревень, возделанных полей и башен замков меж синих дождевых туч и проблесков ясного синего неба.

– Более прекрасной земли я в жизни не видел! – вырвалось у него. Он все еще думал о Могиене, который никогда уже не увидит своей древней родины.

– Для меня она уже не так прекрасна, как прежде.

– Почему же, госпожа моя?

– Из-за пришельцев!

– Расскажи мне о них.

– Они пришли в конце прошлой зимы; многие прилетели на больших воздушных кораблях; их оружие способно было сжечь все вокруг. Никто у нас и понятия не имел, из каких краев они сюда явились; никаких преданий о них не существовало. Теперь все земли между рекой Вьярн и морем захвачены ими. Они перебили или согнали с насиженных мест жителей целых восьми поместий. Мы, живущие в предгорьях, стали их пленниками; мы не осмеливаемся спуститься даже на наши старые пастбища, чтобы откормить скот. Мы сперва пытались сражаться с пришельцами. И моего мужа Ганинга они сожгли из своего смертоносного оружия. – Она быстро глянула на изуродованную, обожженную руку Роканнона и умолкла. Потом неуверенно продолжила: – Он... его убили во время первой оттепели, и за его смерть еще никто не отомстил. Мы склоняем головы и обходим стороной собственные владения – мы, Хозяева Земли! И нет такого человека, который смог бы отплатить проклятым пришельцам за смерть Ганинга!

«О святой гнев», – думал Роканнон, слыша в голосе Гейн отзвуки победоносного клича погибшего правителя Халлана.

– Они заплатят, госпожа моя, заплатят дорого. И за все. Ты ведь давно поняла, что никакой я не бог, но неужели ты считаешь меня обычным человеком?

– Нет, господин мой, – промолвила она. – Обычным я тебя не считаю.

Дни проходили за днями, долгие дни долгого лета. Белые вершины над замком Бренья поглубели, злаки в полях дали урожай, который убрали, а поля вспахали снова и засеяли, и вот уже тучные колосья опять наливались соком, когда однажды в полдень Роканнон сидел с Яханом во дворе замка и смотрел, как тренируют парочку молодых Крылатых.

– Знаешь, я ведь опять собираюсь на юг, – сказал Роканнон. – Но ты, Яхан, останешься здесь.

– Нет, Странник! Позволь мне пойти с тобой...

Яхан оборвал себя, вспомнив, возможно, тот туманный берег, где когда-то, горя жаждой приключений, не послушался Могиена. Роканнон усмехнулся и сказал:

– Лучше я пойду один. Так или иначе, это не займет много времени.

– Но я ведь поклялся служить тебе, Странник. Пожалуйста, позволь мне пойти с тобой!

– Все клятвы теряют силу, когда забываются имена. Ты поклялся верно служить Роканнону, но – по ту сторону гор. А в этой земле никаких рабов нет, и нет здесь человека по имени Роканнон. Прошу тебя как друга, Яхан, больше никому ничего не говори и меня ни о чем не проси, а просто оседлай завтра на заре халланского Крылатого.

Верный Яхан еще до восхода стоял во дворе, держа под уздцы Крылатого – того самого, полосатого. Зверь вскоре сам прилетел вслед за ними в замок Бренья, полузамерзший и умирающий от голода. Теперь шерсть его лоснилась, он был полон сил, урчал от нетерпения и помахивал своим полосатым хвостом.

– А ты надел свою вторую кожу, Странник? – шепотом спросил Яхан, пристегивая ноги Роканнона ремнями. – Говорят, эти пришельцы стреляют огнем по любому, кто пролетает вблизи их владений.

– Надел.

– Но меча-то не взял?..

– Нет. Меча не взял. Послушай, Яхан, если я не вернусь, найдешь в моей комнате сумку, а в ней кусок ткани, на которой... нарисовано много всяких вещей, например, изображена эта местность. Если кто-нибудь из представителей моего народа когда-нибудь прилетит сюда, отдай это им, хорошо? И ожерелье Семли тоже лежит в сумке. – Лицо Роканнона потемнело, и он на мгновение отвернулся. – Отдай его госпоже Гейн. Если, конечно, я сам не вернусь. Прощай, Яхан. Пожелай мне удачи.

– Пусть сгинут твои враги, не оставив наследников, – со свирепым видом выкрикнул Яхан, не скрывая слез, и выпустил поводья. Крылатый взмыл в теплое, почти бесцветное, будто выгоревшее летнее небо, развернулся, громко хлопая сильными крыльями, и, подхваченный северным ветром, исчез за ближними холмами. Яхан долго смотрел ему вслед. И долго еще после того, как Роканнон скрылся из виду и взошло солнце, высоко над землей в окне башни маячило смуглое милое женское лицо.

Странное то было путешествие: он летел в места, которых никогда не видел, но которые хорошо знал как бы изнутри благодаря сотням впечатлений других людей, которые «читал» теперь его мозг, так что он получил вполне адекватное представление о местности и существующих среди обитателей базы отношениях. Сто дней Роканнон провел в непрерывных тренировках, неподвижно сидя в своей комнате в замке Бренья, он учился воспринимать и анализировать полученную таким путем информацию, узнавая точное расположение каждого строения, каждого опорного пункта вражеской военной базы. И благодаря прямому воздействию чужого восприятия и собственной способности экстраполировать полученную информацию отлично знал теперь, что представляет собой эта база, зачем она там расположена, как попасть на ее территорию и где найти то, что ему нужно.

Однако оказалось удивительно трудно после стольких дней упорных занятий телепатией полностью отказаться от нее; как только он подлетел достаточно близко, ему пришлось полностью подавить в себе эту способность и пользоваться только обычными органами чувств – ушами, глазами – да собственной смекалкой. Случившееся тогда на гранитном «лбу» послужило ему суровым уроком: на близком расстоянии особо чувствительные индивиды способны ощутить твое телепатическое присутствие, хотя и неявно, скорее как тревожное предчувствие или страх. Он ведь тогда просто «притянул» вертолетчика к своей скале, точно попавшуюся на крючок рыбину, хотя сам вертолетчик, вероятнее всего, даже не понял, что заставило его лететь именно этим путем и стрелять по людям, прильнувшим к гранитному «лбу». И теперь, вступая на огромную территорию базы в одиночку, Роканнон не хотел, чтобы кто-либо обратил на него внимание; пусть его никто не замечает – ведь он явился сюда «аки тать в ночи».

На закате он привязал своего Крылатого на поляне в лесу, потом пешком спустился с холма и через несколько часов уже подходил к группе строений возле обширной забетонированной взлетной площадки для ракет. Ракета, правда, там была только одна, ею явно пользова-

лись редко, поскольку завезены уже были все необходимые материалы и люди. Бессмысленно было бы вести войну с помощью обычных транспортных ракет, когда до ближайшей цивилизованной планеты восемь световых лет пути.

База была огромной, прямо-таки пугающих размеров, причем большая часть ее территории и построек была отведена под казармы. Восставшие теперь почти всю свою армию сосредоточили здесь. Пока Лига зря тратила время, разыскивая смутьянов на их родной планете, они готовились к войне, обосновавшись на этой безымянной планете в полной уверенности, что здесь их никто не найдет. Роканнон успел уже узнать, что некоторые из огромных казарм сейчас пусты; контингент солдат и техников был, видимо, несколько дней назад послан на соседнюю планету, которую они, возможно, уже завоевали или же просто убедили ее население стать их союзниками. Но эта группа войск не вернется еще по крайней мере лет десять. Жители планеты Фарадей всегда были чрезвычайно самоуверенными. Должно быть, в этой войне они одерживают победу за победой. Для того чтобы действительно угрожать безопасности Лиги Миров, им не хватало только такой вот хорошо засекреченной военной базы, где имелось шесть тяжелых суперсветовых бомбардировщиков.

Роканнон выбрал такую ночь, когда из всех четырех лун только маленький, некогда притянутый планетой астероид Хелики светил в небе до полуночи. Когда он приблизился к ряду ангаров, похожих на цепь черных рифов на ровной серой поверхности этого бетонного моря, его не заметили, и он не ощущал рядом ничьего присутствия. Ограды не было, практически не было и постовых. Сторожевые функции выполняли роботы, которые обшаривали космическое пространство вокруг планет системы Фомальгаут. Да и в конце концов, чего им было бояться со стороны каких-то аборигенов, живущих в бронзовом веке?

Хелики светила всю, когда Роканнон вышел из тени, отбрасываемой ангарами, но почти скрылась за горизонтом, когда он достиг своей цели: перед ним стояли шесть суперсветовых ракет – точно шесть угольно-черных огромных яиц, укрытых маскировочной сетью, едва различимой в темноте. Деревья рядом, на опушке Виарнского леса, казались игрушечными.

Теперь Роканнону необходимо было вновь воспользоваться своими телепатическими способностями – вне зависимости от того, опасно это или нет. Он застыл в тени деревьев, напряженный, настороженный, стараясь заставить зрение и слух работать на полную мощность, и одновременно попытался мысленно проникнуть внутрь яйцевидных кораблей, обойти их вокруг. Он знал – по рассказам обитателей замка Бренья, – что в каждой из ракет сидит наготове пилот, сидит и ночью и днем, так что в случае необходимости корабли в любую минуту могут взлететь – возможно, в сторону Фарадея.

Такая необходимость, видимо, могла возникнуть только в одном случае: если центр управления базой, расположенный в четырех милях отсюда, у восточной границы территории, будет захвачен восставшими или же подвергнется бомбардировке. В таком случае пилоты всех кораблей должны мгновенно переместить их в безопасное место, пользуясь ручным управлением, ибо эти суперсветовики, подобно всем прочим космическим кораблям, имели и ручное управление, не зависящее от внешних условий и достаточно уязвимо компьютерного центра, связанного с источником питания. Однако взлететь на таком корабле означало совершить самоубийство; такого «путешествия» не выдержало бы ни одно живое существо. Так что каждый из этих пилотов был не только одержим страстью к математике, но и являлся фанатиком, готовым пожертвовать собственной жизнью. То были действительно избранные. Но даже избранных снедала скука – приходилось вечно сидеть и ждать маловероятного мгновения, когда блеснет яркой вспышкой их слава. На одном корабле, как определил Роканнон, было в эту ночь два человека. Оба были погружены в глубокие раздумья, склонившись над расчерченной на квадраты доской. Роканнон сопоставил эти данные с тем, что уже не раз мысленно наблюдал в предыдущие ночи, и догадался: они же играют в шахматы! Но мысли его уже понеслись дальше, к другому кораблю. Сейчас тот корабль был пуст!

Он быстро перебежал по серой, окутанной ночной дымкой бетонной площадке, скрываясь за отдельными деревцами, к пятому по счету кораблю, взобрался по трапу и нырнул в незапертый люк. Внутри этот корабль не был похож ни на один из знакомых ему. Он весь, казалось, состоял из гнезд для управляемых ракет, из пусковых установок, из компьютерных устройств и реакторов – какой-то кошмарный лабиринт смерти, где коридоры были достаточно широки для прохождения ракеты, способной стереть с лица планеты огромный город. У этого корабля, поскольку он весьма необычным способом проходил сквозь время и пространство, не было ни носа, ни хвоста, да и вообще в его конструкции, с первого взгляда, не было никакой логики; к тому же Роканнон не сумел прочесть надписи на пульте управления. И рядом не было ни одного живого существа, чьи знания он мог бы мысленно использовать как руководство к действию. Двадцать минут он потратил на то, чтобы отыскать сам пульт управления, методично осматривая помещение корабля, подавляя волнение и страх, заставляя себя не «включать» свой телепатический дар, чтобы отсутствующий в корабле пилот не ощутил ни малейшего беспокойства.

Лишь на мгновение, когда он наконец обнаружил и пульт управления, и ансибль и даже уже уселся перед ним, позволил он себе мысленно покинуть этот корабль и отправиться на соседний, где неуверенная рука пилота застыла в раздумье над белым слоном. Он тут же отключился. Запомнив координаты, которые обозначены были на приборной доске ансибля, он быстро заменил их другими – координатами исследовательской базы Лиги Миров в Кергелене. Это были единственные координаты, которые он всегда помнил, так что ему не нужен был никакой справочник. Он включил ансибль, и пальцы его забегали по клавиатуре.

Действовал он довольно неуклюже, одной левой, здоровой рукой; на небольшом темном экране вспыхивали буквы, составляя слова послания, одновременно возникавшего на экранах и в далеком городе на той планете, что находилась отсюда в восьми световых годах пути:

«Лиге Всех Миров. Срочно. Военная база мятежников с планеты Фарадей находится на Фомальгауте-II, на Юго-западном континенте планеты. Координаты: 28 градусов 28 минут северной широты, 121 градус 40 минут западной долготы, до ближайшей крупной реки около 3 километров на северо-восток. База замаскирована, однако с воздуха должна быть заметна как четыре квадрата из двадцати восьми казарм и ангаров на пусковой площадке; взлетная полоса расположена с востока на запад. Шесть суперсветовых бомбардировщиков находятся не на самой базе, а на открытой площадке к юго-западу от основного ракетодома, на опушке леса; они тщательно закамуфлированы и снабжены светопоглощающими устройствами. Прошу не наносить беспорядочных ударов по местности – жители планеты не являются союзниками мятежников. Я, Гаверел Роканнон, руководитель этнографической экспедиции на Фомальгауте-II и единственный из ее участников, уцелевший после нападения мятежников на наш корабль, передаю эти сведения с борта вражеского суперсветовика. До рассвета осталось около пяти часов».

Ему очень хотелось прибавить: «Дайте мне хотя бы часа два, чтобы выбраться отсюда», но он этого не сделал. Если фарадейцы его поймут, то обо всем сразу догадаются и, вполне возможно, перенесут свои суперсветовики в другое место. Он выключил ансибль и восстановил на его приборной доске прежние координаты. Пробираясь к выходу по огромным чудовищным коридорам, он снова мысленно проверил обстановку на соседнем корабле. Шахматисты встали из-за стола и ходили по кораблю. Он побежал – одинокая фигурка в полутемных безликих помещениях и соединяющих их коридорах. Сперва ему показалось, что он заблудился, не там свернул, однако вылетел он прямо к люку, мгновенно ссыпался по трапу и бросился сломя голову вдоль гигантского корабля, потом вдоль второго такого же и нырнул в лес.

Оказавшись в спасительной тени деревьев, Роканнон рухнул на землю, совершенно обесиленный. В груди жгло огнем, черные ветки над головой, казалось, совсем сомкнулись, и даже лунный свет не проникал сквозь них. Чуть переведя дыхание, он поспешил прочь – мимо раке-

тодрома, дальше, дальше, тем же путем, каким пришел сюда, по лесу, по холмам, и только свет снова взошедшей Хелики помогал ему видеть, куда он ступает, пока не вошла вторая луна, более яркая – Фени. Казалось, он не идет, а стоит на месте – время уходило с каждой секундой. Если они нанесут бомбовый удар по базе, пока он так близко от нее, ударная волна или всепожирающее пламя непременно нагонят его, и он изо всех сил продирался сквозь заросли и тьму, испытывая страх, который подавить было уже невозможно, и каждую секунду ожидая, что сзади вспыхнет чудовищный смертоносный свет. Но почему, почему же они медлят?

Еще далеко было до рассвета, когда Роканнон добрался до холма с раздвоенной вершиной, где оставил своего Крылатого. Зверь, раздраженный тем, что ему пришлось просидеть на привязи всю ночь, когда кругом полно отличной дичи, даже зарычал на Роканнона, но тот лишь обессиленно прислонился к его теплому плечу и немножко почесал Крылатого за ухом, вспоминая Кью.

Потом он вскочил в седло и попытался заставить Крылатого взлететь, что удалось не сразу. Зверь довольно долго лежал в позе сфинкса и не желал подниматься. Наконец он встал, протестуя подвивая, и побрел по земле на север, причем со сводившей Роканнона с ума медлительностью. Холмы и поля, заброшенные деревушки и огромные деревья уже стали видны довольно отчетливо, но только когда из-за восточных холмов выполз белый краешек солнца, Крылатый наконец взлетел, отыскал подходящий поток воздуха и поплыл в бледном свете зари над землей. Роканнон то и дело оглядывался. Но позади ничего не было – только мирные земли да туман в устье реки на западе. Он мысленно прислушался к тому, что творится в стане врага, и ощутил их мысли и предутренние сны – все шло как обычно.

Он сделал все, что мог. Надо было быть полным дураком, чтобы рассчитывать, что он сможет как-то помешать неизбежному. Что может один человек против целого народа, решившего разжечь войну? Совершенно измученный, без конца пережевывая свое позорное поражение, Роканнон мчался в сторону замка Бренья. Больше ему некуда было идти. Больше он уже не удивлялся тому, почему Лига так медлит с ударом. Они вообще не станут наносить удар. Они решили, что это просто ловушка, обман, или же, что вполне возможно, он просто забыл координаты Кергелена; в конце концов, одна неверно набранная цифра – и его послание полетело в пустоту. И ради этого погибли Рахо, Иот, Могиен? Ради посланного в никуда сообщения? А он останется здесь, в вечной ссылке, бесполезный, беспомощный, чужой...

В конце концов, это-то как раз не важно. Он – всего лишь одиночка. Судьба одного-единственного человека не имеет значения...

«А что же тогда имеет?»

Невыносимо было вновь вспоминать это! Он еще раз оглянулся – просто чтобы не видеть маячившего перед ним лица Могиена – и с криком прикрыл изуродованной рукой глаза: ярчайший свет высоченным столбом вспыхнул вдруг на равнине у него за спиной.

В вое и яростных порывах поднявшегося вслед за тем ветра перепуганный Крылатый бросился было вперед, потом резко пошел вниз и рухнул на землю. Роканнон выскочил из седла и бросился рядом с ним, закрыв голову руками. Но от одного он не мог защитить себя – нет, не от этого света, а от тьмы, что ослепила вдруг его душу, принесла ему единовременное ощущение гибели тысяч людей. Смерть, смерть, смерть – всюду смерть, и все это сразу же болью отдалось в его собственном теле и душе. А потом настала тишина.

Роканнон поднял голову и прислушался. И услышал ее, эту тишину.

Эпилог

На закате достигнув замка Бренья, Роканнон спустился на двор, слез с Крылатого и остановился с ним рядом – усталый седой человек с опущенной головой. Все светловолосые обитатели замка моментально собрались вокруг него и стали спрашивать, что это за громадный пожар случился на юге и правда ли то, что рассказывают: будто все пришельцы разом погибли. Странно было видеть их – только что собравшихся вокруг него, но уже знающих то, что и сам он только что узнал. Он поискал глазами Гейн. Увидев ее лицо, он обрел наконец дар речи и сказал, запинаясь:

– То место, где жили враги, уничтожено полностью. Сюда они больше не вернуться. Правитель вашего замка Ганинг отомщен. Как и правитель замка Халлан – мой друг Могиен. И все твои братья, Яхан; и жители деревни Кью; и мои друзья. Все враги теперь мертвы.

Люди расступились перед ним, и он вошел в замок один.

Вечером, через несколько дней после этих событий, ясным голубым вечером, наступившим после грозных дождей, Роканнон прогуливался с Гейн по мокрой еще террасе, и она спросила его, уедет ли он из замка Бренья. Он долгое время молчал. Потом заговорил:

– Не знаю. Яхан, по-моему, хотел бы вернуться на север, в Халлан. Здесь есть несколько человек, которые с удовольствием отправились бы в подобное путешествие с ним вместе. А Хозяйка замка Халлан ждет известий о своем сыне... Но Халлан – не дом мне. У меня вообще нет дома в этом мире. Я не принадлежу ему.

Она уже знала немного, кто он такой, а потому спросила:

– А твои соплеменники разве не прилетят за тобой?

Он окинул взором прекрасную страну, расстилавшуюся перед ним, сверкавшую в сумерках ленту реки и сказал:

– Возможно. Через восемь лет. Смерть они могут послать мгновенно, а вот жизнь прилетать не торопится... Да и кто они, мои соплеменники? Я уже не тот, что был раньше. Я сильно переменился; я пил из того источника, что высоко в горах. И я бы никогда больше не хотел оказаться там, где вновь могу услышать голоса моих врагов.

Они прошли рядом, в молчании, семь шагов до парапета башни, и Гейн, посмотрев в синеву небес, окаймленную темной громадой гор, сказала:

– Останься с нами.

Роканнон ответил не сразу.

– Останусь. На время.

Но оказалось – навсегда. Когда на планету вновь прилетели корабли Лиги и Яхан повел одну из исследовательских групп на юг, в замок Бренья, чтобы отыскать там Роканнона, он был уже мертв и обитатели замка оплакивали своего господина. Прибывших встретила вдова Роканнона, высокая и светловолосая, с великолепным сапфировым ожерельем на шее. И Роканнон так и не узнал, что Лига Миров дала этой планете его имя.

Планета изгнания

Глава 1 Пригоршня мрака

В последние дни последнего лунокруга Осени по умирающим лесам Аскатевара гулял ветер с северных хребтов – холодный ветер, несущий запах дыма и снега. Тоненькая, совсем невидимая в своих светлых мехах, точно дикий зверек, девушка Ролери все дальше углублялась в лес сквозь вихри опавших листьев. Позади остались стены, камень за камнем поднимавшиеся

все выше на склоне Тевара, и поля последнего урожая, где завершалась хлопотливая уборка. Она ушла одна, и никто ее не окликнул. Чуть заметная тропа, которая вела на запад, была исполосована бесчисленными бороздами – их оставили бродячие корни в своем движении на юг. Ролери то и дело перебиралась через рухнувшие деревья и огромные кучи сухих листьев.

Там, где у подножия Пограничной гряды тропа разветвлялась, Ролери пошла прямо, но не сделала и десяти шагов, как услышала позади ритмичный нарастающий шорох. Она быстро обернулась.

На северной тропе появился вестник. Его босые подошвы разметывали кипящий прибой сухих листьев, длинные концы шнура, стягивающего волосы, бились по ветру за плечами. Он бежал с севера – ровно, упорно, на пределе сил и, даже не взглянув на девушку у развилки, исчез за поворотом. Топот его ног затих в отдалении. Ветер подгонял его всю дорогу до Тевара, куда он нес известия, что надвигается буря, беда, Зима, война. Ролери равнодушно повернулась и пошла дальше по тропе, которая прихотливо петляла вверх, по склону, между огромными сухими стволами, стонавшими и скрипевшими от ударов ветра. Потом за гребнем запахнулось небо, а под небом лежало море.

Западный склон гряды был очищен от высохшего леса, и Ролери, укрывшись от ветра за толстым пнем, могла без помех рассматривать сияющий простор запада, бесконечное протяжение серых приморских песков и справа, совсем близко внизу, красные крыши обнесенного стенами города дальнерожденных на береговых утесах.

Высокие, ярко выкрашенные каменные дома уступами окон и крыш уходили к обрыву. За городской стеной, там, где утесы понижались к югу, на аккуратных террасах коврами раскинулись луга и поля, расчерченные правильными линиями дамб. А от городской стены на краю обрыва через дамбы и дюны, через пляж, над влажно поблескивающей прибрежной отмелью гигантские каменные арки вели к странному черному острову среди сверкающего песка. Черная глыба, вся в черной игре теней, круто вставала в полумиле от города над ровной плоскостью и искрящейся гофрировкой пляжа – мрачная несокрушимая скала, увенчанная куполами и башнями, вытесанными с искусством, недоступным ни ветру, ни морю. Что это могло быть такое – жилище, изваяние, крепость, могильник? Какие черные чары выдолбили камень и воздвигли этот немислимый мост в том былом времени, когда дальнерожденные были еще могучи и вели войны? Ролери пропускала мимо ушей путаные истории о колдовстве, без которых не обходилось ни одно упоминание о дальнерожденных, но теперь, глядя на черный риф среди песков, она испытывала незнакомое ощущение отчужденности – впервые в жизни она соприкоснулась с чем-то совсем ей чуждым, что было сотворено в одном из неведомых ей былых времен руками из иной плоти и крови, по замыслу, рожденному иным разумом. Эта черная громада казалась зловещей и неодолимо влекла ее к себе. Как завороченная она следила за крохотной фигуркой, которая шла по высокому мосту, – такая ничтожная в сравнении с его длиной и высотой, черная точка, черная черточка, ползущая к черным башням среди сверкающего песка.

Ветер здесь был менее холодным, солнечные лучи пробивались сквозь клубившиеся на западе тучи и золотили улицы и крыши внизу. Город манил ее своей чуждостью, и Ролери не стала больше медлить, собираться духом, а с дерзкой решимостью легко сбежала по склону и вошла в высокие ворота.

И там она продолжала идти все той же легкой, беззаботной походкой, но только из гордости: сердце ее отчаянно заколотилось, едва она ступила на серые безупречно ровные плиты странной улицы странного города. Ее взгляд торопливо скользил слева направо и справа налево по высоким жилищам, воздвигнутым целиком над землей, по их крутым крышам и окнам из прозрачного камня (значит, это была не сказка!) и по узким полоскам влажной земли, где пустили цепкие корни коллем и хадун – их плети с яркими багряными и оранжевыми листьями вились по голубым и зеленым стенам, оживляя серо-свинцовые тона поздней Осени. Многие

жилища у восточных ворот стояли пустые, краска на их стенах облупилась, окна зияли черными провалами. Она шла дальше, спускалась по лестницам, и жилища вокруг утратили заброшенный вид, а навстречу ей начали попадаться дальнерожденные.

Они глядели на нее. Ей доводилось слышать, будто дальнерожденные смотрят человеку прямо в глаза, но проверять этого она не стала. Во всяком случае, ее никто не остановил. Ее одежда походила на их одежду, да и кожа у некоторых из них, как она убедилась, искоса поглядывая по сторонам, было ненамного темнее, чем у людей. Но и не взглянув ни разу им в лицо, она ощущала неземную темень в их глазах.

Неожиданно улица вывела ее на широкое, открытое пространство правильной формы, очень ровное и все испещренное золотыми отблесками солнца, клонящегося к западу. По сторонам этого квадрата стояли четыре дома высотой с небольшую гору. У каждого по низу тянулись арки, а над ними правильно чередовались серые и прозрачные камни. Сюда вели только четыре улицы, и каждую можно было перегородить опускными воротами, подвешенными между стен четырех огромных домов. Значит, эта площадь – крепость внутри крепости или город внутри города. А над ней высоко в небо уходила вызолоченная солнцем башня, венчавшая один из домов.

Это было надежное место, но совсем пустое.

В углу на усыпанной песком площадке величиной с доброе поле играли сыновья дальнерожденных. Двое боролись – очень искусно и упорно, а мальчишки помоложе, в стеганых куртках и шапках, вооружившись деревянными мечами, рьяно разучивали удары. Глядеть на борцов было очень интересно: они неторопливо пританцовывали друг против друга и неожиданно схватывались с удивительной быстротой и грацией. Ролери, засмотревшись, остановилась возле двух высоких дальнерожденных в меховой одежде, которые молча наблюдали за происходящим. Когда старший борец внезапно перекувырнулся в воздухе и упал на мускулистую спину, она охнула почти одновременно с ним, а потом засмеялась от удивления и удовольствия.

– Отличный бросок, Джокенеди! – воскликнул дальнерожденный рядом с ней, а женщина по ту сторону площадки захлопала в ладоши. Младшие мальчишки, поглощенные своим занятием, продолжали наносить и отражать удары.

Она даже не знала, что чародеи растят воинов, да и вообще ценят силу и ловкость. Хотя она слышала про их умение бороться, они всегда рисовались ей горбунами, которые в темных логовах гнутся над гончарными кругами и длинными паучьими руками выделывают на них красивые сосуды из глины и белого камня, попадающие потом в шатры людей. Ей вспомнились всякие истории, слухи, обрывки сказок. Про охотника говорили, что «он удачлив, как дальнерожденный», а одну глину называли «чародейской землей», потому что чародеи ее очень ценили и давали за нее всякие вещи. Но толком она ничего не знала. Задолго до ее рождения Люди Аскатевара уже кочевали по северу и востоку своего Предела, и ей ни разу не пришлось помогать тем, кто отвозил зерно в житницы под Теварским холмом, а потому она не бывала на склонах западной гряды до этого лунокруга, когда все Люди Аскатевара собрались здесь со своими стадами и семьями, чтобы построить Зимний Город над подземными житницами. Об этом инорожденном племени она ничего, в сущности, не знает.

Тут она заметила, что победивший борец, стройный юноша, которого называли Джокенеди, уставился ей прямо в лицо, и, поспешно отвернувшись, попятилась со страхом и омерзением.

Он подошел к ней. Его обнаженные плечи и грудь блестели от пота, точно черный камень.

– Ты пришла из Тевара, верно? – спросил он на языке Людей, но выговаривая почти все слова как-то неправильно. Он улыбнулся ей, радуясь своей победе и стряхивая песок с гибких рук.

– Да.

– Чем мы можем тебе помочь? Ты чего-нибудь хочешь?

Он стоял совсем рядом, и она, конечно, не могла посмотреть на него, но его голос звучал дружески, хотя и чуть насмешливо. Мальчишеский голос. Она подумала, что он, наверное, моложе ее. Нет, она не позволит, чтобы над ней смеялись.

– Да, – сказала она небрежно. – Я хочу посмотреть черную скалу на песках.

– Так иди. Виадук открыт.

Она почувствовала, что он пытается заглянуть в ее опущенное лицо. И совсем отвернулась.

– Если кто-нибудь тебя остановит, скажи, что тебе показал дорогу Джокенеди Ли, – добавил он. – А может быть, проводить тебя?

Она даже не стала отвечать. Выпрямившись и опустив глаза, она направилась по улице, которая вела с площади на мост. Пусть ни один из этих скалящих зубы черных лжелюдей не смеет думать, будто она боится.

За ней никто не шел. Никто из встречных не обращал на нее внимания. Короткая улица кончилась. Между гигантскими пилонами виадука она оглянулась, потом посмотрела вперед и остановилась.

Мост был огромен – дорога для великанов. С гребня он казался хрупким, его арки словно летели над полями, над дюнами и песками. Но здесь она увидела, что он очень широк – двадцать мужчин могли бы пройти по нему плечом к плечу – и ведет прямо к высоким черным воротам в башне-скале. По краям он ничем не был отгорожен от воздушной пропасти. Идти по нему? Нет! Об этом и подумать нельзя. Такая дорога не для человеческих ног.

По боковой улице она вышла к западным воротам в городской стене, торопливо миновала длинные пустые загоны и стойла и выскользнула через калитку, чтобы вернуться назад, обогнув стены снаружи.

Здесь, где утесы понижались и в них там и сям были прорублены ступеньки, аккуратные полоски полей, залитые желтым предвечерним светом, дышали тихим покоем, а дальше за дюнами простирался широкий пляж, где можно поискать длинные зеленые морские цветы, которые женщины Аскатевара хранят в своих ларцах и по праздникам вплетают в волосы. Она вдохнула таинственный запах моря. Ей еще ни разу не доводилось гулять по морским пескам. А солнце еще только-только начинает клониться к закату. Она сбежала по ступеням, вырубленным в обрыве, прошла через поля, через дамбы и дюны и наконец оказалась на ровных сверкающих песках, которые простирались, куда хватало глаз, на север, на запад и на юг.

Дул ветер. Солнце светило негреющим светом. Откуда-то спереди, с запада, доносился неумолчный звук, словно вдали ласково рокотал могучий голос. Ее ноги ступали по твердому ровному песку, которому не было конца. Она побежала, наслаждаясь быстрым движением, остановилась, засмеялась от беспричинной радости и посмотрела на арки моста, мощно шагающие вдоль крохотной выходящей цепочки ее следов, потом снова побежала и снова остановилась, чтобы набрать серебристых ракушек, торчавших из песка. Позади нее на краю обрыва лепился город дальнерожденных, точно кучка пестрых камешков на ладони. Она еще не успела устать от соленого ветра, от простора и одиночества, а уже почти поравнялась с башней-скалой, которая черной стеной загродила от нее солнце.

В этой широкой и длинной тени прятался холод. Она вздрогнула и снова пустилась бежать, чтобы поскорее выбраться на свет, стараясь не приближаться к черной громадине. Она торопилась проверить, низко ли опустилось солнце и далеко ли ей еще бежать, чтобы увидеть вблизи морские волны.

Ветер донес до ее слуха еле слышный голос, который кричал непонятно, но так настойчиво, что она остановилась и испуганно поглядела через плечо на гигантский черный остров, встающий из песка. Не зовет ли ее это чародейское место?

В вышине на неогороженном мосту, над уходящей в скалу опорой, стояла черная фигура, такая далекая, и звала ее.

Она повернулась и побежала, потом остановилась, повернула назад. Ее захлестнул ужас. Она хотела бежать и не могла. Ужас давил ее, она не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой и стояла, вся дрожа, а в ушах нарастал рокочущий рев. Чародей на черной башне оплетал ее паутиной своего колдовства. Вскинув руки, он снова пронзительно выкрикнул слова, которых она не поняла: ветер донес их отзвук, точно зов морской птицы, – ри-и, ри-и! Рев в ушах стал еще громче, она скорчилась на песке.

Вдруг ясный и тихий голос внутри ее головы произнес: «Беги! Вставай и беги. К острову. Не медли. Беги!» И сама не зная как, она вскочила и поняла, что бежит. Тихий голос раздался снова – он направлял ее шаги. Ничего не видя, задыхаясь, она добралась до черных ступенек в скале и начала карабкаться по ним. За поворотом ей навстречу метнулась черная фигура. Она протянула руку и почувствовала, что ее втаскивают выше по лестнице. Потом пальцы, сжимавшие ее запястье, разжались, и она привалилась к стене, потому что у нее подгибались колени. Черная фигура подхватила ее, поддержала, и голос, прежде звучавший внутри ее головы, произнес громко:

– Смотри! Вот оно!

Внизу о скалу с грохотом ударился водяной вал. Кипящая вода, разделенная остовом, снова сомкнулась, и вал, весь в белой пене, с ревом покатился дальше, разбился на пологом склоне у дюн, лизнул их, и между ними и островом заплясали сверкающие волны.

Ролери, вся дрожа, цеплялась за стену. Ей никак не удавалось унять дрожь.

– Прилив накатывается сюда чуть быстрее, чем способен бежать человек, – произнес позади нее спокойный голос. – А глубина воды вокруг Рифа в прилив почти четыре человеческих роста. Нам надо подняться еще выше. Потому-то мы и жили здесь в старину. Ведь половину времени Риф окружен водой. Заманивали вражеское войско на пески перед началом прилива. Конечно, если они ничего про приливы не знали. Тебе уже легче?

Ролери слегка пожала плечами. Он как будто не понял, и тогда она сказала:

– Да.

Его речь была понятной, хотя он употреблял много слов, которых она не знала, а остальные почти все произносил неправильно.

– Ты пришла из Тевара?

Она снова пожала плечами. Ее мучила дурнота, к глазам подступали слезы, но она сумела их подавить. Поднимаясь по черным ступенькам еще одной лестницы, она поправила волосы и из-за их завесы искоса взглянула на лицо дальнерожденного – сильное, суровое, темное, с мрачными блестящими глазами, темными глазами лжечеловека.

– А что ты делала на песках? Разве никто не предупредил тебя о приливах?

– Я ничего не знала, – прошептала она.

– Но ваши Старейшины знают о них. Во всяком случае, знали прошлой Весной, когда ваше племя жило тут на побережье. Память у людей дьявольски короткая! – Говорил он недобрые вещи, но голос у него оставался спокойным и недобрым не был. – Вот сюда. И не бойся – здесь никого нет. Давно уже никто из ваших людей не бывал на Рифе.

Они вошли в темный проем туннеля и оказались в комнате, которую Ролери сочла огромной – пока не увидела следующей. Они проходили через ворота и открытые дворики, по галереям, висящим над морем, по комнатам и сводчатым залам – безмолвным, пустым, где обитал только морской ветер. Теперь резное серебро моря покачивалось далеко внизу. Она испытывала ощущение удивительной легкости.

– Здесь никто не живет? – спросила она робко.

– Сейчас нет.

– Это ваш Зимний Город?

– Нет. Мы зимуем в городе на утесах. Тут была крепость. В былые годы на нас часто нападали враги. А почему ты бродила по пескам?

– Я хотела увидеть.

– Увидеть что?

– Пески. Море. Сначала я прошла по вашему городу, я хотела увидеть.

Они поднялись на другую галерею, и у нее закружилась голова от высоты. Между стрельчатыми арками, крича, витали морские птицы. Последний коридор вывел их к поднятым воротам, под ногами загремело железо, из которого делают мечи, а потом начался мост. От башни к городу между небом и морем они шли молча, а ветер толкал их вправо – все время вправо. Ролери окоченела и совсем обессилела от высоты, от необычности всего, что ее окружало, от того, что рядом с ней идет этот темный лжечеловек.

Когда они вошли в городские ворота, он внезапно сказал:

– Я больше не буду говорить в твоих мыслях. Тогда у меня не было выбора.

– Когда ты велел мне бежать... – начала она и запнулась, потому что толком не понимала, что он имеет в виду и что, собственно, произошло там, на песках.

– Я думал, это кто-то из наших, – сказал он словно с досадой, но тут же справился с собой. – Не мог же я стоять и смотреть, как ты утонешь. Пусть и по собственной вине. Но не бойся. Больше я этого делать не буду, и никакой власти я над тобой не приобрел, что бы ни говорили тебе ваши Старейшины. А потому иди: ты вольна как ветер и сохранила свое невежество в полной неприкосновенности.

В его голосе и впрямь было что-то недоброе, и Ролери испугалась. Рассердившись на себя за этот страх, она спросила дрожащим, но дерзким голосом:

– А прийти еще раз я тоже вольна?

– Да. Когда захочешь. Могу ли я узнать твое имя, дочь Аскатевара?

– Ролери из Рода Вольда.

– Вольд – твой дед? Твой отец? Он еще жив?

– Вольд замыкает круг в Перестуке Камней, – сказала она надменно, стараясь не уронить своего достоинства.

Почему он говорит с ней так властно? Откуда у дальнерожденного, у лжечеловека без роду и племени, стоящего вне закона, такое суровое величие?

– Передай ему привет от Джакоба Агата альтеррана. Скажи ему, что завтра я приду в Тевар поговорить с ним. Прощай, Ролери.

Он протянул руку в приветствии равных, и, растерявшись, она прижала ладонь к его ладони. Потом повернулась и побежала вверх по крутой улице, вверх по ступенькам, натянув меховой капюшон на лоб и отворачиваясь от дальнерожденных, которые попадались ей навстречу. Ну почему они смотрят тебе прямо в лицо, точно мертвецы или рыбы? Животные с теплой кровью и Люди никогда не тарашатся друг на друга. Она вышла из ворот, обращенных к холмам, вздохнула с облегчением, быстро поднялась на гребень в гаснущих красных лучах заходящего солнца, спустилась со склона между умирающими деревьями и торопливо пошла по тропе, ведущей в Тевар. За жнивьем сквозь сгустившиеся сумерки мерцали звездочки очагов в шатрах, окружающих еще не достроенный Зимний Город. Она ускорила шаг – скорее туда, к теплу, к еде, к Людям. Но даже в большом женском шатре ее рода, стоя на коленях у очага и ужиная похлебкой вместе с остальными женщинами и детьми, она ощущала в своих мыслях что-то странное и чужое. Она сжала правую руку, и ей почудилось, что она хранит в ладони пригоршню мрака... прикосновение его руки.

Глава 2

В алом шатре

– Каша совсем остыла! – проворчал он и оттолкнул плетенку, а потом, когда старая Керли покорно взяла ее, чтобы подогреть бхану, мысленно обозвал себя сварливым старым дурнем. Но ведь ни одна из его жен – правда, теперь всего одна и осталась, – ни одна из его дочерей, ни одна из женщин его Рода не умеет варить бхановую кашу, как ее варивала Шакатани. Как она стряпала! И какой молодой была... последняя его молодая жена. Умерла в восточных угодьях, умерла молодой, а он все живет и живет – и вот уже скоро опять наступит лютая Зима.

Вошла девушка в кожаной куртке с выдавленным на плече трилистником – знаком его Рода. Внучка, наверное. Немного похожа на Шакатани. Он заговорил с ней, хотя и не припомнил ее имени:

– Это ты вчера вернулась поздней ночью, девушка?

Тут он узнал ее по улыбке и по тому, как она держала голову. Та маленькая девочка, с которой он любил шутить, – такая задумчивая, дерзкая, ласковая и одинокая. Дитя, рожденное не в срок. Да как же ее все-таки зовут?

– Я пришла к тебе с вестью, Старейший.

– От кого?

– Он назвался большим именем – Джакат-абатбольтерра. А может быть, и по-другому. Я не запомнила.

– Альтерран? Так дальнерожденные называют своих Старейшин. Где ты встретила этого человека?

– Это был не человек, Старейший, а дальнерожденный. Он шлет тебе привет и весть, что придет сегодня в Тевар поговорить со Старейшим.

– Вот как? – сказал Вольд и слегка потряс головой, восхищаясь ее дерзостью. – И ты, значит, его вестница?

– Он случайно заговорил со мной.

– Да-да. А знаешь ли ты, девушка, что у людей Пернмекского Предела незамужнюю женщину, которая заговорит с дальнерожденным, наказывают?

– А как наказывают?

– Не будем об этом.

– Пернмеки едят клоуб и бреют головы. Да и что они знают о дальнерожденных? Они же никогда не приходят на побережье. А в одном из шатров я слышала, будто у Старейшего в моем Роде была дальнерожденная жена. В былые дни.

– Это верно. В былые дни. – Девушка молча ждала, а Вольд вспомнил далекое прошлое, другое время, былое время – Весну. Краски, давно развеявшиеся сладкие запахи, цветы, отцветшие сорок лунокругов назад, почти забытый голос. – Она была молодой. И умерла молодой. Еще до наступления Лета. – Помолчав, он добавил: – Но это совсем не то же самое, что незамужней женщине разговаривать с дальнерожденным. Тут есть разница, девушка.

– А почему?

Несмотря на свою дерзость, она заслуживала ответа.

– Причин несколько, и не очень важных, и важных. Главная же такая: дальнерожденный берет всего одну жену, а истинная женщина, вступив с ним в брак, не будет рожать сыновей.

– Почему, Старейший?

– Неужто женщины больше не болтают в своем шатре? И ты в самом деле так уж ничего не знаешь? Да потому, что у Людей и дальнерожденных детей не может быть. Разве ты об этом не слышала? Либо брак остается бесплодным, либо женщина разрешается мертвым уродом. Моя жена Арилия, дальнерожденная, умерла в таких родах. У ее племени нет никаких брачных

правил. Дальнерожденные женщины, точно мужчины, вступают в брак с кем хотят. Но обычаем Людей нерушим: женщины делят ложе с истинными мужчинами, становятся женами истинных мужчин и дают жизнь истинным детям!

Она грустно нахмурилась, посмотрела туда, где на стенах Зимнего Города усердно трудились строители, а потом сказала:

– Прекрасный закон для женщин, которым есть с кем делить ложе.

На вид ей можно было дать лунокругов двадцать, – значит она родилась не в положенное время Года, а в Летнее Бесплодие. Сыновья Весны вдвое и втрое ее старше, давно женаты, и не один раз, и их браки не бесплодны. Осеннерожденные – еще дети. Но кто-нибудь из весеннерожденных еще возьмет ее третьей или четвертой женой, так что ей нечего сетовать. Пожалуй, надо бы устроить ее брак. Но с кем и в каком она родстве?

– Кто твоя мать, девушка?

Она поглядела в упор на застежку у его горла и сказала:

– Моей матерью была Шакагани. Ты забыл ее?

– Нет, Ролери, – ответил он после некоторого молчания. – Я ее не забыл. Но послушай, дочь, где ты говорила с этим альтерраном? Его зовут Агат?

– В его имени есть такая часть.

– Значит, я знал его отца и отца его отца. Он в родстве с женщиной, с дальнерожденной, о которой мы говорили. Кажется, он сын ее сестры или сын ее брата.

– Значит, твой племянник. И мой двоюродный брат, – сказала она и вдруг рассмеялась.

Вольд тоже усмехнулся такому неожиданному выведению родства.

– Я встретила его, когда ходила посмотреть море, – объяснила она. – Там, на песках. А перед этим я видела вестника, который бежал с севера. Женщины ничего не знают. Случилось что-нибудь? Начинается Откочевка на юг?

– Может быть, может быть, – пробормотал Вольд. Он уже опять не помнил ее имени. – Иди, девочка, помоги своим сестрам на полях, – сказал он и, забыв про нее и про бхану, которой так и не дождался, тяжело поднялся на ноги.

Обойдя свой большой, выкрашенный алой краской шатер, он посмотрел туда, где толпы людей возводили стены Зимнего Города и готовили земляные дома, и дальше – на север. Северное небо над оголенными холмами было в это утро ярко-синим, чистым и холодным.

Ему ясно припомнилась жизнь в тесных ямах под крутыми крышами – среди сотни спящих вповалку людей просыпаются старухи, разводят огонь в очагах, тепло и дым забираются во все поры его тела, пахнет кипящей в котлах зимней травой. Шум, вонь, жаркая духота этих нор под замерзшей землей. И холодное чистое безмолвие мира на ее поверхности, то выметенного ветром, то занесенного снегом, а он и другие молодые охотники уходят далеко от Тевара на поиски снежных птиц, кории и жирных веспри, что спускаются подо льдом замерзших рек с дальнего севера. Вон там, по ту сторону долины, из сугроба поднялась мотающаяся белая голова снежного дьявола. А еще раньше, прежде снега, льда и белых зверей Зимы, была такая же ясная погода, как сегодня, солнечный день, золотой ветер и синее небо, стынувшее над холмами. И он, нет, не мужчина, а совсем малыш, вместе с другими малышами и женщинами смотрит на плоские белые лица, на красные перья, на плащи из незнакомого сероватого перистого меха. Летающие голоса, он не понимает ни слова, но мужчины его Рода и Старейшины Аскатевара сурово приказывают плосколицым идти дальше. А еще раньше с севера прибежал человек с обожженным лицом, весь окровавленный, и закричал: «Гааль! Гааль! Они прошли через наше стойбище в Пекне!..»

Куда яснее любых нынешних голосов он и теперь слышал этот хриплый крик, донесшийся через всю его жизнь, через шестьдесят лунокругов, что пролегли между ним и тем малышом, который смотрел во все глаза и слушал, между этим холодным солнечным днем и

тем холодным солнечным днем. Где была Пекна? Затерялась под дождем и снегом, а оттепели Весны унесли кости убитых врасплох, истлевшие шатры, и память о стойбище, и его название.

Но на этот раз, когда гааль пройдет на юг через Пределы Аскатевара, убитых врасплох не будет! Он позаботился об этом. Есть польза и в том, чтобы прожить больше своего срока, храня воспоминания о былых бедах. Ни один клан, ни одна семья Людей Аскатевара не замешкалась в летних угодьях, и их уже не застанут врасплох ни гааль, ни первый буран. Они все здесь. Все двадцать сотен: осеннерожденные малыши мельтешат вокруг, как опавшие листья, женщины перекликаются и мелькают в полях, точно стаи перелетных птиц, а мужчины дружно строят дома и стены Зимнего Города из старых камней на старом основании, охотятся на последних откочевывающих зверей, рубят и запасают дрова, режут торф на Сухом Болоте, загоняют стада ханн в большие хлева, где их надо будет кормить, пока не прорастет зимняя трава. Все они, трудясь тут уже половину лунокруга, подчиняются ему, Вольду, а он подчиняется древним обычаям Людей. Когда придет гааль, они запрут городские ворота, когда придут бураны, они затворят двери земляных домов – и доживут до Весны. Доживут!

Он с трудом опустил на землю позади своего шатра и вытянул худые, исполосованные шрамами ноги, подставляя их солнечным лучам. Солнце казалось маленьким и белесым, хотя небо было прозрачно-ясным. Оно теперь было вдвое меньше, чем могучее солнце Лета, – даже меньше луны. «Солнце с луной сравнялось, ждуть холодов недолго осталось». Земля хранила сырость дождей, которые лили, не переставая, почти весь этот лунокруг. Там и сям на ней виднелись бороздки, которые оставили бродячие корни, двигаясь на юг. О чем бишь спрашивала эта девочка? О дальнерожденных? Нет, о вестнике. Он прибежал вчера (вчера ли?) и, задыхаясь, рассказал, что гааль напал на Зимний Город Тлокну на севере у Зеленых Гор. В его словах крылась ложь и трусость. Гааль никогда не нападает на каменные стены. Грязные плосконосые дикари в перьях, бегущие от Зимы на юг, точно бездомное зверье. Они не могут разорить город. Пекна – это было всего лишь маленькое стойбище, а не город, обнесенный стеной. Вестник солгал. Все будет хорошо. Они выживут. Почему глупая старуха не несет ему завтрак? А как тепло здесь, на солнышке.

Восьмая жена Вольда неслышно подошла с плетенкой бханы, над которой курился пар, увидела, что он уснул, досадливо вздохнула и неслышно вернулась к очагу.

Днем, когда угрюмые воины привели к его шатру дальнерожденного, за которым бежали малыши, с хохотом выкрикивая обидные насмешки, Вольд вспомнил, как девушка сказала со смехом: «Твой племянник, мой двоюродный брат». А потому он тяжело поднялся с сиденья и приветствовал дальнерожденного стоя, как равного, – отвернув лицо и протянув руку ладонью вверх.

И дальнерожденный без колебаний ответил на его приветствие как равный. Они всегда держались с такой вот надменностью, будто считали себя ничуть не хуже Людей, даже если сами этому и не верили. Этот был высок, хорошо сложен, еще молод, и походка у него, точно у главы Рода. Если бы не темная кожа и не темные неземные глаза, его можно было бы принять за человека.

– Старейший, я Джакоб Агат.

– Будь гостем в моем шатре и шатрах моего Рода, альтерран.

– Я слушаю сердцем, – ответил дальнерожденный, и Вольд сдержал усмешку: это был вежливый ответ в дни его отца, но кто говорит так теперь? Странно, как дальнерожденные всегда помнят старинные обычаи и раскапывают то, что осталось во времена минувших. Откуда такому молодому знать выражение, которое из всех людей в Теваре помнит только он, Вольд, да, может быть, двое-трое самых древних стариков? Еще одна их странность – часть того, что люди называют чародейством, из-за чего они боятся темнокожих. Но Вольд их никогда не боялся.

– Благородная женщина из твоего Рода жила в моих шатрах, и я много раз ходил по улицам вашего города, когда была Весна. Я не забыл этого. И потому говорю, что ни один воин Тевара не нарушит мира между нами, пока я жив.

– Ни один воин Космопора не нарушит его, пока я жив.

Произнося свою речь, старый вождь так растрогался, что у него на глазах выступили слезы, и он, смигивая их и откашливаясь, опустился на свой ларец, покрытый ярко раскрашенной шкурой. Агат стоял перед ним, выпрямившись: черный плащ, темные глаза на темном лице. Молодые воины, которые привели его, переминались с ноги на ногу, ребяташки, столпившиеся у откинутой полости шатра, подталкивали друг друга локтями и перешептывались. Вольд поднял руку, и всех как ветром сдуло. Полость опустилась, старая Керли развела огонь в очаге и выскользнула наружу. Вольд остался наедине с дальнерожденным.

– Садись, – сказал он.

Но Агат не сел.

– Я слушаю, – сказал он, продолжая стоять.

Раз Вольд не предложил ему сесть в присутствии других людей, он не сядет, когда некому видеть, как вождь приглашает его садиться. Все это Вольду сказала чутье, необычайно обострившееся за долгую жизнь, большую часть которой ему приходилось руководить Людями и их поступками. Он вздохнул и позвал надтреснутым басом:

– Жена!

Старая Керли вернулась и с удивлением посмотрела на него.

– Садись! – сказал Вольд, и Агат сел у очага, скрестив ноги. – Ступай! – буркнул Вольд жене. Она тотчас исчезла.

Молчание. Неторопливо и тщательно Вольд развязал кожаный мешочек, висевший на поясе его туники, вынул маленький кусок затвердевшего гезинового сока, отломил крошку, завязал мешочек и положил крошку на раскаленный уголь с краю очага. Поднялась струйка едкого зеленоватого дыма. Вольд и дальнерожденный глубоко вдохнули дымок и закрыли глаза. Потом Вольд откинулся на обмазанный смолой плетеный горшок, заменяющий отхожее место, и произнес:

– Я слушаю.

– Старейший, мы получили вести с севера.

– Мы тоже. Вчера прибежал вестник.

(Но вчера ли это было?)

– Он говорил про Зимний Город в Тлокне?

Старик некоторое время смотрел на огонь, глубоко дыша, словно гезин еще курился, и пожевывая нижнюю губу изнутри. Его лицо (и он это отлично знал) было тупым, как деревянная чурка, неподвижным, дряхлым.

– Я сожалею, что принес дурные вести, – сказал дальнерожденный своим негромким спокойным голосом.

– Не ты. Мы их уже слышали. Очень трудно, альтерран, распознать правду в известиях, которые доходят к нам издалека, от других племен в других Пределах. От Тлокны до Тевара даже вестник бежит восемь дней, а чтобы пройти этот путь с шатрами и стадами, нужен срок вдвое больше. Кто знает? Когда Откочевка достигнет этих мест, ворота Тевара будут готовы и замкнуты. А вы свой город никогда не покидаете, и, уж конечно, его ворота чинить не нужно?

– Старейший, на этот раз потребуются небывало крепкие ворота. У Тлокны были стены, и ворота, и воины. Теперь там нет ничего. И это не слухи. Люди Космопора были там десять дней назад. Они ждали на отдаленных рубежах прихода первых гаалей, но гаали идут все вместе.

– Альтерран, я слушал, теперь слушай ты. Люди иногда пугаются и убегают еще до того, как появится враг. Мы слышим то одну новость, то другую. Но я стар. Я дважды видел Осень, я видел приход Зимы, я видел, как идет на юг гааль. И скажу тебе правду.

– Я слушаю, – сказал дальнерожденный.

– Гааль обитает на севере, вдали от самых дальних Пределов, где живут Люди, говорящие одним с нами языком. Предание гласит, что их летние угодья там обширны, покрыты травой и простираются у подножия гор с реками льда на вершинах. Едва минует первая половина Осени, в их земли с самого дальнего севера, где всегда Зима, приходит холод и снежные звери, и, подобно нашим зверям, гаали откочевывают на юг. Они несут свои шатры с собой, но не строят городов и не запасают зерна. Они проходят Предел Тевара в те дни, когда звезды Дерева восходят на закате, до того, как впервые взойдет Снежная звезда и возвестит, что Осень кончилась и началась Зима. Если гаали натываются на семьи, кочующие без защиты, на охотничьи пастбища, на оставленные без присмотра стада и поля, они убивают и грабят. Если они видят крепкий Зимний Город с воинами на стенах, они проходят мимо, а мы пускаем два-три дротика в спины последних. Они идут все дальше и дальше на юг. Пока не остановятся где-то далеко отсюда. Люди говорят, что там Зима теплее, чем тут. Кто знает? Так откочевывают гаали. Я знаю. Я видел Откочевку, альтерран, я видел, как гаали возвращаются на север в дни таяния, когда растут молодые леса. Они не нападают на каменные города. Они подобны воде, текучей воде, шумящей между камнями. Но камни разделяют воду и остаются недвижимы. Тевар – такой камень.

Молодой дальнерожденный сидел, склонив голову, и размышлял – так долго, что Вольд позволил себе посмотреть прямо на его лицо.

– Все, что ты сказал, Старейший, правда, полная правда, и было неизменной правдой в былые Годы. Но теперь, теперь новое время. Я – один из первых моих людей, как ты – первый среди своих. Я прихожу как один вождь к другому, ища помощи. Поверь мне, выслушай меня: наши люди должны помочь друг другу. Среди гаалей появился большой человек, глава всех племен. Они называют его не то Куббан, не то Коббан. Он объединил все племена и создал из них войско. Теперь гаали по пути на юг не крадут отбившихся ханн, они осаждают и захватывают Зимние Города во всех Пределах побережья, убивают весеннерожденных мужчин, а женщин обращают в рабство и оставляют в каждом городе своих воинов, чтобы держать его в повиновении всю Зиму. А когда придет Весна и гаали вернутся с юга, они останутся здесь. Эти земли будут их землями – эти леса, и поля, и летние угодья, и города, и все люди тут – те, кого они оставят в живых.

Старик некоторое время смотрел в сторону, а потом произнес сурово, еле сдерживая гнев:

– Ты говоришь, я не слушаю. Ты говоришь, что моих Людей победят, убьют, обратят в рабство. Мои Люди – истинные мужчины, а ты – дальнерожденный. Побереги свои черные слова для собственной черной судьбы!

– Если вам грозит опасность, то наше положение еще хуже. Знаешь ли ты, сколько нас живет сейчас в Космопоре? Меньше двух тысяч, Старейший.

– Так мало? А в других городах? Когда я был молод, ваше племя жило на побережье и дальше к северу.

– Их больше нет. Те, кто остался жив, пришли к нам.

– Война? Моровая язва? Но ведь вы никогда не болеете, вы, дальнерожденные.

– Трудно выжить в мире, для которого ты не создан, – угрюмо ответил Агат. – Но как бы то ни было, нас мало, мы слабы числом и просим принять нас в союзники Тевара, когда придут гаали. А они придут не позже чем через тридцать дней.

– Раньше, если гааль уже в Тлокне. Они и так задержались, ведь в любой день может выпасть снег. Они спешат!

– Они не будут спешить, Старейший. Они движутся медленно, потому что идут все вместе – все пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч!

Внезапно Вольд увидел то, о чем говорил дальнерожденный: увидел неисчислимую орду, катящуюся плотными рядами через перевалы за своим высоким плосколицым вождем, увидел воинов Тлокны – а может быть, Тевара? – мертвых, под обломками стен их города, и кристаллы льда, застывающие в лужах крови... Он тряхнул головой, отгоняя страшное видение. Что это на него нашло? Он некоторое время сидел и молчал, пожевывая нижнюю губу изнутри.

– Я слышал тебя, альтерран.

– Но не все, Старейший!

Какая дикая грубость! Но что взять с дальнерожденного?! Да и потом, среди своих он – один из вождей... Вольд позволил ему продолжать.

– У нас есть время, чтобы подготовиться. Если Люди Аскатевара, Люди Аллакската и Пернмека заключат союз и примут нашу помощь, у нас будет свое войско. Оно встретит Откочевку на северном рубеже ваших трех Пределов, и гааль вряд ли решатся вступить в битву с такой силой, а вместо этого свернут к восточным перевалам. Согласно нашим хроникам, в былые Годы гаалы дважды выбирали этот восточный путь. А так как Осень на исходе, дичи мало и наступают холода, гаали, встретив готовых к битве воинов, наверное, предпочтут свернуть, чтобы продолжать путь на юг без задержки. Я думаю, что у Куббана есть только одна тактика: нападать врасплох, полагаясь на численное превосходство. Мы заставим их свернуть.

– Люди Пернмека и Аллакската, как и мы, уже ушли в свои Зимние Города. Неужели вы еще не узнали Обычая Людей? С наступлением Зимы никто не воюет и не сражается!

– Растволкуй этот Обычай гаалям, Старейший! Решай сам, но поверь моим словам!

Дальнерожденный вскочил, словно стремясь придать особую силу своим уговорам и предостережениям. Вольд пожалел его, как часто теперь жалел молодых людей, которые не видят всей тщеты стараний и замыслов, не замечают, как их жизнь и поступки проходят бесследно между желанием и страхом.

– Я слышал тебя, – сказал он почти ласково. – Старейшины моего племени услышат твои слова.

– Так можно мне прийти завтра и узнать?..

– Завтра или день спустя...

– Тридцать дней, Старейший! Самое большое – тридцать дней!

– Альтерран, гааль придет и уйдет. Зима придет и уйдет. Что толку в победе, если воины после нее вернуться в недостроенные дома, когда землю уже скует лед? Вот мы будем готовы к Зиме и тогда подумаем о гаале... Но сядь же... – Он снова развязал мешочек и отломил еще крошку гезина для прощального вдоха. – А твой отец тоже был Агат? Я встречал его, когда он был молод. И одна из моих недостойных дочерей сказала мне, что встретила тебя, когда гуляла на песках.

Дальнерожденный быстро вскинул голову, а потом сказал:

– Да, мы встретились с ней там. На песках между двумя приливами.

Глава 3

Истинное название солнца

Что вызывало приливы у этих берегов: почему дважды в день к ним стремительно подступала вода, катясь гигантским валом высотой от пятнадцати до пятидесяти футов, а потом опять откатывалась куда-то вдаль? Ни один из Старейшин города Тевара не сумел бы ответить на этот вопрос. Любой ребенок в Космопоре сразу сказал бы: приливы вызывает луна, притяжение луны.

Луна и земля обращаются вокруг друг друга, и цикл этот занимает четыреста дней – один лунокруг. Вместе же, образуя двойную планету, они обращаются вокруг солнца торжественным величавым вальсом в пустоте, длящимся до полного повторения шестьдесят лунокругов, двадцать четыре тысячи дней, целую человеческую жизнь – один год. А солнце в центре их орбиты, это солнце называется Эльтанин, Гамма Дракона.

Перед тем как войти под серые ветви леса, Джакоб Агат взглянул на солнце, опускающееся в туман над западным хребтом, и мысленно произнес его истинное название, означавшее, что это не просто солнце, но одна из звезд среди мириада звезд.

Сзади до него донесся ребячий голос – дети играли на склоне Теварского холма, и вспомнил злорадные, только чуть повернутые прочь лица, насмешливый шепот, за которым прятался страх, вопли у него за спиной: «Дальнерожденный идет! Бегите сюда посмотреть на него!» И здесь, в одиночестве леса, Агат невольно ускорил шаг, стараясь забыть недавнее унижение. Среди шатров Тевара он чувствовал себя униженным и мучился, ощущая себя чужаком. Он всегда жил в маленькой сплоченной общине, где ему было знакомо каждое имя, каждое лицо, каждое сердце, и лишь с трудом мог заставить себя разговаривать с чужими. А особенно – когда они принадлежат к другому биологическому виду и полны враждебности, когда их много и они у себя дома. Теперь он с такой силой ощутил запоздалый страх и муки оскорбленной гордости, что даже остановился. «Будь я проклят, если вернусь туда! – подумал он. – Пусть старый дурень верит чему хочет и пускай коптитесь в своем вонючем шатре, пока не явится гааль. Невежественные, самодовольные, нетерпеливые, мучномордые, желтоглазые дикари, тупоголовые врасу! Да гори они все!»

– Альтерран?

Его догнала девушка. Она остановилась на тропе в нескольких шагах от него, упершись ладонью в иссеченный бороздами белый ствол батука. Желтые глаза на матово-белом лице горели возбужденно и насмешливо. Агат молча ждал.

– Альтерран? – повторила она своим ясным мелодичным голосом, глядя в сторону.

– Что тебе нужно?

Девушка отступила на шаг.

– Я Ролери, – сказала она. – На песках...

– Я знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я? Я лжечеловек, дальнерожденный. Если твои соплеменники застанут тебя за разговором со мной, они либо изуродуют меня, либо подвергнут тебя ритуальному опозориванию, – я не знаю, какого именно обычая придерживаются у вас. Уходи домой!

– Мои соплеменники так не делают. А ты и я, мы в родстве, – сказала она упрямо, но ее голос утратил уверенность.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Сестра твоей матери умерла в наших шатрах.

– К нашему вечному стыду, – сказал он и пошел дальше. Она осталась стоять на тропе.

У развилки, перед тем как свернуть налево, к гребню, он остановился и поглядел назад. В умирающем лесу все было неподвижно, и только в опавших листьях шуршал запоздалый

бродячий корень, который с бессмысленным упорством растения полз на юг, оставляя за собой рыхлую бороздку.

Гордость истинного человека не позволяла ему устыдиться того, как он обошелся с этой врасу: наоборот, ему стало легче, и он снова обрел уверенность в себе. Нужно будет свыкнуться с насмешками врасу и не обращать внимания на их самодовольную нетерпимость. Они не виноваты. В сущности, это то же тупое упрямство, как вон у того бродячего корня, – такова уж их природа. Старый вождь искренне убежден, что встретил его со всемерной учтивостью и был очень терпелив. А потому он, Джакоб Агат, должен быть столь же терпеливым и столь же упорным. Ибо судьба жителей Космопора – судьба человечества на этой планете – зависит от того, что предпримут и чего не предпримут племена местных врасу в ближайшие тридцать дней. Еще до того, как снова взойдет молодой месяц, история шестисот лунокругов, история десяти Лет, двадцати поколений, долгой борьбы, долгих усилий, возможно, оборвется навсегда. Если только ему не улыбнется удача, если только он не сумеет быть терпеливым.

Огромные деревья, высохшие, с обнаженными трухлявыми корнями, тянулись унылыми колоннадами или беспорядочно теснились на склонах гряды у тропы и на много миль вокруг. Их корни истлевали в земле, и они готовы были рухнуть под ударами северного ветра, чтобы тысячи дней и ночей пролежать под снегом и льдом, а потом в долгие оттепели Весны гнить, обогащая всей своей гекатомбой почву, где в глубоком сне покоятся их глубоко погребенные семена. Терпение, терпение.

Подхлестываемый ветром, он спустился по светлым каменным улицам Космопора на площадь и, обогнув арену, где занимались физическими упражнениями школьники, вошел под арку увенчанного башней здания, которое все еще носило древнее название – Дом Лиги.

Подобно остальным зданиям вокруг площади, Дом Лиги был построен пять Лет назад, когда Космопор был еще столицей сильной и процветающей колонии, во времена могущества. Весь первый этаж занимал обширный Зал Собраний. Его серые стены были инкрустированы изящными золотыми мозаиками. На восточной стене стилизованное солнце окружали девять планет, а напротив, на западной стене, семь планет обращались по очень вытянутым эллиптическим орбитам вокруг своего солнца. Третья планета в обеих системах была двойной и сверкала хрусталем. Круглые циферблаты с тонкими изукрашенными стрелками над дверью и в дальнем конце зала показывали, что идет триста девяносто первый день сорок пятого лунокруга Десятого местного Года пребывания колонии на Третьей планете Гаммы Дракона. Кроме того, они сообщали, что это был сто второй день тысяча четыреста пятого года по летоисчислению Лиги Всех Миров, двенадцатое августа на родной планете.

Очень многие полагали, что никакой Лиги Миров давно нет, скептики же любили задавать вопрос, а была ли когда-нибудь «родная планета». Но часы, которые здесь, в Зале Собраний, и внизу, в Архиве, шли вот уже шестьсот лиголет, самим своим существованием и точностью словно подтверждали, что Лига во всяком случае была и что где-то есть родная планета, родина человечества. Они терпеливо отсчитывали время планеты, затерявшейся в бездне космического мрака и столетий. Терпение, терпение.

Наверху, в библиотеке, другие альтерраны уже ждали его возле очага, где горел плавник, собранный на пляже. Когда подошли остальные, Сейко и Элла Пасфаль зажгли газовые горелки и привернули пламя. Хотя Агат не сказал еще ни слова, его друг Гуру Пилотсон, встав рядом с ним у огня, сочувственно произнес:

– Не расстраивайся из-за них, Джакоб. Стадо глупых упрямых кочевников! Они никогда ничему не научатся.

– Я передавал?

– Да нет же! – Гуру засмеялся. Он был шуплый, быстрый, застенчивый и относился к Агату с восторженным обожанием. Это было известно не только им обоим, но и всем окружающим, всем обитателям Космопора. В Космопоре все знали все обо всех, и откровенная пря-

мота, хотя и сопряженная с утомительными психологическими нагрузками, была единственным возможным решением проблемы парасловесного общения.

– Видишь ли, ты явно рассчитывал на слишком многое и теперь не можешь подавить разочарование. Но не расстраивайся из-за них, Джакоб. В конце-то концов, они всего только врасу!

Заметив, что их слушают, Агат ответил громко:

– Я сказал старику все, что собирался. Он обещал сообщить мои слова их Совету. Много ли он понял и чему поверил, я не знаю.

– Если он хотя бы выслушал тебя, уже хорошо. Я и на это не надеялась, – заметила Элла Пасфаль, иссохшая, хрупкая, с иссиня-черной кожей, морщинистым лицом и совершенно белыми волосами. – Вольд даже не мой ровесник, он старше. Так разве можно ожидать, чтобы он легко смирился с мыслью о войне и всяких переменах?

– Но ему же это должно быть легче, чем другим, ведь он был женат на женщине нашей крови, – сказал Дермат.

– Да, на моей двоюродной сестре Арили, тетке Джакоба, – экзотический экземпляр в брачной коллекции Вольда. Я прекрасно помню этот роман, – ответила Элла Пасфаль с таким жгучим сарказмом, что Дермат стусевался.

– Он не согласился нам помочь? Ты рассказал ему про свой план встретить гаалей на дальнем рубеже? – пробормотал Джокенеди, расстроенный новостями.

Он был молод и мечтал о героической войне с атаками под звуки фанфар. Впрочем, и остальные предпочли бы встретиться с врагом лицом к лицу: все-таки лучше погибнуть в бою, чем умереть от голода или сгореть заживо.

– Дай им время. Они согласятся, – без улыбки сказал Агат юноше.

– Как Вольд тебя принял? – спросила Сейко Эсмит, последняя представительница знаменитой семьи. Имя Эсмит носили только потомки первого главы колонии. И оно умрет с ней. Она была ровесницей Агата – красивая, грациозная женщина, нервная, язвительная, замкнутая. Когда Совет собирался, она смотрела только на Агата. Кто бы ни говорил, ее глаза были устремлены на Агата.

– Как равного.

Элла Пасфаль одобрительно кивнула.

– Он всегда был разумнее остальных их вожаков, – сказала она.

Однако Сейко продолжала:

– Ну а другие? Тебе дали спокойно пройти мимо их шатров?

Сейко всегда умела распознать пережитое им унижение, как бы хорошо он его ни замаскировывал или даже заставлял себя забыть. Его родственница, хотя и дальняя, участница его детских игр, когда-то возлюбленная и неизменный верный друг, она умела мгновенно уловить и понять любую его слабость, любую боль, и ее сочувствие, ее сострадание смыкались вокруг него, точно капкан. Они были слишком близки. Слишком близки – и Гуру, и старая Элла, и Сейко, и все они. Ощущение полной отрезанности, испугавшее его в этот день, на мгновение распахнуло перед ним даль, приобщило к тишине одиночества и пробудило в нем неясную жажду. Сейко не спускала с него глаз, кротких, нежных, темных, ловя каждое его настроение, каждое слово. А девушка врасу, Ролери, ни разу не посмотрела на него прямо, не встретила с ним глазами. Ее взгляд все время был устремлен в сторону, вдаль, мимо – золотой, непонятный, чуждый.

– Они меня не остановили, – коротко ответил он Сейко. – Завтра они, может быть, придут к какому-нибудь решению. Или послезавтра. А сколько запасов доставлено сегодня на Риф?

Разговор стал общим, хотя то и дело возвращался к Джакобу Агату или сосредоточивался вокруг него. Некоторые члены Совета были старше его, но, хотя эти десятеро, избравшиеся на десять лиголет, были равны между собой, все же постепенно он стал их неофициальным

главой и они, как правило, полагались на его мнение. Решить, что отличало его от остальных, было непросто, – может быть, энергия, сквозившая в каждом его движении и слове. Но как проявляется способность руководить – в самом ли человеке или в поведении тех, кто его окружает? Тем не менее одно отличие заметить было можно: постоянную напряженность и мрачную озабоченность, порождаемые тяжким бременем ответственности, которое он нес уже давно и которое с каждым днем становилось все тяжелее.

– Я допустил один промах, – сказал он Пилотсону, когда Сейко и другие женщины, входившие в Совет, начали разносить чашечки с горячим настоем листьев батука, церемониальным напитком ча. – Я так старался доказать старику, насколько опасны гаали, что, кажется, начал передавать. Правда, не парасловами, но все равно у него был такой вид, будто он увидел привидение.

– Эмоции ты всегда проецируешь мощно, а вот контроль, когда ты волнуешься, никуда не годится. Вполне возможно, что он и правда увидел привидение.

– Мы так долго не соприкасались с врасу, так долго варились в собственном соку, общаясь только между собой, что я не могу полагаться на свой контроль. То я передаю девушке на пляже, то проецирую образы на Вольда. Если так пойдет и дальше, они снова вообразят, что мы колдуны, и возненавидят нас, как в первые годы. А нам нужно добиться их доверия. И времени почти не остается. Если бы мы узнали про гаалей раньше!

– Ну, поскольку других человеческих поселений на побережье больше нет, – сказал Пилотсон с обычной обстоятельностью, – мы хоть что-то узнали только благодаря твоему предусмотрительному совету послать разведчиков на север. Твое здоровье, Сейко! – добавил он, беря у нее крохотную чашечку, над которой поднимался пар.

Агат взял последнюю чашечку с подноса и выпил ее одним глотком. Свежесваренный ча слегка стимулировал восприятие, и он с пронзительной остротой ощутил его вяжущий вкус и живительную теплоту, пристальный взгляд Сейко, простор почти пустой комнаты в отблесках пламени, сгущающиеся сумерки за окном. Голубая фарфоровая чашечка в его руке была старинной – изделие Пятого Года. Старинными были и напечатанные вручную книги в шкафчиках под окнами. Даже стекла в оконных рамах были старинными. Весь их комфорт, все, благодаря чему они оставались цивилизованными, оставались альтерранами, было очень старым. Задолго до его рождения у обитателей колонии уже не хватало ни энергии, ни досуга для новых утверждений человеческого дерзания и умения. Хорошо хоть, что они еще способны сохранять и беречь старое.

Постепенно, Год за Годом, на протяжении жизни по крайней мере десяти поколений, их численность неуклонно сокращалась: детей рождалось все меньше, казалось бы, совсем немного, но всегда меньше. Они перестали расширять свои поселения, начали их покидать. Прежние мечты о большой процветающей стране были полностью забыты. Они возвращались (если только из-за своей слабости не становились жертвами Зимы или враждебного племени местных врасу) в древний центр колонии, в первый ее город – Космопор. Они передавали своим детям старые знания и старые обычаи, но не учили их ничему новому. Их жизнь становилась все более скромной, и простота теперь ценилась больше сложности, покой – больше борьбы, стоицизм – больше успеха. Они отошли на последний рубеж.

Агат, разглядывая чашечку в своих пальцах, увидел в ее нежной прозрачности, в совершенстве ее формы и хрупкости материала как бы символ и воплощение духа их всех. Сумерки за высокими окнами были такими же прозрачно-голубыми. Но холодными. Голубые сумерки – неизмеримые и холодные. И Агат вдруг испытал прилив безотчетного ужаса, словно в детстве: планета, на которой он родился, на которой родился его отец и все его предки до двадцать третьего колена, не была его родной. Они здесь – чужие. И всегда ощущали это. Ощущали, что они – дальнерожденные. И мало-помалу, с величественной медлительностью, с неосмысленным упорством эволюционного процесса эта планета убивала их, отторгая чужеродный привой.

Быть может, они слишком покорно подчинились этому процессу, слишком, слишком легко смирились с неизбежностью вымирания. С другой стороны, именно готовность подчиняться – непоколебимо подчиняться Законам Лиги – с самого начала стала для них источником силы, и они все еще сильны, каждый из них. Но у них недостает ни знаний, ни умения, чтобы бороться с бесплодием и с патологическим течением беременности, которые все больше сокращают численность каждого нового поколения. Ибо не вся мудрость записана в Книгах Лиги, и день ото дня, из Года в Год крупницы знания теряются безвозвратно, заменяясь полезными сведениями, помогающими существовать здесь и сейчас. И в конце концов они перестали понимать многое из того, чему учат их книги. Что по-настоящему сохранилось от их наследия. Если и правда когда-нибудь, согласно былым надеждам и старым сказкам, корабль спустится со звезд на крыльях огня, признают ли их людьми те люди, которые выйдут из него?

Но корабль так и не прилетел... и никогда не прилетит. Они вымрут. Их жизнь здесь, их долгое изгнание и борьба за то, чтобы уцелеть в этом мире, окончатся, не оставят следа, рассыпавшись прахом, точно комочек глины.

Он бережно поставил чашку на поднос и вытер пот со лба. Сейко внимательно смотрела на него. Он резко отвернулся от нее и заставил себя слушать то, что говорили Джокенеди, Дермат и Пилотсон. Но сквозь туман нахлынувших на него зловещих предчувствий на миг и без всякой связи с ними, и все же словно объяснение и затмение, перед его мысленным взором возникла светлая и легкая фигура девушки Ролери, испуганно протягивающей к нему руку с темных камышей, к которым уже подступило море.

Глава 4

Сильные молодые люди

Над крышами и недостроенными стенами Зимнего Города разнесся стук камня о камень – глухой и отрывистый, он был слышен во всех высоких алых шатрах вокруг города. Ак-ак-ак-ак. Этот звук раздавался очень долго, а потом в него вдруг вплелся новый стук – кадак-ак-ак-кадак. И еще один – более звонкий, прихотливо прерывистый, и еще, и еще, пока отдельные ритмы не затерялись в лавине сухих дробных ударов камня о камень, уже неотличимых друг от друга в беспорядочном грохоте.

Лавина стука все катилась, оглушая и не смолкая ни на миг. И наконец Старейший из Людей Аскатевара вышел из своего шатра и медленно направился к Городу между рядами шатров и пылающих очагов, над которыми поднимались струи дыма, колеблясь в косых лучах предвечернего предзимнего солнца. Грузно ступая, старик в одиночестве прошествовал через стоянку своего племени, через ворота Зимнего Города и по узкой тропе, вившейся среди крутых деревянных крыш, единственной надземной части зимних жилищ, вышел на открытое пространство, за которым опять начинались крутые крыши. Там сто с лишним мужчин сидели, упершись подбородками в колени, и, как замороженные, стучали камнем по камню. Вольд сел на землю, замкнув круг. Он взял меньший из двух лежащих перед ним тяжелых, гладко отполированных водой камней и, с удовольствием ощущая в руке его вес, ударил по большому камню – клак! Клак! Клак! Справа и слева от него продолжался оглушительный стук, тупой монотонный грохот, сквозь который, однако, временами прорывался четкий ритм. Он исчезал, возникал снова, на миг придавая стройность хаотической какофонии. Вольд уловил этот ритм, встроился в него и уже не сбивался. Шум словно исчез, и остался только ритм. И вот уже сосед слева тоже начал отбивать этот ритм – их камни поднимались и опускались в одном дружном движении. И сосед справа, и сидевшие напротив – теперь они тоже четко били в лад. Ритм вырвался из хаоса, подчинил его себе, соединил все борющиеся голоса в полное согласие, слил их в могучее биение сердца Людей Аскатевара, и оно стучало, стучало, стучало.

Этим исчерпывалась вся их музыка, все их пляски.

Наконец какой-то мужчина вскочил и вышел на середину круга. Грудь его была обнажена, руки и ноги разрисованы черными полосами, волосы окружали лицо черным облаком. Ритмичный стук замедлился, затих, замер вовсе.

– Вестник с севера рассказал, что гааль движется Береговым Путем. Их очень много. Они пришли в Тлокну. Все слышали про это?

Утвердительный ропот.

– Тогда выслушайте человека, по чьему слову вы сошлись на этот Перестук Камней, – выкрикнул шаман-глашатай, и Вольд с трудом поднялся на ноги.

Он остался стоять на месте, глядя прямо перед собой, грузный, весь в шрамах, неподвижный, как каменная глыба.

– Дальнерожденный пришел в мой шатер, – сказал он надтреснутым, старческим басом. – Он вождь в Космопоре. И он сказал, что дальнерожденных осталось мало и они просят помощи у Людей.

Главы кланов и семей, неподвижно сидевшие в круге, подняв колени к подбородку, разразились громкими возгласами. Над ними, над деревянными крышами, высоко в холодном золотистом свете парила белая птица, предвестница Зимы.

– Этот дальнерожденный сказал, что Откочевка движется не кланами и племенами, а единой ордой во много тысяч и ведет ее сильный вождь.

– Откуда он знает? – крикнул кто-то во весь голос.

В Теваре на Перестуке Камней ритуал соблюдался не особенно строго – не так, как в племенах, которые возглавляли шаманы. В Теваре они никогда не имели такого влияния.

– Он посылал лазутчиков на север, – столь же громогласно ответил Вольд. – Он сказал, что гааль осаждают Зимние Города и захватывает их. А вестник сообщил, что так случилось с Тлокной. Дальнерожденный говорит, что воинам Тевара нужно в союзе с дальнерожденными, а также с Людьями Пернмека и Аллакската отправиться на северный рубеж нашего Предела – все вместе мы заставим Откочевку свернуть на Горный Путь. Он сказал это, и я услышал. Каждый ли из вас услышал?

Возгласы согласия прозвучали недружно и смешались с бурными возражениями. На ноги вскочил глава одного из кланов:

– Старейший! Из твоих уст мы всегда слышали только правду. Но когда говорили правду дальнерожденные? И когда это Люди слушали дальнерожденных? Дальнерожденный говорил, но я ничего не услышал. Если Откочевка сожжет его Город, что нам до этого? Люди там не живут! Пусть они погибают, и тогда мы, Люди, возьмем себе их Предел.

Говорил Вельмек, дюжий, темноволосый, набитый словами. Вольд его всегда недолюбливал и теперь ответил неприязненно:

– Я слышал слова Вельмека. И не в первый раз. Люди ли дальнерожденные или нет – кто знает? Может быть, они и правда упали с неба, как повествует сказание. Может быть, нет. В этом Году никто с неба не падал. Они выглядят как Люди, они сражаются как Люди. Их женщины во всем походят на наших женщин – это говорю вам я! У них есть своя мудрость. И лучше выслушать их.

Когда он упомянул дальнерожденных женщин, угрюмые лица вокруг расплылись в усмешках, но он уже жалел о своих словах. Ни к чему было напоминать им об узах, некогда связывавших его с дальнерожденными. И вообще не следовало говорить о ней: как-никак она была его женой.

Вольд удрученно опустил на землю, показывая, что больше он говорить не будет.

Однако многих встревожил рассказ вестника и предупреждение Агата, и они вступили в спор с теми, кто был склонен отмахнуться от новостей или объявить их ложью. Умаксуман, один из весеннерожденных сыновей Вольда, любивший военные набеги и стычки, открыто поддержал план Агата и высказался за поход к северному рубежу.

– Это хитрость! Наши воины уйдут на север, там их задержит первый снег, а дальнерожденные тем временем угонят наши стада, уведут наших жен и опустошат наши житницы! Они не Люди, и в них нет ничего, кроме коварства и обмана! – надрывался Вельмек, которому редко выпадал случай дать волю красноречию по столь благодарному поводу.

– Они всегда подбирались к нашим женщинам, ничего другого им и не нужно! Как же им не чахнуть и не вымирать, если у них родятся одни уроды! Они подбираются к нашим женщинам, чтобы растить человеческих детей, точно собственных детенышей! – возбужденно кричал довольно молодой глава семьи.

– А что, если дальнерожденный сказал правду? – спросил Умаксуман. – Что, если гаали пройдут через наш Предел всем скопом, тысячами и тысячами? Мы готовы дать им отпор?

– Но стены не кончены, ворота не поставлены, последний урожай еще не убран, – возразил кто-то из пожилых, и этот довод был куда более веским, чем тайное коварство дальнерожденных.

Если сильные молодые мужчины отправятся на север, сумеют ли женщины, дети и старики закончить все необходимые работы в Зимнем Городе до наступления Зимы? Может быть, успеют, может быть, нет. Слишком уж многим должны они рискнуть, положившись всего лишь на слова дальнерожденного.

Сам Вольд ни к какому решению не пришел и ждал, что скажут Старейшины. Ему понравился дальнерожденный, назвавшийся Агатом, – он не казался ни лжецом, ни легковерным

простаком. Но как знать наверное? Все Люди порой становятся чужими друг другу, а не только чужаки. Как тут разобраться? Возможно, гаали и идут единым войском. Но Зима-то придет обязательно. Так от какого врага защищаться сначала?

Старейшины склонялись к тому, чтобы ничего не предпринимать, однако Умаксуман и его сторонники все-таки настояли на том, чтобы послать вестников в соседние Пределы Аллакскат и Пернмек и узнать, что они скажут о плане совместной обороны. Этим все и ограничилось. Шаман отпустил тощую ханну, которую привел на случай, если будет решено начать войну – такое решение обретало силу, лишь подкрепленное ритуальным побиением камнями, – и Старейшины разошлись.

Вольд сидел у себя в шатре с мужчинами своего Рода над горшком горячей бханы, когда снаружи послышался шум. Умаксуман вышел, крикнул кому-то, чтобы они убирались подальше, и вернулся в большой шатер с Агатом, дальнерожденным.

– Добро пожаловать, альтерран! – сказал старик и, злокозненно покосившись на двух своих внуков, добавил: – Не хочешь ли сесть и разделить с нами нашу еду?

Он любил ошарашивать людей. Всю жизнь любил. Потому-то в былые дни он так часто и наведывался к дальнерожденным. А кроме того, это приглашение рассеяло мучивший его стыд: все-таки не следовало упоминать перед другими мужчинами о дальнерожденной девушке, которая когда-то стала его женой.

Агат, такой же невозмутимый и серьезный, как и в прошлый раз, принял приглашение и съел столько каши, сколько требовали приличия. Пока они ужинали, он молчал и, только когда жена Уквета выскользнула из шатра с остатками трапезы, наконец сказал:

– Старейший, я слушаю.

– Слушать тебе придется немного, – ответил Вольд и рыгнул. – Вестники побегут в Пернмек и Аллакскат. Но мало кто согласился на войну. С каждым днем холод все сильнее, и спасение – только изнутри стен, только под крышами. Мы не странствуем в былых временах, как вы, но мы знаем, каким всегда был Обычай Людей, и следуем ему.

– Ваш Обычай хорош, – сказал дальнерожденный. – Настолько хорош, что гаали переняли его у вас. В былые Зимы вы были сильнее, чем гаали, потому что ваши кланы встречали их вместе, а они шли разрозненно. Но теперь и гаали поняли, что сила – в числе.

– Только если эта весть – не ложь! – крикнул Уквет, который приходился Вольду внуком, хотя был старше его сына Умаксумана.

Агат молча посмотрел на него, и Уквет тотчас отвернулся, избегая прямого взгляда темных глаз.

– Если это ложь, то почему гаали так задержались на своем пути к югу? – спросил Умаксуман. – Почему они медлят? Когда-нибудь прежде они дожидались, пока не будет убрано последнее поле?

– Кто знает? – сказал Вольд. – В прошлом Году они миновали Тевар задолго до того, как вошла Снежная Звезда, это я помню. Но кто помнит Год, бывший до прошлого?

– Может быть, они идут Горным Путем, – вмешался еще один внук, – и вовсе не покажутся в Аскатеваре.

– Вестник сказал, что они захватили Тлокну, – резко возразил Умаксуман. – А Тлокна лежит к северу от Тевара на Береговом Пути. Почему мы не хотим поверить этой вести? Почему мы мешкаем и ничего не делаем?

– Потому что те, кто ведет войну Зимой, не доживают до Весны, – проворчал Вольд.

– Но если они придут...

– Если они придут, мы будем сражаться.

Наступило молчание, Агат больше ни на кого не смотрел, а устремил темный взгляд в пол, точно истинный человек.

– Люди говорят, – начал Уквет насмешливо, предвкушая торжество, – будто дальнерожденные наделены колдовским могуществом. Я об этом ничего не знаю, я родился на летних угодьях и до нынешнего лунокруга не видел дальнерожденных и уж тем более не сидел рядом с ними за едой. Но если они чародеи и обладают таким могуществом, почему им нужна помощь против гаалей?

– Я тебя не слышу! – загремел Вольд. Его щеки побагровели, из глаз покатались слезы.

Уквет закрыл лицо руками. Разъяренный дерзким обхождением с гостем его шатра, а также собственной растерянностью, заставившей его спорить и с теми и с другими, старик тяжело дышал и смотрел прямо на Уквета, все еще прятывшего лицо.

– Я говорю! – наконец объявил Вольд голосом громким и звучным, как в молодости. – Я говорю! Вы слушаете! Вестники побегут по Береговому Пути, пока не встретят Откочевку. А за ними на два перехода позади – но только до рубежа нашего Предела – будут следовать воины, все мужчины, рожденные между серединой Весны и Летним Бесплодием. Если гааль идет ордой, наши воины отгонят его к горам, если же нет, они вернутся в Тевар.

Умаксуман радостно захохотал и крикнул:

– Старейший, ведешь нас ты, и никто другой!

Вольд что-то проворчал, рыгнул и сел.

– Но воинов поведешь ты, – мрачно сказал он Умаксуману.

Агат прервал свое молчание и произнес обычным, спокойным голосом:

– Мои люди могут послать триста пятьдесят воинов. Мы пойдем старым путем по берегу и соединимся с вашими воинами на рубеже Аскатевара.

Он встал и протянул руку. Вольд, сердясь, что его заставили принять решение, и все еще не оправившись после своей вспышки, словно не заметил ее, но Умаксуман стремительно вскочил и прижал ладонь к ладони дальнерожденного. На миг они замерли в отблесках очага, точно ночь и день: Агат – темный, сумрачный, угрюмый и Умаксуман – светложкий, ясноглазый, радостный.

Решение было принято, и Вольд знал, что сумеет навязать его всем Старейшинам. Но он также знал, что больше ему уже не придется принимать решений. Послать их на войну он мог, но Умаксуман вернется вождем воинов, а потому – самым влиятельным человеком среди Людей Аскатевара. Приказ Вольда был его отречением от власти. Умаксуман станет молодым вождем. Он будет замыкать круг на Перестуке Камней, он поведет Зимой охотников, он возглавит набеги Весной и великое кочевье в долгие дни Лета. Его Год только начинается...

– Идите все! – проворчал Вольд. – Пусть люди завтра соберутся на Перестук Камней, Умаксуман. И скажи шаману, чтобы он пригнал ханну, но только жирную, с хорошей кровью!

Агату он не сказал ни слова. И они ушли – сильные молодые люди. А он сидел у очага, скорчившись, поджав под себя плохо гнущиеся ноги, и глядел в желтое пламя, словно хотел обрести в нем утраченный блеск солнца, невозвратимое тепло Лета.

Глава 5

Сумерки в лесу

Дальнерожденный вышел из шатра Умаксумана и остановился, продолжая разговаривать с молодым вождем. Оба смотрели на север и шурились, потому что седой ветер обжигал глаза холодом. Агат протянул руку вперед, словно говорил о горах, и порыв ветра донес два-три слова до Ролери, которая стояла, глядя на дорогу, ведущую к городским воротам. От его голоса она вздрогнула, и по ее жилам побежала волна страха и тьмы, пробудив воспоминание о том, как этот голос говорил в ее мыслях, внутри ее, и звал, чтобы она пришла к нему.

И тут же, точно искаженное эхо, в ее памяти прозвучали злые слова, резкие, как пощечина, когда на лесной тропе он крикнул, чтобы она уходила, когда он прогнал ее от себя.

Она опустила на землю корзины, которые оттягивали ей руки. В этот день они перебирались из алых шатров, в которых прошло ее кочевое детство, под крутые деревянные крыши, в тесноту подземных комнат, переходов и кладовых Зимнего Города, и все ее родные и двоюродные сестры, тетки, племянницы возбужденно перекликались, хлопотливо сновали между шатрами и воротами, нагруженные связками мехов, ларцами, мешками из шкур, корзинами, горшками. Она оставила свои корзины у дороги и пошла к лесу.

– Ролери! Ро-олери! – доносились сзади пронзительные голоса, которые вечно звали, наставляли, бранили ее, ни на мгновение не стихая у нее за спиной. Она ни разу не оглянулась и продолжала идти вперед, а очутившись под защитой леса, побежала – и замедлила шаг, только когда все звуки затихли вдаль, пропали в полной вздохов и шорохов тишине среди деревьев, стонущих под ветром. О стоянке людей напоминал лишь легкий горьковатый запах древесного дыма, который доносился и сюда.

Теперь тропа во многих местах была перегорожена рухнувшими деревьями, и ей приходилось перебираться через них или проползать под ними, а сухие сучья рвали ее одежду, цеплялись за капюшон. Ходить по лесу при таком ветре было небезопасно – вот и сейчас где-то выше по склону раздался приглушенный расстоянием треск. Еще один ствол не выдержал напора ветра. Но ей было все равно. Сейчас она могла бы вновь спуститься на эти серые пески, чтобы спокойно, совсем спокойно ждать, когда обрушится на нее пенящаяся стена воды в четыре человеческих роста. Она остановилась с той же внезапностью, с какой побежала, и замерла на окутанной сумраком тропе.

Ветер дул, стихал, начинал дуть с новой силой. Мутные, мглистые тучи неслись так низко, что почти задевали густое сплетение сухих обнаженных ветвей над головой у девушки. Тут уже наступил вечер. Ее гнев угас, сменился растерянностью, и она стояла в безмолвном оцепенении, ссутулясь от ветра. Что-то белое мелькнуло перед ней, и она вскрикнула, но не шевельнулась. Вновь мелькнула белая молния и вдруг застыла над ней на кривом суку – не то огромная птица, не то зверь с крыльями, совершенно белый и сверху и снизу, с короткими крючковатыми губами, которые то смыкались, то размыкались, с неподвижными серебряными глазами. Вцепившись в сук четырьмя широкими когтями, неведомая тварь неподвижно глядела на нее вниз, а она неподвижно глядела вверх. Серебряные глаза смотрели не мигая. Внезапно развернулись огромные крылья в рост человека и захлопали, ломая ветки вокруг. Тварь била белыми крыльями и пронзительно кричала, а потом взмыла вверх навстречу ветру и тяжело полетела среди сухих древесных вершин под клубящимися тучами.

– Снеговой, – сказал Агат, остановившись на тропе позади нее. – По поверью, они приносят снежные бури.

Огромное серебряное чудовище так напугало ее, что все мысли смешались. На миг она ослепла от слез, всегда сопровождающих сильное душевное волнение у людей этой планеты. Она надеялась встретить дальнерожденного здесь, в лесу, и осыпать его насмешками, уничто-

жить презрением: ведь она заметила, что под маской небрежного высокомерия он был глубоко уязвлен, когда Люди в Теваре смеялись над ним и ставили его на место так, как он того заслуживал, лжечеловек, низшее существо. Но белый жуткий снеговой нагнал на нее такой страх, что она закричала, глядя на дальнерожденного в упор, как мгновение назад смотрела на крылатое чудовище:

– Я тебя ненавижу! Ты не человек, я тебя ненавижу!

Тут слезы высохли, она отвела взгляд, и оба они довольно долго молчали.

– Ролери! – прозвучал негромкий голос. – Посмотри на меня.

Но она не повернула головы. Он подошел ближе, и она отпрянула с воплем, пронзительным, как крик снеговой:

– Не прикасайся ко мне!

Ее лицо исказилось.

– Успокойся, – сказал он. – Возьми меня за руку. Возьми же!

Она снова отпрянула, но он схватил ее за запястье и удержал. Вновь они застыли без движения.

– Пусти! – сказала она наконец обычным голосом, и он сразу разжал пальцы. Она глубоко вздохнула. – Ты говорил. Я слышала, как ты говорил внутри меня. Там, на песках. Ты и опять так можешь?

Не сводя с нее внимательного спокойного взгляда, он кивнул:

– Да. Но ведь я тогда же сказал тебе, что больше не буду. Никогда.

– Я все еще слышу его. Я чувствую твой голос! – Она прижала ладони к ушам.

– Я знаю. И прошу у тебя прощения. Когда я позвал тебя, я не сообразил, что ты врасу... что ты из Тевара. Закон это запрещает. Да это и не должно было получиться.

– Что такое врасу?

– Так мы называем вас.

– А как вы называете себя?

– Люди.

Она посмотрела вокруг, на стонущий сумеречный лес, на колоннады серых стволов, на клубящиеся тучи почти над самой головой. Этот серый движущийся мир пугал своей непривычностью, но она больше не боялась. Прикосновение его пальцев, подлинное, осязаемое, вдруг смягчило мучительность его присутствия, принесло успокоение, а их разговор окончательно привел ее в себя. Она вдруг поняла, что прошлый день и всю ночь была во власти безумия.

– А все у вас умеют... разговаривать вот так?

– Некоторые умеют. Этому надо учиться. И довольно долго. Пойдем вон туда и сядем. Тебе надо отдохнуть.

Он всегда говорил сурово, но теперь в его голосе появился новый оттенок, что-то совсем другое, словно та настойчивость, с какой он звал ее на песках, преобразилась в бесконечно подавляемую бессознательную мольбу, в ожидание отклика. Они сели на упавший ствол батука чуть в стороне от тропы. Она подумала, что он и ходит, и сидит совсем не так, как мужчины ее Рода, – его осанка, все его движения были лишь чуть-чуть иными и все-таки совершенно чужими. Особенно его зажатые между коленями темные руки с переплетенными пальцами. А он продолжал:

– Вы тоже могли бы научиться мысленной речи, но ваши люди не захотели. Сказали, кажется, что это чародейство... В наших книгах написано, что мы сами давным-давно переняли это умение у людей еще одной планеты, которая называлась Роканнон. Тут нужны не только способности, но и долгие упражнения.

– Значит, ты можешь слышать мои мысли, если захочешь?

– Это запрещено, – сказал он так бесповоротно, что ее опасения исчезли без следа.

- Научи меня этому умению, – вдруг совсем по-детски попросила она.
- На это потребовалась бы вся Зима.
- Ты что же, учился этому всю Осень?
- И часть Лета. – Он чуть-чуть улыбнулся.
- Что такое «врасу»?
- Это слово из нашего древнего языка. Оно означает «высокоразумные существа».
- А где та, другая планета?
- Ну... Их очень много. Там. За луной и солнцем.
- Значит, вы правда упали с неба? А зачем? А как вы добрались из-за солнца сюда, на

берег моря?

– Я расскажу, если ты захочешь услышать, Ролери, только это не сказка. Многого мы сами не понимаем, но то, что мы знаем о своей истории, – все правда.

– Я слушаю, – прошептала она ритуальную фразу. Однако, хотя его слова произвели на нее впечатление, полностью она их не приняла.

– Так вот. Там, среди звезд, есть очень много миров, и обитает на них очень много различных людей. Они создали корабли, способные переплыть тьму между мирами, и отправились путешествовать, ведя торговлю и исследуя неведомое. Они объединились в Лигу, как ваши кланы объединяются в Предел. Но у Лиги Всех Миров был какой-то враг, появившийся откуда-то из неизмеримой дали. Откуда точно, я не знаю. Книги писались для людей, которые знали больше, чем знаем мы.

Он все время употреблял слова, похожие на настоящие. Только в них не было смысла. Ролери тщетно пыталась понять, что такое «корабль», что такое «книга». Но он говорил с такой задумчивостью, с такой тоской, что она слушала как замороженная.

– Лига копила силы, ожидая нападения этого врага. Более могущественные миры помогали более слабым вооружаться и готовиться к встрече с ним. Ну почти так, как мы тут готовимся к приходу гаалей. Я знаю, что для этого обучали чтению мыслей, но в книгах говорится и про оружие – про огонь, способный сжечь целые планеты и взорвать звезды. И в это время мои соплеменники прилетели сюда из своего родного мира. Их было немного. Им предстояло завязать дружбу с людьми этого мира и узнать, не захотят ли они вступить в Лигу и заключить союз против общего врага. Но враг напал как раз в те дни. Корабль, привезший моих соплеменников, вернулся на родину, чтобы присоединиться к военному флоту. Многие улетели на нем, а кроме того, он увез... ну... дальноговоритель, с помощью которого люди в одном мире могли говорить с людьми в другом. Но некоторые остались. То ли они должны были оказать помощь этому миру, если бы враг добрался сюда, то ли просто не могли вернуться – мы не знаем. В их записях сказано только, что корабль улетел. Копье из белого металла, длиннее целого города, стоящее на огненном пере. Осталось его изображение. Я думаю, они верили, что корабль скоро вернется. Это было десять Лет назад.

– А как же война с врагом?

– Мы не знаем. Мы ничего не знаем о том, что происходило в других мирах с тех пор, как корабль улетел. Некоторые из нас думают, что война была проиграна, а другие считают, что нет, но что победа досталась дорогой ценой и за долгие Годы сражений про горстку оставшихся здесь людей успели забыть. Кто знает? Если мы выживем, то когда-нибудь узнаем. Если никто не прилетит сюда, мы сами построим корабль и отправимся на поиски.

Он говорил тоскливо и насмешливо. У Ролери голова шла кругом от неизмеримости распахнувшегося перед ней времени, пространства и собственного непонимания.

– С этим трудно жить, – сказала она немного погодя.

Агат засмеялся, словно удивившись:

– Нет! В этом мы черпаем гордость. Трудно другое: выжить в мире, которому ты чужой. Пять Лет назад мы были многочисленны и могущественны, а теперь – погляди на нас!

– Говорят, дальнерожденные никогда не болеют. Это правда?

– Да. Вашими болезнями мы не заражаемся, а своих сюда не привезли. Но если нас ранить, то потечет кровь. И мы стареем, совсем как Люди.

– Но ведь по-другому и быть не может, – сердито сказала она.

Он оставил насмешливый тон:

– Наша беда в том, что у нас почти нет детей. Так много рождается мертвыми и так мало – живыми и крепкими!

– Я об этом слышала. И много думала. У вас такие странные обычаи! Ваши дети рождаются и в срок, и не в срок – даже в Зимнее Бесплодие. Почему?

– Так уж у нас ведется! – Он снова засмеялся и посмотрел на нее, но она помрачнела.

– Я родилась не в срок, в Летнее Бесплодие, – сказала она. – У нас это тоже случается, но очень редко. И вот, понимаешь, когда Зима кончится, я уже буду стара и не смогу родить весеннего ребенка. У меня никогда не будет сына. Какой-нибудь старик возьмет меня пятой женой. Но Зимнее Бесплодие уже началось, а к приходу Весны я буду старой. Значит, я умру бездетной. Женщине лучше совсем не родиться, чем родиться не в срок, как родилась я... И еще одно: правду говорят, что дальнерожденный берет всего одну жену?

Он кивнул, и она догадалась, что они кивают, когда соглашаются, вместо того чтобы пожать плечами.

– Ну так неудивительно, что вас становится все меньше.

Он усмехнулся, но она не отступила:

– Много жен – много сыновей! Будь ты из Тевара, ты был бы уже отцом пяти или десяти детей. А сколько их у тебя?

– Ни одного. Я не женат.

– И не разу не делил ложе с женщиной?

– Этого я не говорил! – ответил он и добавил: – Но когда мы хотим иметь детей, мы женимся.

– Будь ты одним из нас...

– Но я не один из вас! – отрезал он, и наступило молчание. Потом он сказал мягче: – Дело не в обычаях и нравах. Мы не знаем, в чем причина, но она скрыта в нашем теле. Некоторые доктора считают, что здешнее солнце не такое, как то, под которым рождались и жили наши предки, и оно воздействует на нас, мало-помалу меняет что-то в нашем теле. И эти изменения губительны для продолжения рода.

Они вновь надолго замолчали.

– А каким он был – ваш родной мир?

– У нас есть песни, которые рассказывают о нем, – ответил он, но когда она робко спросила, что такое «песня», он промолчал и продолжал после паузы: – Наш родной мир ближе к солнцу, и Год там продолжается меньше одного лунокруга. Так говорят книги. Ты только представь себе: Зима длится всего девяносто дней!

Они засмеялись.

– Огонь развести не успеешь! – сказала Ролери.

Легкий сумрак сгушался в ночную тьму. Уже трудно было различить тропу перед ними, черный проход между стволами, ведущий налево в ее город, направо – в его. А здесь, на пути – только ветер, мрак, безлюдье. Стремительно приближалась ночь. Ночь, и Зима, и война – время умирания и гибели.

– Я боюсь Зимы, – сказала она еле слышно.

– Мы все ее боимся, – ответил он. – Какая она? Мы ведь знаем только солнечный свет и тепло.

Она всегда хранила бесстрашное и беззаботное одиночество духа. У нее не было сверстников и подруг, она предпочитала держаться в стороне от остальных, поступала по-своему и ни

к кому не питала особой привязанности. Но теперь, когда мир стал серым и не обещал ничего, кроме смерти, теперь, когда она впервые испытала страх, ей встретился он – темная фигура на черной скале над морем, – и она услышала его голос, который звучал у нее в крови.

– Почему ты никогда не смотришь на меня? – спросил он.

– Если ты хочешь, я буду смотреть на тебя, – ответила она, но не подняла глаз, хотя и знала, что его странный темный взгляд устремлен на нее. В конце концов она протянула руку, и он сжал ее пальцы.

– У тебя золотые глаза, – сказал он. – Я хотел бы... хотел бы... Но если бы они узнали, что мы были вместе, то даже теперь...

– Твои родичи?

– Твои. Моим до этого нет дела.

– А мои ничего не узнают.

Они говорили тихо, почти шепотом, торопливо, без пауз.

– Ролери, через две ночи я ухожу на север.

– Я знаю.

– Когда я вернусь...

– А когда ты не вернешься! – крикнула девушка, не выдержав ужаса, который нарастал в ней все последние дни Осени, – страха перед холодом, страха смерти.

Он обнял ее и тихо повторял, что он вернется, а она чувствовала, как бьется его сердце... совсем рядом с ее.

– Я хочу остаться с тобой, – сказала она, а он уже говорил:

– Я хочу остаться с тобой.

Вокруг них смыкался мрак. Они встали и медленно пошли к темному проходу между стволами. Она пошла с ним в сторону его города.

– Куда нам идти? – сказал он с горьким смешком. – Это ведь не любовь в дни Лета. Тут ниже по склону есть охотничий шалаш. Тебя хватятся в Теваре.

– Нет, – шепнула она, – меня никто не хватится.

Глава 6

Снег

Вестники отправились в путь, и на следующий день воины Аскатеваара должны были двинуться на север по широкой, но совсем заросшей тропе, пересекающей Предел, а небольшой отряд из Космопора собирался выступить тогда же по старой береговой дороге. Умаксуман, как и Агат, считал, что им лучше будет объединить силы не раньше чем перед самой битвой с врагом. Их союз держался только на влиянии Вольда. Многие воины Умаксумана, хотя они не раз принимали участие в набегах и стычках до наступления Зимнего Перемирия, с большой неохотой шли на эту нарушавшую все обычаи войну, и даже среди его собственного Рода набралось немало таких, кого союз с дальнерожденными возмущал. Уквет и его сторонники открыто заявили, что, покончив с гаалями, они разделаются с чародеями. Агат пропустил их угрозу мимо ушей, предвидя, что победа смягчит или вовсе рассеет его ненависть, а в случае поражения все это уже не будет иметь значения. Однако Умаксуман не заглядывал так далеко вперед и был обеспокоен.

– Наши разведчики ни на минуту не выпустят вас из виду. В конце-то концов, гаали не станут дожидаться нас у рубежа.

– Длинная Долина под Крутым Пиком – вот лучшее место для битвы, – сказал Умаксуман, сверкнув улыбкой. – Удачи тебе, альтерран!

– Удачи тебе, Умаксуман!

Они простились как друзья под скрепленным глиной сводом каменных ворот Зимнего Города. Когда Агат повернулся, чтобы уйти, за аркой что-то мелькнуло и закружилось в сером свете тусклого дня. Он удивленно посмотрел на небо, потом обернулся к Умаксуману:

– Погляди!

Теварец вышел за ворота и остановился рядом с ним. Вот, значит, какое оно – то, о чем рассказывали старики! Агат протянул руку ладонью вверх. На нее опустилась мерцающая белая пушинка и исчезла. Сжатые поля и истоптанные пастбища вокруг, речка, темный клин леса, холмы на юге и на западе – все как будто чуть дрожало и отодвигалось под низкими тучами, из которых сыпались редкие хлопья, падая на землю косо, хотя ветер стих.

Позади них среди крутых деревянных крыш раздались возбужденные крики детей.

– А снег меньше, чем я думал, – наконец мечтательно произнес Умаксуман.

– Я думал, он холоднее. Воздух сейчас словно бы даже немного потеплел... – Агат с трудом отвлекся от зловещего и завораживающего кружения снега. – До встречи на севере, – сказал он и, притянув меховой воротник к самой шее, чтобы защитить ее от непривычного щекотного прикосновения снежинок, зашагал по тропе к Космопору.

Углубившись в лес на полмили, он увидел еле заметную тропинку, которая вела к охотничьему шалашу, и по его жилам словно разлился жидкий огонь. «Иди же, иди!» – приказал он себе, сердясь, что снова теряет власть над собой. Днем у него почти не осталось времени для размышлений, но это он успел обдумать и распутать. Вчерашняя ночь... она была и кончилась вчера. И ничего больше. Не говоря уж о том, что она все-таки врасу, а он – человек и общего будущего у них быть не может, это глупо и по другим причинам. С той минуты, когда он увидел ее лицо на черных ступеньках над пенистыми волнами, он думал о ней и томился желанием снова ее увидеть, точно мальчишка, влюбившийся в первый раз. Но больше всего на свете он ненавидел бессмысленность, тупую бессмысленность необузданной страсти. Такая страсть толкает мужчин на безумства, заставляет преступно рисковать тем, что по-настоящему важно, ради нескольких минут слепой похоти, и они теряют контроль над своими поступками. И он остался с ней вчера ночью, только чтобы не утратить этого контроля, благоразумие требовало избавиться от наваждения. Он снова повторил себе все это, ускорив шаг и гордо отки-

нув голову, а вокруг танцевали редкие снежинки. И по той же причине он еще раз встретился с ней сегодня ночью. При этой мысли его тело и рассудок словно озарились жарким светом, мучительной радостью. Но он продолжал твердить себе, что завтра отправится с отрядом на север, а если вернется, тогда хватит времени объяснить ей, что таких ночей больше не должно быть, что они никогда больше не будут лежать, обнявшись, на его меховом плаще в темноте шалаша в самом сердце леса, где вокруг нет никого – только звездное небо, холод и безмерная тишина... Никогда. Никогда... Ощущение абсолютного счастья, которое она ему подарила, вдруг вновь нахлынуло на него, парализуя мысли. Он перестал убеждать и уговаривать себя, а просто шел вперед размашистым шагом сквозь сгущающиеся лесные сумерки и, сам того не замечая, тихонько напевал старинную любовную песню, которую его предки не забыли в изгнании.

Снег почти не проникал сквозь ветки. «Как рано теперь темнеет!» – подумал он, подходя к развилке, и это была его последняя связная мысль перед тем, как что-то ударило его по щиколотке и он, потеряв равновесие, упал ничком, успев, однако, опереться на руки. Он попытался встать, но тень слева вдруг превратилась в серебристо-белую человеческую фигуру, и на него обрушился удар. В ушах у него зазвенело, он высвободился из-под какой-то тяжести и снова попробовал приподняться. Он утратил способность думать и не понимал, что происходит, – ему казалось, будто все это уже было раньше, а может, этого никогда и не было, а только ему чудится. Серебристых людей с полосками на ногах и руках было несколько, и они крепко держали его, а один подошел и чем-то ударил его по губам. Сомкнулась тьма, пронзая яростью и болью. Отчаянно рванувшись всем телом, он высвободился и ударил кого-то из серебристых в челюсть – тот отлетел в темноту, но их оставалось много, и второй раз он высвободиться не сумел. Они били его, а когда он уткнулся лицом в грязь, начали пинать в бока. Он вжимался в спасительную грязь, ища у нее защиты... потом послышалось чье-то дыхание. Сквозь гул в ушах он расслышал голос Умаксумана. И он тоже, значит. Но ему было все равно, лишь бы они ушли, лишь бы оставили его в покое. Как рано теперь темнеет.

Кругом был мрак, густой и непроглядный. Он пытался ползти. Надо добраться домой, к своим, к тем, кто ему поможет. Было так темно, что он не видел своих рук. Бесшумный невидимый снег падал в абсолютной темноте на него, на грязь, на прелые листья. Надо добраться домой. Ему было очень холодно. Он попытался встать, но не было ни востока, ни запада, и, скованный болью, он уронил голову на локоть. «Придите ко мне!» – попытался он позвать на мысленной речи, но было невыносимо трудно обращаться в непроглядной тьме куда-то вдаль. Гораздо легче лежать так и не шевелиться. Это легко, очень легко.

В Космопоре, в высоком каменном доме, у пылающего в очаге плавника Элла Пасфаль вдруг подняла глаза от книги. Она совершенно ясно почувствовала, что Джакоб Агат передает ей... Но ни образы, ни слова не возникали в ее мозгу. Странно! Впрочем, у мысленной речи столько странных побочных эффектов, непонятных, необъяснимых следствий! В Космопоре многие вообще ей не научились, а те, кто способен передавать, редко пользуются своим умением. На севере, в Атлантике, они с большей свободой общались мысленно. Сама она была беженкой из Атлантики и помнила, как в страшную Зиму ее детства она разговаривала с остальными мысленно чаще, чем вслух. А когда ее отец и мать умерли во время голода, она потом целый лунокруг вновь и вновь чувствовала, будто они передают ей, ощущала их присутствие в глубинах своего сознания, но не было ни образов, ни слов – ничего.

«Джакоб!» – передала она и повторяла долго, упорно, но ответа не пришло.

В то же мгновение Гуру Пилотсон, еще раз проверявший в Арсенале снаряжение, которое утром возьмет с собой отряд, внезапно поддался смутной тревоге, не оставлявшей его весь день, и воскликнул:

– Куда запропастился Агат, черт бы его побрал!

– Да, он что-то запаздывает, – согласился один из хранителей Арсенала. – Опять ушел в Тевар?

– Укреплять дружбу с мучномордыми, – невесело усмехнулся Пилотсон и снова нахмурился. – Ну ладно, займемся теперь меховыми куртками.

В то же мгновение в комнате, обшитой кремовыми панелями из атласного дерева, Сейко Эсмит беззвучно разрыдалась, ломая руки, мучительно заставляя себя не передавать ему, не звать его на парязыке и даже не произносить его имени вслух – Джакоб!

В то же самое мгновение мысли Ролери вдруг затемнились, и она скорчилась без движения.

Она скорчилась без движения в охотничьем шалаше. Утром она решила, что в суматохе переселения из шатров в подземный лабиринт Родовых Домов ее отсутствие накануне вечером и позднее возвращение остались незамеченными. Но теперь порядок уже восстановился, жизнь вошла в обычное русло, и, конечно, кто-нибудь да увидит, если она попробует ускользнуть в сумерках. А потому она ушла днем, надеясь, что никто не обратит на это внимания – ведь она часто уходила так прежде, – кружным путем добралась до шалаша, заползла внутрь, плотнее закуталась в свои меха и приготовилась ждать наступления ночи и шороха его шагов на тропинке. Начали падать снежинки, их кружение навевало на нее сон. Она глядела на них и сквозь дремоту пыталась представить себе, что будет завтра. Ведь завтра он уйдет. А ее клан будет знать, что она отсутствовала всю ночь. Но до завтра еще далеко. Тогда и видно будет. А сейчас еще сегодня. Она уснула. И вдруг проснулась, словно ее ударили. Она вся скорчилась, и в ее мыслях была пустая тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.